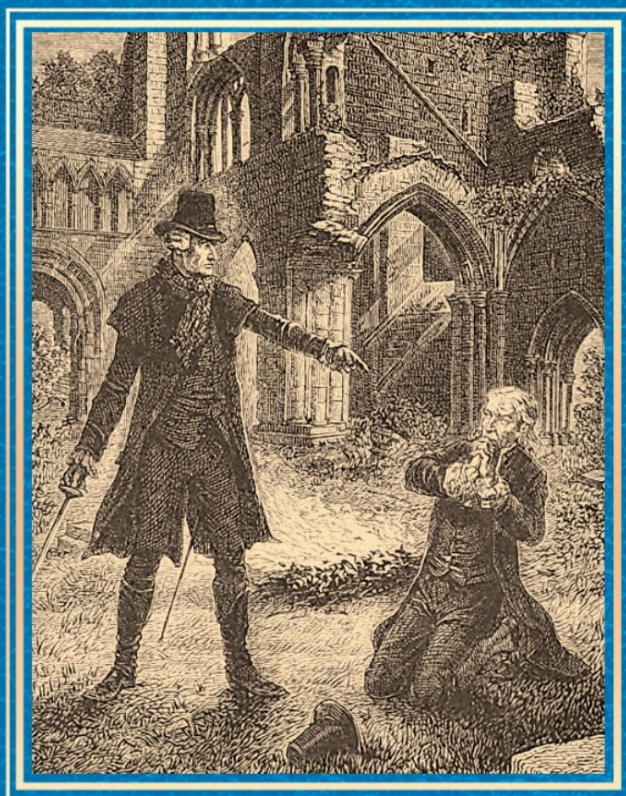

Вальтер Скотт

Антикварий

МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера приключений

Вальтер Скотт

Антикварий

«ВЕЧЕ»

1816

УДК 821.111-311.3
ББК 84(4Вл)

Скотт В.

Антикварий / В. Скотт — «ВЕЧЕ», 1816 — (Мастера приключений)

ISBN 978-5-4484-6262-7

Последнее десятилетие XVIII века, где-то на севере Шотландии. Волей судеб и кривых колес нерасторопного дилижанса двое случайных попутчиков, таинственный и сдержанный мистер Ловел, который явно что-то недоговаривает, и неугомонный антикварий мистер Олдбок, который за словом в карман не полезет, становятся друзьями. Антикварию нравится собеседник, который так увлеченно умеет слушать, странно только, что о себе самом мистер Ловел что-то не больно рассказывает. Уж не авантюрист ли какой? А может, шпион? Но и сам антикварий не так прост, как кажется. Пригласив Ловела в свое поместье, он размещает его в лучшей комнате, где давно не было гостей. За окном бушует буря, наступает ночь, и слуги тревожно шепчутся, что с комнатой этой что-то не так... В очередной том Вальтера Скотта из серии «Мастера приключений» входит удивительный «Антикварий». Здесь есть тайны, дуэли, клады, а возможно, даже и призраки, немного юмора, чуть больше романтики и щепотка сумеречной готики. Именно этот роман сэр Вальтер называл своим самым любимым произведением. Настоящее издание включает полторы сотни оригинальных иллюстраций от мэтров старинной книжной графики.

УДК 821.111-311.3

ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-4484-6262-7

© Скотт В., 1816

© ВЕЧЕ, 1816

Содержание

От автора	9
Глава I	16
Глава II	23
Глава III	31
Глава IV	41
Глава V	49
Глава VI	59
Глава VII	71
Глава VIII	79
Глава IX	86
Глава X	93
Глава XI	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Вальтер Скотт Антикварий

*Я знал Ансельмо. Умный, осторожный,
Он с мудростью лукавство сочетал.
Бывал он и капризен, как ребенок,
Но быстро мог утешиться игрушкой:
Собраньем сказок с выцветшей гравюрой,
Иль звяканьем заржавленной медали,
Иль старой песенкой, впервые спетой
Над колыбелью короля Пипина.*

Серия «Мастера приключений»

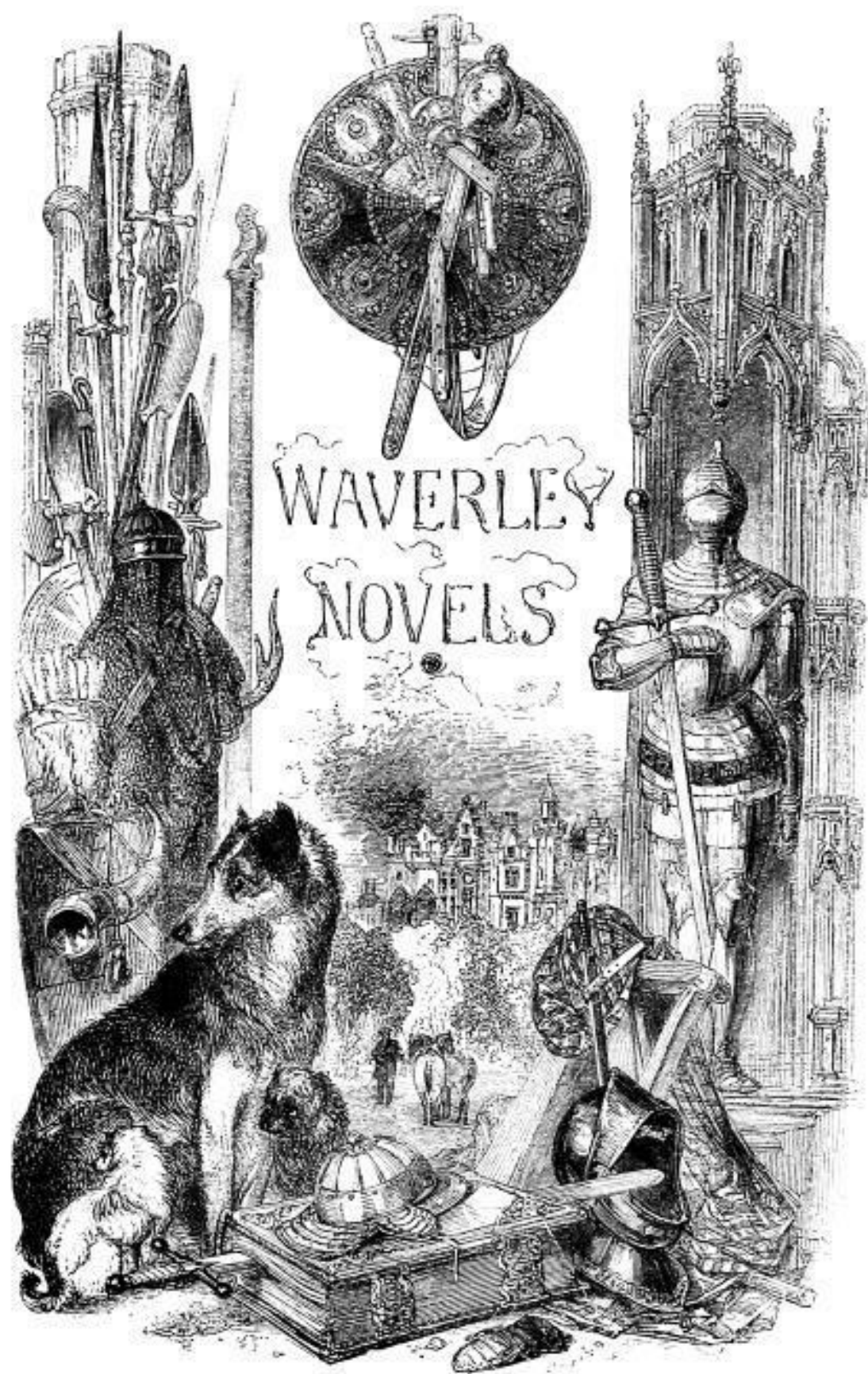
Иллюстраторы:

*Дж. Роб Браун, Чезаре Аугусто Детти, Луи Дунки, Годфруа Дюран, Гюстав Фрэпон,
К. Гилберт, Эдуар Риу и др.*

Перевод с английского Д.М. Горфинкеля

© Оформление. ООО «Издательство «Вече», 2026

EDINBURGH: ROBERT CADELL. LONDON: HOULSTON & STONEMAN.

M DCCC XLII.

От автора

John Antiquary

Настоящей книгой завершается серия повествований, задуманных с целью описать шотландские нравы трех различных периодов: «Уэверли» охватывает эпоху наших отцов, «Гай Мэннеринг» – время нашей юности, «Антикварий» же относится к последнему десятилетию восемнадцатого века. Я стремился – особенно в двух последних произведениях – искать прообразы главных действующих лиц в той части общества, которая менее всего поддается воздействию всеобщей взаимной полировки, постепенно сглаживающей различия в нравах разных наций. С той же средой я связал и многие сцены, в которых старался изобразить игру

страстей более высоких и бурных, потому что люди низших классов меньше привыкли подавлять свои чувства и потому что – в этом я вполне согласен с моим другом Вордсвортом – они редко упускают случай выразить их сочным и чрезвычайно сильным языком. Этим, по моему мнению, отличаются жители сельских местностей моей родины, представители среды, с которой я давно и близко знаком. Античная сила и простота их языка, часто уснащенная восточным красноречием Священного Писания в устах наиболее развитых из них, придают пафос их горю и достоинство их негодованию.

Я больше заботился о подробном описании нравов и обычаев, нежели об искусном и сложном развитии сюжета, и могу лишь пожалеть, что не был в силах объединить оба эти требования, предъявляемые к хорошему роману.

Похождения подлого «чародея» могут показаться надуманными и маловероятными. Но мы за последнее время наблюдали гораздо более яркие случаи вреднейшего суеверия, и читатель может не сомневаться, что эта часть повествования основана на действительном происшествии.

Мне остается лишь выразить свою благодарность читателям за исключительно теплый прием, оказанный ими произведению, в заслугу которым можно поставить разве что верность колорита, и почтительно откланяться, так как едва ли я буду еще иметь возможность обращаться к благосклонности читателей.

К приведенным выше словам автора, предпосланным первому изданию «Антиквария»¹, в настоящем издании необходимо добавить несколько слов, заимствованных из введения к «Хроникам Кэнонгейта»² и касающихся личности Джонатана Олдбока.

Замечу здесь, что, считая обращение к историческим событиям неотъемлемым правом писателя, я ни разу не вторгся в чью-либо частную жизнь. Конечно, черты разных лиц, до сих пор живых и уже умерших, с которыми я когда-либо встречался в обществе, неизбежно попадали под мое перо в таких произведениях, как «Уэверли», и в тех, что за ним последовали. Но я неизменно старался обобщать свои портреты, с тем чтобы они в целом казались плодом фантазии, хотя и сохраняли сходство с подлинными людьми. И тут я должен признать, что мои усилия не всегда увенчивались успехом. Встречаются люди с такой яркой индивидуальностью, что при описании их главной, наиболее характерной черты они сразу же встают перед вами во всем своем неповторимом облике. Так, образ Джонатана Олдбока в «Антикварии» отчасти списан с одного друга моей юности, который познакомил меня с Шекспиром и оказал мне ряд других неоценимых услуг³. Мне казалось, что я очень тщательно замаскировал сходство и что этого человека не мог бы узнать никто из его современников. Однако я заблуждался и невольно выдал то, что хотел сохранить в тайне, ибо, как я узнал впоследствии, некий весьма почтенный джентльмен, один из немногих еще оставшихся в живых друзей моего отца и проникательный критик, после выхода в свет моей книги заметил, что он прекрасно знает, кто ее автор, так как узнал в антикварии характерные черты очень близкого друга семьи моего отца.

Мне остается лишь просить читателя не думать, что у моего уважаемого покойного друга была такая же родословная, как у мистера Олдбока, или что события его жизни походили на приключения, приписанные мной вымышленному лицу. В романе нет ни одного эпизода, взятого из действительности, за исключением разве того, что мой друг жил в старинном доме близ процветающего морского порта и что автору довелось быть свидетелем разговора между

¹ Первое издание романа «Антикварий» вышло в 1816 г.; настоящее предисловие было написано Вальтером Скоттом в 1829 г., когда выходило собрание его романов.

² «Кэнонгейтские хроники» (1827–1828) объединили несколько рассказов и романов Вальтера Скотта («Вдова горца», «Два гуртовщика», «Пертская красавица» и др.). Кэнонгейт – городок, выросший в Средние века вокруг аббатства Холируд, позднее предместье Эдинбурга.

³ Имеется в виду Джон Констебл, сосед и друг отца писателя. В своих воспоминаниях Вальтер Скотт писал о Констебле: «Он первый познакомил меня с Фальстафом, Хотспером и другими персонажами Шекспира».

этим другом и содержательницей почтового дилижанса, разговора, весьма похожего на тот, с которого начинается история антиквария. Добрый, хотя и несколько раздражительный нрав, ученость, остроумие и шутливая веселость, некоторая чудаковатость, присущая старому холостяку, здравость суждений, подкрепляемых подчас своеобразием языка, – вот, по мнению автора, единственные особенности, роднящие детище его воображения с благожелательным и милым старым другом.

Важная роль нищего в нижеследующем повествовании побуждает автора высказать несколько замечаний о людях этого типа, которые в прежнее время часто встречались в Шотландии, но теперь уже почти перевелись.

В старину в Шотландии было много таких нищих, которых отнюдь нельзя смешивать с нынешними, совершенно опустившимися бродягами-попрошайками. Те из них, кто постоянно скитался по определенной местности, обычно находили хороший прием как в сенях фермеров, так и на кухнях сельских джентльменов. Мартин, автор «*Reliquiae Divi Sancti Andreae*»⁴, написанных в 1683 году, рассказывает о некоторых представителях этого сословия в таких выражениях, что антикварий вроде мистера Олтбока пожалел бы о том, что они уже исчезли. Мартин высказывает мысль, что они происходят от древних бардов, и далее говорит: «Население, да и они сами называют себя “джоки” (бродячими певцами) и странствуют, выпрашивая милостыню. Они многое видят и слышат на своем веку и до сих пор помнят и могут воспроизвести “слоггорн” (клич к сбору или к бою) большинства древнейших шотландских кланов. С некоторыми из джоки я беседовал и нашел их разумными и сдержанными. Один из них сказал мне, что на всем острове их осталось теперь не более десяти человек, однако еще на его памяти их было так много, что одно время он входил в компанию из пяти человек, обычно собиравшихся на паперти церкви Сент-Эндрюс».

Этот тип шотландских джоки, по-видимому, давно вымер. Но нищий прежних лет, даже и в мое время, подобно «беккоху», ирландскому странствующему калеке, обретал себе приют не только тем, что жаловался на свои несчастья. Часто это был балагур и насмешник, который не лез за словом в карман и не стеснялся даже иной раз пройтись на счет людей уважаемых, ибо его заплатанный плащ давал ему привилегии старинного шута. Для такого «убогого», принадлежавшего к более уважаемому классу, очень важно было иметь хорошо подвешенный язык, то есть уметь вести быстрый и остроумный диалог. Недаром Бернс, который испытывал истинное наслаждение, беседуя с такими людьми, с такой мрачной решимостью взирал на будущее, когда, как ему казалось, и он сможет стать членом их странствующего братства. В своих поэтических произведениях Бернс упоминает о нем так часто, словно хочет сказать, что не считает подобное завершение своей судьбы таким уж невозможным. Так, в прекрасном посвящении своих сочинений Гэвину Гамильтону он говорит:

А не смогу коня взнуздать,
На хлеб пойду я собирать.

Также в послании к Дэви, собрату-поэту, он указывает, что их деятельность может закончиться так:

Коль станет нам немогогу,
Ну что ж, пойдем просить.

Заметив, что

⁴ «Развалины храма присноблаженного Святого Андрея» (лат.).

Искать в сарае кров ночной,
Коль ты усталый и больной,
Поистине – беда! —

бард, как истинный поэт, говорит о свободе и наслаждении красотами природы, способными уравновесить тяготы и необеспеченность жизни даже нищего. В одном из своих писем в прозе, – не припомню, где именно, – Бернс обращается к этой мысли еще более серьезно, считая, что жизнь нищего неплохо приноровлена к его привычкам и материальным возможностям.

Но если Роберт Бернс без особого ужаса взирал на жизнь шотландского нищего восемнадцатого века, автор едва ли допустил ошибку, придав Эди Охилтри некоторую поэтичность и личное достоинство, не соответствующее его жалкой профессии. И в самом деле, вся эта категория нищих пользовалась известными привилегиями. Им охотно предоставляли приют в какой-нибудь служебной пристройке, а в обычном подаении в виде куска хлеба им редко отказывал даже беднейший йомен. Все, что ему подавали, нищий распределял по различным мешкам, которыми была увешана его особа, и, таким образом, таскал с собой свое основное пропитание, которое он получал лишь за то, что дал себе труд попросить его. В домах дворян ему перепалили остатки мяса, а иной раз и старинная шотландская монета в двенадцать шотландских пенсов или, что то же самое, английское пенни – на нюхательный табак или виски. Собственно говоря, эти беспечные странники гораздо меньше страдали от подлинной нужды и недоедания, чем бедные фермеры, подававшие им милостыню.

А если, вдобавок к своим личным талантам, такой скиталец оказывался еще привилегированным «королевским молельщиком», или Голубым Плащом, это делало его аристократом среди людей его ремесла и обеспечивало ему уважение как весьма значительному лицу.

«Королевские молельщики» образуют особое сообщество пауперов, которым король Шотландии, по принятому в соответствии с велениями католической церкви⁵ обычаю, раздавал определенную милостыню и которые, в свою очередь, должны были молиться за благоденствие государя и всей державы. Это братство все еще существует. Число его членов равно числу лет его величества, и в каждый день рождения короля к списку прибавляется новый Голубой Плащ. В этот же знаменательный день каждый «молельщик» получает новый плащ из грубой ткани голубого цвета с оловянной бляхой, указывающей, что он имеет право просить милостыню по всей Шотландии, причем на него и его собратьев не распространяются никакие законы, направленные против назойливого попрошайничества и всех других видов нищенства. Вместе с плащом каждый нищий получает кожаный кошелек, содержащий столько шотландских шиллингов (то есть пенсов на английские деньги), сколько лет исполнилось монарху. Таким образом, усердие их молений о здравии короля подогревается личной заинтересованностью в предмете их забот. В этот же день королевский капеллан произносит перед «молельщиками» проповедь, хотя (как отметил один из преподобных джентльменов) это самые нетерпеливые и невнимательные слушатели на свете. Возможно, что, по их мнению, им платят за их собственные молитвы, а не за выслушивание чужих. Еще более вероятно, что причина заключается в стремлении – естественном, хотя и не особенно похвальном в людях столь почтенных – скорей покончить с праздничным церемониалом и перейти к ожидающему их сытному завтраку из хлеба и эля, ибо все нравственные и религиозные поучения увенчиваются советом джонсоновского «седого отшельника» новообращенному:

Эх, мой друг, глотни пивца!

⁵ До победы Реформации (XVI в.) Шотландия была католической страной.

В отчетах казначейства можно найти много записей о вспомоществовании деньгами и одеждой этим престарелым «молельщикам». Следующая выдержка, любезно предоставленная мне архивариусом мистером Макдоналдом, может представить интерес для лиц, близких по вкусам к Джонатану Олdboку из Монкбарнса.

ГОЛУБЫЕ ПЛАЩИ

В отчете сэра Роберта Мелвила из Мардокарни, помощника казначея короля Иакова VI, указаны следующие платежи:

«Июнь 1590 г.

Мистеру Питеру Юнгу, раздатчику милостыни, за 24 плаща голубой ткани для 24 стариков, соответственно возрасту его величества, на что ушло 168 локтей ткани, по цене 24 шиллинга за локоть: всего 201 ф. 12 ш.

За 16 локтей холста к упомянутым плащам, по 10 шиллингов за локоть: всего 8 ф.

За вложение в 24 кошелька по 24 шиллинга: всего 28 ф. 16 ш.

Стоимость каждого кошелька 4 пенса: всего 8 ш.

За пошив упомянутых плащей: всего 8 ф.»

В отчете Джона, графа Мара, генерального казначея Шотландии, и сэра Гидеона Мерри оф Элибанк, помощника казначея, также фигурируют Голубые Плащи:

«Июнь 1617 г.

Джеймсу Мерри, купцу, за 306 с половиной локтей голубой ткани на плащи для 51 престарелого человека, соответственно возрасту его величества, по 40 шиллингов за локоть: всего 613 ф.

Рабочим за переноску ткани в дом Джеймса Эйкмена, портного: всего 13 ш. 4 п.

За 6 с половиной локтей войлока для вышеупомянутых плащей, по 6 шиллингов 8 пенсов за локоть: всего 43 ш. 4 п.

Упомянутым рабочим за переноску плащей из дома Джеймса Эйкмена во дворец Холируд⁶: всего 18 ш.

За пошив упомянутых 51 плаща, по 12 шиллингов за штуку: всего 30 ф. 12 ш.

За 51 кошелёк для упомянутых бедных: всего 51 ш.

Сэру Питеру Юнгу на вложение 51 шиллинга в каждый из кошельков для упомянутых бедных: всего 130 ф. 1 ш.

Тому же сэру Питеру на покупку хлеба и эля для упомянутых бедных: всего 6 ф. 13 ш. 4 п.

Тому же сэру Питеру для раздачи другим бедным: всего 100 ф.

В последний день июня доктору Юнгу, декану Уинчестерскому, раздатчику милостыни его величества, 25 фунтов стерлингов для раздачи бедным во время шествия его величества: всего 300 ф.»

Мне остается лишь добавить, что, хотя институт «королевских молельщиков» все еще существует, их редко можно увидеть на улицах Эдинбурга, где они благодаря своеобразной одежде были раньше довольно характерными фигурами.

А теперь, описав род и вид, к которым принадлежал Эди Охилтри, автор хотел бы еще отметить, что, рассказывая об Эди, он имел в виду некоего Эндрю Джеммелза, старого нищего, которого много лет знали и должны еще помнить в долинах Галы, Твида, Этрика, Ярроу и прилегающих местностях.

⁶ К концу XV века аббатство Холируд близ Эдинбурга стало дворцом шотландских королей.

Автор в юности неоднократно виделся и беседовал с Эндрю, но не помнит, имел ли тот звание Голубого Плаща. Это был замечательно красивый старик, очень высокий, с солдатской выправкой и речью воина. Выражение лица его свидетельствовало об уме, склонном к язвительности. В его движениях сквозило столько изящества, что возникало подозрение, не позирует ли он. Все его движения отличались такой удивительной четкостью и пластичностью, что он в любую минуту мог бы послужить моделью для художника. Ему был не свойствен жалостливый тон его собратьев. Потребности его сводились к пище и крову или малой толике денег, и он просил и принимал подавание как нечто должное. Он мог спеть веселую песню, рассказать занятную историю и отпустить сочную шутку. Его остроты по глубине не уступали суждениям шекспировских шутов, но только он не прикрывался, подобно им, плащом безумия. Страх перед его насмешками, как и добрые чувства, которые питало к нему население, везде обеспечивали ему хороший прием. Действительно, острое словечко Эндрю Джеммелза, особенно если он метил в какую-нибудь значительную особу, облетало всю посещаемую им округу так же неизменно, как *bon mot*⁷ завязатого остроуслова распространяется в светском кругу. Многие из его удачных выпадов до сих пор живы в той округе, но они, в общем, носят слишком местный и личный характер, чтобы стоило их здесь приводить.

По всему, что я о нем слышал, Эндрю многим отличался от обыкновенных бродяг. Так, он охотно играл в карты и кости со всяким, кто искал подобного развлечения. Это гораздо характернее для ирландского странствующего игрока, чем для шотландского нищего. Покойный доктор Роберт Дуглас, галасшильский пастор, уверял автора, что в последний раз видел Эндрю Джеммелза за игрой в брэг с одним богатым и знатным джентльменом. Для соблюдения должной дистанции стороны расположились у открытого окна замка, причем лэрд сидел в кресле внутри, а нищий – на табурете во дворе, игра же шла на подоконнике. Ставкой была порядочная кучка серебра. Когда автор выразил некоторое удивление, доктор Дуглас заметил, что лэрд, несомненно, был шутник и чудака, но что многие солидные люди в те времена, подобно ему, не усмотрели бы ничего особенного в том, чтобы провести часок за картами или беседой с Эндрю Джеммелзом.

Этот замечательный нищий обычно имел при себе – по крайней мере многие так думали – столько денег, что современные разбойники сочли бы их достаточной ценой за его жизнь. Однажды некий сельский джентльмен, известный своей скупостью, встретив Эндрю, высказал большое сожаление, что не имеет в кармане мелочи, а то дал бы ему шесть пенсов. «Я могу разменять вам фунт», – ответил Эндрю.

Подобно большинству людей, поднявшихся до вершин мастерства в своей профессии, Эндрю Джеммелз часто сетовал на упадок, который на его глазах претерпело нищенство. Как род занятий, однажды сказал Эндрю, оно теперь приносит на сорок фунтов в год меньше, чем когда он впервые взялся за это дело. В другой раз он заметил, что собирание милостыни в последние годы уже не занятие для джентльмена и что, будь у него хоть двенадцать сыновей, он и тогда не соблазнился бы мыслью воспитать даже одного из них так, чтобы тот пошел по стопам отца.

Когда и где этот *laudator temporis acti*⁸ окончил свои скитания, автор достоверно не знает. Но вероятнее всего, как говорит Бернс:

Он умер смертью старых кляч
В канаве за селом.

⁷ Острота (*фр.*).

⁸ Воспеватель прошедших времен (*лат.*).

К портретам Эди Охилтри и Эндрю Джеммелза автор может присоединить еще один, полагая, что вместе они образуют как бы небольшую галерею, открытую для всего, что может осветить нравы минувших лет или развлечь читателя.

Сотоварищи автора по Эдинбургскому университету, вероятно, помнят худую, изможденную фигуру почтенного старого нищего, который стоял у снесенных теперь уже ворот в переулке Поттера и, ни слова не говоря, слегка кланялся и протягивал – нисколько не назойливо – шляпу в сторону каждого пешехода. Этот человек благодаря своей молчаливости и бледному, истощенному виду паломника из дальних стран собирал такую же дань, какую Эндрю Джеммелзу приносили его насмешки и величественная осанка. Говорили, что у него хватает средств, чтобы содержать сына, студента богословского факультета, у ворот которого просил милостыню отец. Молодой человек отличался скромностью и прилежно учился, поэтому какой-то его однокурсник, чьи родители принадлежали к не особенно высокому кругу, пожалел его и пытался утешить, любезно с ним разговаривая, когда увидел, что другие студенты, заподозрив тайну его рождения, совершенно от него отстранились. Старый нищий проникся благодарностью за такое внимание к сыну и однажды, когда приветливый студент проходил мимо, шагнул вперед, словно желая преградить ему путь. Студент вынул полпенни, думая, что дело идет о подавании, но, к своему удивлению, выслушал изъявления признательности за проявленную к Джемми доброту, а затем – сердечное приглашение на обед в ближайшую субботу. «Подкрепимся бараньей лопаткой с картофелем, – сообщил нищий и добавил: – Наденьте чистую рубашку – у меня будут еще гости». У студента было сильное искушение принять столь сердечное предложение, как многие в подобном случае, вероятно, и сделали бы. Но, так как его мотивы могли быть неверно истолкованы, он все же счел более осторожным, учитывая общественное положение старика, отклонить приглашение.

Таковы особенности нищенства в Шотландии, о которых мы сообщили в пояснение к роману, где представитель этой профессии играет значительную роль. Мы полагаем, что доказали право Эди Охилтри на отведенное ему видное место, ибо знавали нищего, который играл в карты с важной особой, и другого, который давал званые обеды.

Не знаю, стоит ли упоминать, что «Антикварий» при его первоначальном выходе в свет был принят менее благосклонно, чем его предшественники, но с течением времени снискал равную, а в глазах некоторых читателей – даже большую популярность.

Глава I

*Карету кликните! Карету кликнуть!
И пусть кто кличет, кличет
во весь голос!
И пусть карету только кличет он!
Что дал бы за карету я! О боги!*

«Chrononhotonthologos»

Прекрасным летним утром – это было в конце восемнадцатого века – молодой человек благородной наружности, направлявшийся в северо-восточную часть Шотландии, запасся билетом для проезда в одном из тех дилижансов, что ходят между Эдинбургом и Куинсферри, где, как показывает само название и как хорошо известно всем моим северным читателям, существует перевоз через залив Ферт-оф-Форт. Карета рассчитана на шесть пассажиров, не считая тех, которых кучеру случается посадить в пути, стеснив этим людей, законно занимающих места. Билеты на проезд в этом малоудобном экипаже продавала пожилая особа с пронзительным взором и с очками на очень тонком носу, занимавшая на Хай-стрит подвал, куда вела крутая лестница в один пролет и где она предлагала тесемки, нитки, иголки, мотки шерстяной пряжи, грубое полотно и другие предметы женского обихода тем, у кого хватало смелости и умения спуститься в глубины ее жилища, не полетев вверх тормашками и не свалив многочисленные товары, которые были нагромождены по обе стороны этого крутого спуска и своим видом указывали на характер производившейся внизу торговли.

Объявление, написанное от руки и наклеенное на выступавшую из стены доску, гласило, что дилижанс на Куинсферри, иначе – «Хоузская карета», отходит во вторник пятнадцатого июля 17** года ровно в двенадцать часов, дабы пассажиры успели воспользоваться приливом для переправы через Ферт-оф-Форт. Объявление в данном случае лгало, как обычно лгут все официальные объявления, ибо на колокольне Сент-Джайлза, а затем – на Тронской церкви, уже отзвонили этот час, а экипаж все еще не появлялся на указанной стоянке. Правда, было взято всего лишь два билета; возможно также, что у леди из подземного обиталища было соглашение с ее автомедоном⁹, чтобы он при таких обстоятельствах немного запаздывал, – глядишь, кто-нибудь и займет свободные места! Может быть также, что означенному автомедону пришлось

⁹ Автомедон – в греческих мифах возница колесницы Ахилла.

участвовать в похоронах и он задержался, снимая со своей колымаги траурные украшения; может быть, он замешкался, распивая со своим другом конюхом лишнюю четверть шотландской пинты; может быть... Короче говоря, он не появлялся.

К молодому человеку, уже начинавшему терять терпение, теперь присоединился товарищ по несчастью – много бывает таких мелких несчастий в человеческой жизни! Это был обладатель второго билета. Человека, который вознамерился отправиться в путешествие, обычно легко отличить от его сограждан. Сапоги, длинное пальто, зонтик, небольшой пакет в руке, шляпа, надвинутая на сурово насупленные брови, решительная и важная походка, краткие ответы на приветствия никуда не торопящихся знакомых, – все это признаки, по которым опытный пассажир почтовой кареты или дилижанса может даже издали узнать будущего спутника, приближающегося к месту встречи. И тогда умудренный опытом первый пассажир спешит обеспечить себе лучшее сиденье и как можно удобнее пристроить свой багаж до прибытия соперника. Однако наш молодой человек, не отличавшийся особой предусмотрительностью, да и вообще, за отсутствием дилижанса, лишенный возможности воспользоваться своим правом преимущественного выбора, развлекался тем, что старался угадать род занятий и звание того лица, которое теперь приближалось к конторе дилижансов.

Это был благообразный человек лет шестидесяти или даже больше, но отличный цвет лица и твердый шаг свидетельствовали о том, что годы не нанесли ущерба его здоровью и силам. Лицо его с несколько жесткими чертами и умными, проницательными глазами было явно выраженного шотландского типа; обычно серьезное, оно оживлялось еле уловимым выражением насмешливости. Сюртук и панталоны были у него одного цвета и гармонировали с возрастом и внушительным видом их владельца, а хорошо взбитый и напудренный парик и шляпа с широкими опущенными полями, казалось, говорили о принадлежности его к ученому сословию. Он мог быть священником, однако производил впечатление скорее светского человека, чем представителя шотландской церкви, а первые же сказанные им вслух слова устранили всякие сомнения на этот счет.

Он приблизился торопливым шагом и, бросив тревожный взгляд на циферблат церковных часов, а затем туда, где должен был находиться дилижанс, воскликнул:

– Черт возьми, я все-таки опоздал!

Молодой человек успокоил его, сказав, что дилижанс еще не прибыл. Старый джентльмен, должно быть, сознавая, что сам был не слишком точен, сначала не находил в себе смелости бранить за то же возницу. Он взял пакет, по-видимому содержавший книгу большого формата, из рук пришедшего с ним мальчугана и, погладив его по голове, велел идти назад и сказать мистеру Б*, что, если бы он знал, как много у него останется времени, он бы еще поторговался. Потом он добавил, чтобы паренек побольше думал о своем ремесле, и тогда из него выйдет самый преуспевающий юноша, какой когда-либо сметал пыль с фолиантов. Мальчуган медлил – вероятно, в надежде на пенни для покупки игральных шариков. Но он ничего не дождался. Джентльмен прислонил пакет к одному из столбиков у начала лестницы и, повернувшись к первому путешественнику, минут пять молча ждал прибытия запоздавшего дилижанса.

Наконец, раза два нетерпеливо взглянув на минутную стрелку башенных часов, сверив их со своими – огромной, старинной золотой луковицей с репетицией – и скривив физиономию, а затем сердито и многозначительно фыркнув, он окликнул старую пещерную даму:

– Хозяйка!.. Как, черт возьми, ее зовут?.. Миссис Мак-Люхар!

Миссис Мак-Люхар, понимая, что в предстоящей стычке ей придется играть роль обороняющейся стороны, не торопилась открывать диспут и медлила с ответом.

– Миссис Мак-Люхар! Хозяйка! – повысил голос джентльмен и продолжал уже в сторону: – Глупая старая карга – да она ведь глуха как колода!.. Послушайте, миссис Мак-Люхар!

– Я сейчас обслуживаю покупательницу... Право же, милочка, я не могу уступить ни гроша!

– Эй вы! – не унимался пассажир. – По-вашему, мы так и будем торчать здесь весь день, пока вы не вытянете из бедной девчонки половину ее годового жалованья, да еще вместе с праздничными подарками?

– Вытяну?! – подхватила миссис Мак-Люхар, готовая начать спор с более выгодных позиций. – Я возмущена вашими словами, сэр! Вы невежа, и я не желаю, чтобы вы стояли тут и поносили меня на моем собственном пороге!

– Эта женщина, – сказал старый джентльмен, лукаво взглянув на посланного ему судьбой попутчика, – не понимает делового языка. Эй, послушайте, – снова обратился он в сторону подвала, – я и не думаю порочить вашу честь, но я желаю знать, куда делся дилижанс.

– Чего вам нужно? – отозвалась миссис Мак-Люхар, снова впадая в глухоту.

– Мы, сударыня, – сказал молодой незнакомец, – взяли билеты, чтобы ехать в Куинсферри с вашим дилижансом...

– ...который должен был быть уже на полпути туда, – продолжал старший и более нетерпеливый путешественник, распаляясь все более. – Теперь мы, по всей видимости, упустим прилив, а у меня важные дела на той стороне, и ваш проклятый дилижанс...

– Дилижанс?.. Господи помилуй! Неужто его еще нет? – удивилась старая леди, и ее резкий, негодующий тон перешел в виноватое хныканье. – Так вы ждете дилижанса?

– А чего ради мы стали бы жариться на солнце возле этой канавы, бессовестная вы женщина!

Теперь миссис Мак-Люхар поднялась по своему трапу (ибо хотя эта лестница и была каменной, она скорее походила на трап) настолько, что ее нос пришлось вровень с мостовой. Затем, протерев очки, чтобы лучше рассмотреть то, чего, как она отлично знала, вовсе нельзя было увидеть, старуха воскликнула с хорошо разыгранным удивлением:

– Господи помилуй! Видано ли что-нибудь подобное?

– Да, мерзавка! – загремел путешественник. – Многие видели подобное, и все будут видеть подобное, кому придется иметь дело с вашим пакостным полом.

Он яростно зашагал назад и вперед, и каждый раз, проходя мимо входа в лавку, подобно кораблю, который, поравнявшись с неприятельской крепостью, дает по ней всем бортом залп, палил жалобами, угрозами и упреками в ошеломленную миссис Мак-Люхар. Он возьмет почтовую карету; он кликнет наемный экипаж; он добудет четверку лошадей. Ему необходимо, совершенно необходимо быть сегодня же на Северной стороне, и все расходы по его поездке, включая убытки, прямые и косвенные, возникшие от задержки, падут на злополучную голову миссис Мак-Люхар.

Его брызгливое негодование было настолько комично, что младший путешественник, который не так спешил с отъездом, невольно забавлялся этой сценой, особенно тем, что старый джентльмен, при всем своем раздражении, сам порою не мог удержаться и смеялся над своей горячностью. Впрочем, когда миссис Мак-Люхар, глядя на него, тоже начала хихикать, он быстро положил конец ее неуместному веселью.

– Эй ты, это твое объявление? – спросил он, доставая клочок измятой бумаги с печатным текстом. – Разве здесь не сказано, что, с божьей помощью, как ты лицемерно выражаешься, «Хоузская карета», иными словами – дилижанс на Куинсферри, отойдет сегодня в двенадцать часов? И разве, мошенница из мошенниц, теперь не четверть первого? А ведь никакого дилижанса или кареты и в помине нет. А знаешь ли ты, что бывает с теми, кто соблазняет людей ложными посулами? Знаешь ли ты, что это может быть подведено под статью о преднамеренном обмане? Отвечай, и пусть хоть раз за всю твою долгую, бесполезную и дурную жизнь твои слова будут правдивы и искренни: есть у тебя такой дилижанс? Существует ли он *in rerum natura*¹⁰ или это подлое извещение составлено с единственной целью надуть неосторожных людей и

¹⁰ В природе вещей (лат.).

отнять у них время, терпение и три шиллинга полновесной монетой нашего королевства? Есть у тебя, повторяю, такой дилижанс? Да или нет?

– А чего ради мы стали бы жариться на солнце возле этой канавы, бессовестная вы женщина!

– Ах, господа, ну конечно, сэр! Соседи хорошо знают мой дилижанс. Он зеленый с красным, и у него три желтых колеса и одно черное.

– Слушай, женщина, твое подробное описание ничего не стоит. Оно может быть всего только ловкой ложью.

– Что вы, сэр! – воскликнула подавленная миссис Мак-Люхар, изнемогая под столь продолжительным потоком риторики. – Возьмите назад свои три шиллинга и оставьте меня в покое!

– Нет, погоди, погоди! Разве три шиллинга доставят меня в Куинсферри по твоему предательскому расписанию? Разве они возместят убытки, которые я могу потерпеть, не уладив своих дел? Разве они покроют неизбежные расходы, если мне придется проторчать сутки на Южной стороне, дожидаясь прилива? Смогу ли я нанять на них хотя бы лодку, которая одна только обойдется мне в пять шиллингов?

Здесь его речь была прервана глухим гроыханьем, возвещавшим приближение давно ожидаемого экипажа, который двигался со всей скоростью, на какую только были способны тащившие его заезженные клячи. С неслыханной радостью миссис Мак-Люхар следила, как ее мучитель усаживался на кожаном сиденье. Но и тогда, когда рыван уже тронулся, старый джентльмен, высунув голову в окно, продолжал напоминать ей, – хотя слова его тонули в грохоте колес, – что, если дилижанс не достигнет места назначения вовремя, она, миссис Мак-Люхар, будет нести ответственность за все возможные последствия.

Дилижанс проехал уже милю или две, а незнакомец все еще не вполне восстановил свое душевное равновесие, и это время от времени проявлялось в горестных восклицаниях, что-де он и его спутник, по всей вероятности или даже несомненно, упустят прилив. Все же постепенно гнев его начал утихать. Он вытер лоб, перестал хмуриться и, развязав пакет, который держал в руке, вынул оттуда фолиант и стал его разглядывать с уверенным видом знатока, любуясь его внушительными размерами и сохранностью и тщательно проверяя листы, чтобы убедиться, что они целы и все налицо от титульного до самого последнего. Попутчик старого джентльмена отважился задать ему вопрос о предмете его занятий. Старик поднял глаза, и в них промелькнула легкая усмешка, словно он сомневался, поймет ли любознательный молодой человек его ответ и удовлетворится ли им. Затем он объяснил, что книга, «*Itinerarium Septentrionale*»¹¹ Сэнди Гордона, представляет собой описание римских древностей в Шотландии. Молодой человек, не убоившись такого ученого заглавия, задал еще несколько вопросов, свидетельствовавших о том, что он получил хорошее образование, которое притом пошло ему впрок. Не обладая подробными сведениями о памятниках старины, он все же был достаточно знаком с классиками, чтобы с интересом и пониманием следить за словами спутника. Старший путешественник, которому было приятно, что его случайный попутчик вникает в его слова и отвечает ему, охотно пустился в целый океан подробностей, касавшихся урн, ваз, жертвенников, римских лагерей и правил их устройства.

Этот приятный разговор возымел такое умиротворяющее действие, что, несмотря на две задержки в пути, гораздо более длительные, чем та, которая навлекла на злосчастную миссис Мак-Люхар гнев нашего антиквария, он удостоил эти задержки лишь отдельными «фу» и «ну», казалось скорее относившимися к чинимым его красноречию помехам, чем к промедлению в пути.

Первая из этих задержек была вызвана поломкой рессоры, исправление которой отняло не менее получаса. Второй способствовал, а пожалуй, и был главной ее причиной, сам антикварий, так как, заметив, что одна из лошадей потеряла переднюю подкову, он указал кучеру на этот существенный недочет.

– Лошадей нам дает по контракту Джейми Мартингейл, он и должен смотреть за ними, – заявил Джон, – а я не обязан останавливаться и терпеть убыток из-за таких неполадок.

– А когда ты отправишься к... я хочу сказать – в то место, которого ты заслуживаешь, негодяй, кто, по-твоему, должен будет по контракту смотреть за тобой? Если ты не остановишься и не отведешь бедную клячу в ближайшую кузницу, я добьюсь того, чтобы тебя наказали, если только найдется мировой судья в Мид-Лотиане¹².

¹¹ Северный путеводитель (*лат.*).

¹² Мид-Лотиан – шотландское графство, на территории которого расположен Эдинбург.

И, открыв дверцу кареты, он спрыгнул на землю, а кучер приступил к выполнению его приказа, бормоча, что ежели джентльмены теперь упустят прилив, пусть пеняют только на себя, потому что он-то хотел ехать дальше.

Я так не люблю анализировать сложные причины, определяющие поступки людей, что не стану углубляться в вопрос о том, не подкреплялось ли в некоторой мере сострадание антиквария к бедному животному желанием показать спутнику становище пиктов, или, по-местному, «загон». Как раз эту тему он только что подробно развивал, а иллюстрация к ней, «весьма любопытная и поистине совершенная», случайно находилась всего в ста шагах от места, где произошла задержка. Однако, если бы я был вынужден разобраться в побуждениях моего достойного друга (ибо именно таковым и был джентльмен в скромном платье, пудренном парике и широкополой мягкой шляпе), я сказал бы, что хотя он, безусловно, не позволил бы кучеру ехать дальше на лошади, не способной передвигаться, и, равным образом, не потерпел бы, чтобы его самого торопили, все же мастер кнута, наверно, избежал многих суровых замечаний и упреков благодаря приятному времяпрепровождению, которому предавались путешественники во время остановки.

Кучер приступил к выполнению его приказа

Эти перерывы в путешествии отняли много времени, и когда дилижанс спустился с холма, возвышавшегося над гостиницей Хоуз, к югу от Куинсферри, опытный глаз антиквария – по ширине полосы влажного песка и по множеству видневшихся вдоль берега черных камней и покрытых водорослями утесов – усмотрел, что час прилива уже миновал. Молодой человек ожидал взрыва негодования. Но потому ли, что наш герой, как говорит Крокер в «Добродушном человеке»¹³, заранее негодуя на возможные бедствия, настолько исчерпал силы, что уже не был в состоянии почувствовать эти бедствия, когда они настали, или же потому, что нашел общество, в котором он оказался, слишком приятным, чтобы роптать на какие-либо задержки в пути, – во всяком случае, несомненно, что он покорился судьбе с большим смирением.

– Черт бы побрал этот дилижанс и старую ведьму, его хозяйку! Да и какой это дилижанс? Это же черепаха. Он ползет, как муха в горшке с клеем, по ирландскому присловью. Так или иначе, время и прилив никого не ждут. И поэтому, молодой друг, давайте подкрепимся в гости-

¹³ Мистер Крокер – пессимист, один из персонажей упомянутой комедии Голдсмита.

нице, – это очень приличное заведение, – и я буду чрезвычайно рад закончить объяснение различий в способах окружения рвами *castra stativa*¹⁴ и *castra aestiva*¹⁵; многие наши историки вносят в этот вопрос немалую путаницу. Увы лучше бы они потрудились посмотреть на все это собственными глазами, чем глазами своих коллег! Ну что ж, здесь мы устроимся довольно удобно. И надо же нам в конце концов где-нибудь пообедать! Тогда переезд с новым приливом и вечерним бризом будет еще приятнее.

Покорившись обстоятельствам с таким истинно христианским смирением, наши путешественники сошли у дверей гостиницы Хоуз.

¹⁴ Постоянного лагеря (*лат.*).

¹⁵ Походного летнего лагеря (*лат.*).

Глава II

*Сэр, что за нравы на дороге этой!
Мне что ни день дают бараний бок,
Засушенный настолько, что лишь терка
Его берет! И запивать извольте
Ужасной смесью сыворотки с пивом!
Претит мне это. Лишь в вине веселье.
Мой дом не остается без вина,
И мой девиз: «Я верю только в херес!»*

Бен Джонсон «Новая гостиница»

Когда старший путешественник, тучный, страдающий от подагры и одышки, спустился по шатким ступенькам дилижанса, хозяин гостиницы приветствовал его с той смесью фамильярности и почтительности, какой шотландские трактирщики старой школы придерживаются с особенно уважаемыми постояльцами.

– Господи боже, неужто это вы, Монкбарнс? (Он называл гостя по имени его поместья, что всегда ласкает слух шотландского землевладельца.) Не думал я увидеть вашу милость ранее конца летней сессии!

– Скажет тоже, толстый старый черт! – ответил гость, чей шотландский акцент усиливался в минуты гнева, а в остальное время был малозаметен. – Старый скрюченный болван! Ну, какое мне дело до сессии и до глупых гусей, которые туда слетаются, или до ястребов, которые им там выщипывают перья?

– И то правда! – согласился хозяин; он, собственно, говорил так только потому, что лишь смутно помнил об образованности гостя, но тем не менее был бы очень огорчен, если бы подумали, что он в точности не осведомлен об общественном положении и роде занятий того или иного, хотя бы и редкого, посетителя. – Совершенная правда! Только мне пришло в голову, что вам, может быть, надо было приглядеть за каким-либо собственным делом в суде. У меня у самого есть такое дело, и уж больно затянулась эта тяжба; ее оставил мне отец, а ему еще раньше – его отец. Это спор насчет нашего заднего двора – может, вы слышали об этом в парламенте: Хатчинсон против Мак-Китчинсона. Известное дело, слушалось четыре раза еще до пятнадцатого года¹⁶. В нем сам черт ногу сломит. Судьи так запутались, что только одно и знают

¹⁶ В 1715 г. в Шотландии произошло якобитское восстание, целью которого было свержение протестантской Ганноверской

– пересылать это дело из одного присутствия в другое. Любо смотреть, как бережно блюдут справедливость в нашей стране!

– Попридержи язык, болван, – остановил его путешественник, впрочем весьма добродушно, – и скажи, что ты можешь предложить этому молодому человеку и мне на обед.

– Прежде всего, конечно, рыбу: лососину и свежую треску, – сказал Мак-Китчинсон, вертя салфеткой. – И вы не откажетесь от бараньих котлеток; а еще есть пирожки с клюквенным вареньем – их совсем недавно пекли! И... и вообще все, что прикажете.

– Другими словами, больше ничего нет? Что ж, рыба, и котлеты, и пирожки – все это подойдет. Но только не подражай той мудрой медлительности, за которую ты так хвалишь суд. Чтобы мне не было никаких передач дела из одного присутствия в другое, слышишь?

– Нет, нет, – заверил его Мак-Китчинсон, который, внимательно читая отчеты о судебных заседаниях, нахватался кое-каких юридических фраз. – Обед будет подан *quamprimum*¹⁷ и притом *peremptorie*¹⁸.

И он со свойственной трактирщикам лстивой и обнадеживающей улыбкой оставил их в гостинной, где пол был посыпан песком, а стены увешаны олеографиями, изображавшими четыре времени года.

Поскольку, несмотря на обещание хозяина поспешить, достославная медлительность правосудия нашла свое подобие на кухне гостиницы, наш молодой путешественник имел возможность выйти и порасспросить местных жителей о звании и положении своего попутчика. Полученные им сведения носили общий и не вполне достоверный характер, но их все же было достаточно, чтобы ознакомиться с именем, жизнью и положением джентльмена, которого мы постараемся в нескольких словах представить непосредственно нашим читателям.

Джонатан Олденбок, или Олдинбук, в обычном сокращении – Олдбок, был родом из Монкбарнса и приходился вторым сыном джентльмену, владевшему небольшой недвижимостью в окрестностях процветающего портового города на северо-восточном побережье Шотландии, который мы по разным причинам будем называть Фейрпортом. Олденбоки обосновались там уже несколько поколений назад и в большинстве графств Англии считались бы семьей, занимающей видное положение. Но в здешнем графстве было полно джентльменов более древнего происхождения, к тому же обладавших бóльшим состоянием. Кроме того, в последнем поколении почти все местное дворянство принадлежало к якобитам, тогда как владельцы Монкбарнса, как и жители города, близ которого находилось это поместье, были упорными последователями протестантизма. Олденбоки тоже имели родословную, которой гордились не меньше, чем те, кто смотрел на них сверху вниз, ценили свою восходящую к саксам, норманнам или кельтам генеалогию. Первый Олденбок, поселившийся в их родовой усадьбе вскоре после Реформации, был, как говорили, потомком одного из первопечатников Германии и покинул родину из-за гонений на приверженцев лютеранской религии. Он нашел убежище в городе, возле которого теперь жило его потомство. Его охотно приняли здесь, как пострадавшего за протестантское дело; конечно, не повредило ему также и то, что он привез с собой достаточно денег, чтобы приобрести небольшое имение Монкбарнс у промотавшегося владельца, чей отец получил его в дар, вместе с другими церковными землями, после упразднения большого и богатого монастыря, которому оно принадлежало¹⁹. Поэтому Олденбоки при всех восстаниях оставались верными подданными короны. А так как они поддерживали

династии (правившей с 1714 г.) и восстановление власти Стюартов. Восставшие потерпели поражение.

¹⁷ Незамедлительно (*лат.*).

¹⁸ Окончательно, без пересмотра решения (*лат.*).

¹⁹ В 1534 г. король Генрих VIII провозгласил отделение церкви в Англии от католической, выход из-под власти римского папы и т. п. Так началась Реформация в Англии. Главой новой церкви стал сам король, обряды были упрощены, началось упразднение монастырей, конфискация их имущества и земель, которые перешли в собственность нового дворянства и буржуазии.

хорошие отношения с городом, случилось, что уважаемый лэрд Монкбарнса в злосчастном 1745 году оказался мэром, причем деятельно выступал за короля Георга и даже понес в связи с этим значительные издержки, которые тогдашнее правительство, как всегда щедрое к своим друзьям, так и не возместило ему. Однако путем настоятельных ходатайств и при поддержке влиятельных горожан ему удалось получить должность при таможне, и, как человек умеренный и бережливый, он сумел значительно приумножить отцовское состояние. У него было только два сына, причем нынешний лэрд, как мы уже дали понять, был младшим, и две дочери, одна из которых все еще цвела в благословенном безбрачии, а другая, значительно более юная, вышла по сердечной склонности за некоего капитана, служившего в 42-м полку и не имевшего за душой ничего, кроме чина и родословной своего горного клана. Бедность разрушила союз, который любовь могла бы сделать счастливым: капитан Мак-Интайр ради благополучия жены и двух детей, мальчика и девочки, вынужден был искать счастья в Ост-Индии. Когда его послали в экспедицию против Хайдер-Али, его отряд был отрезан, и бедная жена так и не узнала, пал ли он в битве, был ли умерщвлен в плену или остался в живых и прозябает в безнадежной неволе у индийского тирана. Она скончалась, не вынеся горя и неизвестности, и оставила сына и дочь на попечение брата, теперешнего хозяина Монкбарнса.

Жизнь этого землевладельца не богата событиями. Он был, как мы уже сказали, вторым сыном, и отец готовил его к участию в крупном коммерческом предприятии, руководимом родственником с материнской стороны. Однако против такого плана Джонатан восстал самым непримиримым образом. Тогда его определили в учение к юристу, чтобы он сделался стряпчим или адвокатом. В этом деле он преуспел настолько, что овладел всеми формами феодальных инвеститур. Ему доставляло такое удовольствие примирять их противоречия и выяснять их происхождение, что патрон очень надеялся увидеть его в будущем хорошим ходатаем по земельным делам. Однако он медлил на пороге храма юстиции и, хотя приобрел некоторые знания по вопросам истории и системы законоположений своей страны, никак не поддавался уговорам практически использовать эти знания в целях извлечения дохода. Но если он так обманул надежды своего патрона, то вовсе не из легкомысленного пренебрежения к выгодам, связанным с обладанием деньгами. «Будь он обеспечен, или бестолков, или *rei suae prodigus*²⁰, – говорил его наставник, – я бы понял его. Но он никогда не истратит и шиллинга, не проверив внимательно сдачу. Шести пенсов ему хватает на больший срок, чем другому – полукроны, и он может целыми днями размышлять над какими-нибудь парламентскими актами, отпечатанными готическим шрифтом, вместо того чтобы сыграть в гольф или сидеть в таверне. И все же он не посвятит даже дня несложному судебному делу, которое позволило бы ему положить в карман двадцать шиллингов. Странная смесь умеренности и прилежания, с одной стороны, и нерадивости – с другой. Нет, мне его не понять!»

²⁰ По натуре своей расточителен (*лат.*).

Джонатан Олббок, антикварий

Однако с течением времени его ученик получил возможность заниматься чем ему вздумается. Отец умер; не намного пережил его и старший сын, заядлый рыболов и охотник, расставшийся с жизнью из-за простуды, схваченной во время охоты на уток в болоте Китлфитинг-мосс, несмотря на то, что в тот вечер он выпил бутылку бренди, чтобы согреть желудок.

Таким образом, Джонатан унаследовал имение, а с ним и средства, которые позволили ему существовать, сбросив с себя ненавистную лямку юриспруденции. Желания у него были самые умеренные. Рента, приносимая его небольшим имением, увеличивалась с ростом благосостояния округа и вскоре намного превысила его потребности и расходы. И хотя он был от природы слишком ленив, чтобы стремиться к обогащению, он все же не без удовольствия наблюдал, как накапливались его сбережения. Обитатели близлежащего города смотрели на него не без зависти, как на человека, который считал себя выше их по положению в обществе и чьи занятия и развлечения казались им равно непонятными. Тем не менее своего рода наследственное почтение к лэрду Монкбарнса, а также и то, что его знали как денежного человека, не могло не влиять на его соседей-горожан. Сельские джентльмены, в общем, превосходили его богатством, но отнюдь не умом и, за исключением одного, с которым он был на дружеской ноге, мало общались с хозяином Монкбарнса. Впрочем, он мог при желании утешаться обычным в таких случаях обществом пастора и врача, а также не без интереса и удовольствия переписываться с большинством тогдашних знатоков древностей, которые, подобно ему, измеряли разрушенные временем укрепления, чертили планы развалившихся замков, читали истертые надписи и сочиняли статьи о медалях, по двенадцати страниц на каждую букву легенды. Его вспыльчивость, по словам горожан, объяснялась отчасти ранним разочарованием в любви, сделавшим из него, как он выражался, убежденного «мизогина»²¹, но в еще большей мере раболепным преклонением перед ним незамужней сестры и сироты-племянницы, которых он приучил считать его величайшим человеком на земле и которыми хвалился как единственными хорошо выдрессированными и приученными к послушанию женщинами, которых он знает. Нужно, впрочем, признать, что мисс Гризи Олдбок случалось иногда и «артачиться», если он натягивал поводья слишком туго. Прочие черты его характера станут ясны из нашей повести, и мы с радостью освободим себя от скучной обязанности их перечисления.

Во время обеда мистер Олдбок, побуждаемый таким же любопытством, как и у его спутника, сделал несколько более прямых попыток, оправдываемых его летами и положением, установить имя, цель поездки и звание молодого джентльмена.

Молодой человек сказал, что его зовут Ловел.

– Как? «Кошка, и крыса, и Ловел, наш пес»? Неужели вы происходите от любимца короля Ричарда?²²

Молодой человек ответил, что не имеет основания называть себя щенком этого помета и что его отец – уроженец Северной Англии. Сам он в настоящее время едет в Фейрпорт (город, близ которого находилось имение Монкбарнс) и, если ему понравится, может быть проведет там несколько недель.

– Мистер Ловел путешествует только для удовольствия?

– Не совсем.

– Быть может, у вас дела с фейрпортскими коммерсантами?

– Отчасти есть и дела, но они не имеют отношения к торговле.

На этом он остановился. И мистер Олдбок, зашедший в своих расспросах настолько далеко, насколько позволяли приличия, вынужден был переменить разговор. Антикварий не считал себя врагом хорошего обеда, но был решительным противником лишних дорожных расходов. И когда его товарищ намекнул на бутылочку портвейна, он нарисовал ужасную картину той смеси, которую, сказал он, обычно продают под этим наименованием, и, отметив, что пунш заслуживает большего доверия и лучше подходит к данному времени года, положил руку на звонок, чтобы заказать необходимые составные части. Но Мак-Китчинсон уже по-своему

²¹ Ненавистник женщин (*греч.*).

²² Намек на прозвища приближенных короля в трагедии Шекспира «Ричард III» («Кот, Крыса и Ловел-пес правят всей Англией при Борове»).

решил вопрос о напитках и появился с огромной двухквартирной бутылкой, покрытой древесными опилками и паутиной – свидетельствами ее древнего возраста.

– Пунш? – подхватил он это звучное слово, входя в гостиную. – Черта с два получите вы сегодня хоть каплю пунша, Монкбарнс! Так и знайте!

– Что ты затеял, мошенник бесстыжий?

– Ну, ну, нечего так ругать меня! А вы помните, какую шутку вы сыграли со мной, когда были здесь прошлый раз?

– Я сыграл с тобой шутку?

– Вы самолично, Монкбарнс! Лэрд Темлоури, и сэр Гилберт Гризкллю, и старый Росбалло, и наш мэр собирались провести у меня часок-другой. А вы пустились рассказывать им свои сказки про древний мир, так что они и уши развесили, а потом вы взяли да увели их бог знает куда поглазеть на старый римский лагерь. Ах, сэр, – обратился трактирщик к Ловелу, – ведь он птиц с деревьев сманить может, как заведет речь про людей, которых давно и в живых нет! Вот я и потерял случай отпустить не меньше шести пинт доброго кларета, потому что ни один черт не ушел бы отсюда, не выпив своей доли.

– Видали вы такого бессовестного плута! – воскликнул Монкбарнс и расхохотался, ибо почтенный хозяин не напрасно хвастал, что знает меру всех своих гостей, как сапожник знает длину ноги всех своих заказчиков. – Ладно уж, можешь прислать нам бутылку портвейна!

– Портвейна? Ну нет! Оставьте портвейн и пунш нам, простым людям. А лэрдам подобает пить кларет. И, смею сказать, никто из тех людей, которых вы так любите расписывать, не пил ни портвейна, ни пунша.

– Вы слышите, как уверенно рассуждает этот нахал? Что ж, молодой друг, придется нам предпочесть «фалернское коварному сабинскому».

Проворный хозяин мгновенно вытащил пробку, перелил вино в достаточно емкий сосуд и, объявив, что оно «надушило» всю комнату, предоставил гостям угощаться вволю.

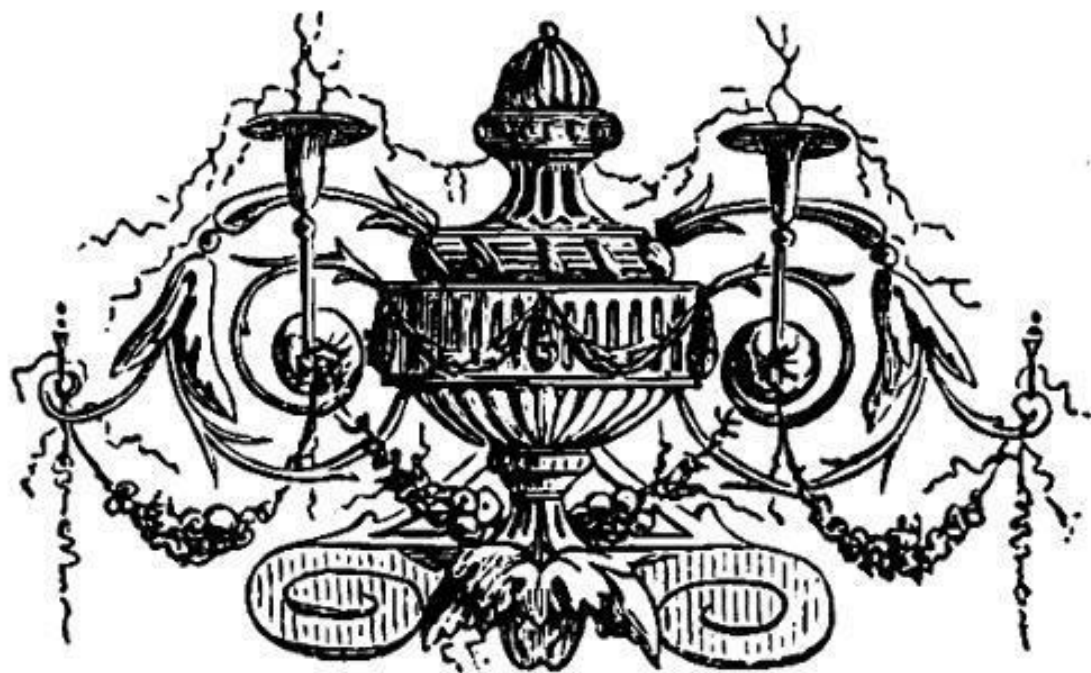
– Что ты затеял, мошенник бесстыжий?

Вино Мак-Китчинсона и в самом деле оказалось недурным и подняло настроение старшего гостя, который рассказал несколько занятных историй, отпустил ряд веселых шуток и под конец пустился в ученое рассуждение, касавшееся драматургов древности. В этой области его новый знакомый оказался настолько осведомленным, что наш антикварий начал подозревать, не сделал ли их мистер Ловел предметом своего специального изучения. «Он путешествует отчасти по делам, отчасти – ради удовольствия? Сцена – вот что может объединить то и другое! Ведь это – работа для исполнителей и удовольствие, – по крайней мере так должно быть, – для зрителей. По манерам и положению он кажется выше тех молодых людей, которые обычно избирают этот путь. Но, помнится, кто-то говорил, что наш театр открывает сезон дебютом молодого человека, впервые появляющегося на сцене. Что, если это ты, Ловел? Ловел или Белвил – как раз такие имена, какие часто принимают молодые люди в подобных случаях. Ей-богу, мне жаль парня!»

Мистер Олдбок обычно был бережлив, но ни в коем случае не скарден. Первой его мыслью было избавить спутника от какого-либо участия в расходах, связанных с их маленькой пирушкой, которые, казалось ему, должны быть более или менее обременительны в положении юноши. Поэтому он постарался потихоньку уладить счета с Мак-Китчинсоном. Молодой путешественник запротестовал против такой щедрости и примирился с ней только из уважения к годам и почтенной личности лэрда.

Удовлетворение, которое они находили в обществе друг друга, побудило мистера Олдбока предложить – с чем Ловел охотно согласился – ехать вместе до самого конца. Мистер Олдбок высказал желание уплатить две трети стоимости почтовой кареты, указав, что соответственная доля места требуется для его багажа; но это мистер Ловел решительно отклонил. В дальнейшем их расходы делились пополам, если не считать того, что Ловел иногда совал шиллинг в руку ворчащему почтальону, ибо Олдбок, верный старинным обычаям, никогда не давал на чай больше восьми пенсов за перегон. Так они и ехали, пока на другой день, около двух часов, не прибыли в Фейрпорт.

Ловел, вероятно, ожидал, что его спутник по приезде пригласит его к себе домой на обед. Однако, зная, как затруднительно принимать без подготовки нежданного гостя, а может быть, и по другим причинам, Олдбок не оказал ему этой любезности. Он лишь просил поскорее, как только это будет удобно мистеру Ловелу, посетить его в утренние часы, а затем отрекомендовал его вдове, сдававшей комнаты, и хозяину приличной таверны. При этом он предупредил каждого из них, что знает мистера Ловела лишь как приятного спутника по почтовой карете и не гарантирует оплаты никаких счетов по его расходам в Фейрпорте. Однако внешний облик и манеры молодого джентльмена, не говоря уж об увесистом сундуке, вскоре прибывшем морем на его фейрпортский адрес, надо полагать свидетельствовали в его пользу не меньше, чем осторожная рекомендация его попутчика.

Глава III

*Ты у него увидишь груды
Старинных лат, мечей, посуды.
Тут шлемы старые, гребенки,
Два телескопа,
Горшки для каши и солонки
Времен потопа.*

Бернс

Устроившись в своих новых апартаментах в Фейрпорте, мистер Ловел вспомнил, что обещал посетить своего попутчика. Он не сделал этого раньше, потому что при всем добродушии старого джентльмена, так охотно делившегося своими знаниями, в его речах и манерах иногда проскальзывал тон превосходства, который, по мнению его спутника, далеко не оправдывался одной лишь разницей в возрасте. Поэтому он дождался прибытия из Эдинбурга своего багажа, чтобы одеться в соответствии с модой и своим внешним видом подчеркнуть то положение в обществе, которое он занимал или считал себя вправе занимать.

Лишь на пятый день по приезде, подробно расспросив о дороге, он отправился засвидетельствовать свое почтение владельцу Монкбарнса. Тропинка, тянувшаяся через поросший вереском холм и луга, привела его к усадьбе, стоявшей на противоположном склоне упомянутого холма, откуда открывался прекрасный вид на бухту и скользившие по ней суда. Отделенный от города возвышенностью, защищавшей его от северо-западных ветров, дом производил впечатление уюта и уединенного уголка. Внешний вид его был не слишком располагающим. Это было старомодное строение неправильных очертаний, часть которого в те времена, когда поместье находилось во владении монахов, составляла обособленную мызу, где жил эконом или управляющий хозяйством монастыря. Здесь братия хранила зерно, полученное в качестве натуральной ренты от подвластных обители земледельцев, ибо, по свойственной этому монашескому ордену осторожности, он всегда требовал уплаты натурой. Отсюда, как любил говорить теперешний владелец, и пошло название Монкбарнс²³. К тому, что осталось от жилища эконома, позднейшие обитатели-миряне добавляли все новые и новые пристройки, соответственно потребностям своих семей, а так как это делалось с равным пренебрежением

²³ От *англ.* monk – монах и barns – амбары.

к удобствам внутри и архитектурной законченности снаружи, вся постройка имела вид скопища зданий, внезапно застывших на месте в самый разгар контрданса, исполняемого ими под музыку какого-нибудь Амфиона или Орфея. Усадьба была окружена высокими живыми изгородями из подстриженного остролиста и тиса. Некоторые из них все еще являли искусство «топиарианского» художника²⁴ и имели форму кресел, башен или воспроизводили поединок святого Георгия с драконом. Вкус мистера Олдбока не позволил ему тревожить памятники ныне утраченного искусства, тем более что это, несомненно, разбило бы сердце старого садовника. Впрочем, один высокий и раскидистый тис был избавлен от ножниц. И на садовой скамье под его сенью Ловел узрел своего пожилого друга с очками на носу и кисетом сбоку, прилежно углубившегося в «Лондонскую хронику» под ласковый шелест летнего ветерка в листве и отдаленный шум волн, набегавших на песок.

Мистер Олдбок немедленно встал и пошел навстречу своему дорожному спутнику, которому сердечно пожал руку.

– Честное слово, – сказал он, – я уже решил, что вы передумали и, найдя глупых обитателей Фейрпорта слишком надоедливыми и не достойными ваших талантов, покинули нас на французский манер, как мой старый приятель и собрат антикварий Мак-Криб, который исчез с одной из моих сирийских медалей.

– Надеюсь, почтенный сэр, что надо мною не тяготеет подобное обвинение.

– Было бы столь же скверно, доложу я вам, если бы вы похитили самого себя, не доставив мне удовольствия еще раз увидеться с вами. Уж лучше бы вы взяли моего медного Оттона. Однако пойдем; позвольте мне показать вам дорогу в мою *sanctum sanctorum*²⁵, мою келью, мог бы я сказать, ибо, кроме двух праздных и избалованных баб (этим презрительным наименованием, заимствованным им от другого антиквария, циника Энтони Вуда, мистер Олдбок обычно обозначал прекрасный пол вообще и своих сестру и племянницу в частности), которые, под глупым предлогом родства, устроились в моих владениях, здесь никого нет, и я живу таким же отшельником, как и мой предшественник Джон из Гернела, чью могилу я вам когда-нибудь покажу.

С этими словами старый джентльмен повел гостя к низенькой двери, но перед входом внезапно остановился и указал на неясные следы, оставшиеся на камне, по его мнению, от какой-то надписи. Однако, тут же покачав головой, он сообщил, что разобрать ее совершенно невозможно.

²⁴ *Ars topiaria* – искусство подстригать тисовые изгороди в виде фантастических фигур. Латинская поэма под заглавием «*Ars topiaria*» содержит любопытные наставления по этому предмету. (Прим. автора.)

²⁵ Святая святых (лат.).

Мистер Ловел

– Ах, если бы вы знали, мистер Ловел, сколько времени и хлопот стоили мне эти стершиеся буквы! Ни одна мать не возилась так со своим ребенком, – притом без всякой пользы, – но я почти уверен, что эти два последних знака имеют форму цифр или букв LV и могут дать хорошее представление о дате постройки, поскольку мы знаем *aliunde*²⁶, что здание было основано аббатом Валдимиром около середины четырнадцатого столетия. Но я уверен, что глаза более зоркие, чем мои, могли бы разглядеть и орнамент посередине.

– Мне кажется, – ответил Ловел, которому хотелось сделать старику приятное, – что он по форме напоминает митру.

²⁶ Из других источников (*лат.*).

– Несомненно, вы правы! Вы правы! Мне это никогда не приходило в голову. Вот что значат молодые глаза! Митра, митра, это подходит во всех отношениях.

Сходства было не больше, чем между облаком Полония и китом или дроздом²⁷. Но его было достаточно, чтобы мозг антиквария начал усиленно работать.

– Митра, дорогой сэр, – продолжал он, идя вперед по лабиринту неудобных и темных переходов и прерывая свои рассуждения, чтобы предупредить гостя об опасных местах, – митра, дорогой сэр, подходит для нашего аббата не хуже, чем для епископа, ибо это был митрофорный аббат, чье имя стояло во главе списка... Осторожно: здесь три ступеньки!.. Я знаю, что Мак-Криб это отрицает. Но это так же достоверно, как то, что он увез без спроса моего Антигона. Вы можете видеть имя аббата Троткозийского, *abbas Trottocosiensis*, в самом начале парламентских списков четырнадцатого и пятнадцатого веков... Здесь очень мало света, а эти проклятые бабы всегда оставляют лоханки в проходе! Осторожно, здесь поворот! Теперь поднимитесь на двенадцать ступенек, и вы будете в безопасности!

К этому времени мистер Олдбок дошел до верху винтовой лестницы, которая вела в его личные апартаменты, открыл дверь и отодвинул кусок ковровой ткани, которой она была завешена.

– Что вы тут затеяли, пакостницы? – вдруг закричал он.

Грязная, босоногая служанка, застигнутая в минуту страшного преступления – уборки *sanctum sanctorum*, бросила пыльную тряпку и убежала в противоположную дверь от лика разъяренного хозяина. Но молодая леди, присматривавшая за работой, не сдавала своих позиций, хотя, по-видимому, несколько оробела.

– Право же, дядя, в вашей комнате был ужаснейший беспорядок, и я зашла присмотреть, чтобы Дженни все положила на прежнее место.

– А кто позволил тебе – да и Дженни тоже – вмешиваться в мои личные дела? (Мистер Олдбок ненавидел уборку не меньше, чем доктор Оркборн или любой другой завзятый ученый.) Ступай, занимайся своими вышивками, обезьяна, и не попадайся мне здесь опять, если тебе дороги уши! – Уверю вас, мистер Ловел, что последний набег этих мнимых друзей чистоты оказался для моей коллекции почти таким же роковым, как посещение Гудибраса²⁸ для собрания Сидрофела. И я с тех пор не знаю, где

...Мой старый календарь, который
Был врезан в медный верх доски.
Где нэпировские бруски,
Где лунные часы, амфоры,
Созвездья из цветных камней,
Игрушки прихоти моей,

и так далее, как сказано у старого Батлера.

Во время этого перечисления потерь молодая леди, сделав реверанс перед Ловелом, воспользовалась случаем и скрылась.

– Вы задохнетесь тут в тучах пыли, которую они подняли, – продолжал антикварий. – Но уверяю вас, что около часа назад это была древняя, мирная, спокойная пыль и оставалась бы такой еще сто лет, если бы ее не потревожили эти цыганки, всюду сующие свой нос.

И действительно, прошло некоторое время, прежде чем Ловел сквозь тучи пыли мог рассмотреть комнату, в которой его друг устроил себе убежище.

²⁷ Шекспир «Гамлет» (акт III, сцена 2). Суть фразы: облака постоянно меняют форму, в них можно увидеть что угодно, все зависит от воображения, лести и лжи.

²⁸ Гудибрас – английский рыцарь-пуританин, который «верует в то, что ему удобно, и выступает за то, что выгодно», герой одноименной антипуританской поэмы Сэмюэла Батлера (1612–1680).

Это была высокая, но не особенно большая комната, слабо освещенная узкими окнами с частым свинцовым переплетом. Конец комнаты был заставлен книжными полками. Занимаемое ими пространство было явно мало для размещенных на них томов, и поэтому книги стояли в два и три ряда, а бесчисленное множество других валялось на полу и на столах среди хаоса географических карт, гравюр, обрывков пергамента, связок бумаг, старинных доспехов, мечей, кинжалов, шлемов и щитов шотландских горцев. За креслом мистера Олдбока (это было старинное кожаное кресло, лоснившееся от постоянного употребления) стоял огромный дубовый шкаф, по углам украшенный херувимами в голландском вкусе с большими неуклюжими головами и куцыми крылышками. Верх этого шкафа был загроможден бюстами, римскими светильниками и чашами, среди которых виднелось несколько бронзовых фигур. Стены были покрыты мрачными старинными коврами, изображавшими достопамятную историю свадьбы сэра Гавэйна и воздававшими должную дань уродливости невесты. Впрочем, судя по наружности самого благородного рыцаря, он имел меньше основания быть недовольным разницей во внешнем благообразии, чем утверждает автор романа. Остальная часть комнаты была отделана панелями мореного дуба. Здесь висело несколько портретов рыцарей в латах, любимых мистером Олдбоком персонажей из истории Шотландии, и его собственных предков в париках с косичкой и расшитых камзолах. На огромном старомодном дубовом столе грудой лежали бумаги, пергаменты, книги, всякие мелочи и безделушки, мало чем примечательные, кроме ржавчины и древности, о которой эта ржавчина свидетельствовала. В самой гуще всей этой мешанины из старинных книг и утвари с важностью, достойной Мария на развалинах Карфагена, восседал большой черный кот; суеверному глазу он мог бы показаться *genius loci*²⁹, демоном-хранителем этого места. Пол, так же как стол и стулья, был затоплен тем же *mare magnum*³⁰ разнородного хлама, где было равно невозможно как найти какой-нибудь предмет, так и употребить его по назначению.

Среди этой неразберихи не так легко было добраться до стула, не споткнувшись о распростертый на полу фолиант или не попав в еще худшую беду – не опрокинув какого-нибудь образца римской или древнебританской керамики. А добравшись до стула, предстояло еще осторожно освободить его от гравюр, которые очень легко было повредить, и от старинных шпор и пряжек, которые, несомненно, сами причинили бы повреждения тому, кто внезапно сел бы на них. От этого антикварий особенно предостерег Ловела, добавив, что его друг, преподобный доктор Хевистерн из Нидерландов, очень пострадал, когда, не глядя, неосторожно сел на три старинные подметные каракули, которые он, мистер Олдбок, недавно выкопал в болоте близ Бэннокберна. Их некогда разбросал Роберт Брюс, чтобы поранить ноги коням англичан, и им же по прошествии долгого времени суждено было вонзиться в седалищную часть ученого утрехтского профессора.

Наконец, благополучно усевшись, гость не без любопытства начал расспрашивать хозяина об окружавших их необычных предметах, и мистер Олдбок с такой же охотой пустился в объяснения. Ловелу была показана увесистая дубинка с железным шипом на конце. Ее недавно нашли в поле, на территории Монкбарнса, неподалеку от старинного кладбища. Дубинка была чрезвычайно похожа на те палки, которые берут с собой гайлэндские жнецы, когда раз в год спускаются с гор. Однако ввиду ее своеобразной формы мистер Олдбок был весьма склонен считать, что это – одна из тех палиц, которыми монахи снабжали своих крестьян вместо более смертоносного оружия. Поэтому, заметил он, поселян и звали *colve carles*, или *kolb-kerls*, то есть *clavigeri*, что по-латыни означает «носители дубинок». В подтверждение такого обычая, он сослался на «Антверпенскую хронику» и «Хронику святого Мартина», каковым авторитет-

²⁹ Духом местности (лат.).

³⁰ Великим морем (лат.).

ным источникам Ловел ничего не мог противопоставить, так как до этой минуты никогда и не слышал о них.

Затем мистер Олдбок достал винтовой зажим для больших пальцев, наводивший ужас на ковенантеров прежних дней, и ошейник с именем какого-то вора, осужденного работать на соседнего барона, что заменяло в те времена современное шотландское наказание, при котором, по словам Олдбока, таких преступников высылают в Англию, чтобы они обогащали ее своим трудом, а себя – ловкостью рук. Многочисленны и разнообразны были диковинки, которые он показывал. Но больше всего он гордился своими книгами. Подведя гостя к переполненным и пыльным полкам, он повторил, с довольным видом, стихи Чосера:

– Ведь он предпочитал держать у ложа
Десятка два томов в тисненой коже.
Ему был Аристотель – кладезь знаний —
Милей старинных скрипок или тканей.

Эти выразительные стихи он читал, покачивая головой и придавая каждому гортанному звуку подлинно англосаксонское произношение, теперь забытое в южных частях нашей страны.

Коллекция у него была, в самом деле, достойная внимания, ей могли бы позавидовать многие любители. Однако он собирал ее не по чудовищным ценам нашего времени, которые могли бы привести в ужас даже самого страстного, а также и самого раннего из известных нам библиоманов, каковым мы считаем не кого иного, как знаменитого Дон Кихота Ламанчского, ибо среди других признаков нетвердого разума его правдивый жизнеописатель Сид Ахмет Бенинхали упоминает о том, что он менял поля и фермы на тома рыцарских романов инфолио и ин-кварти. В подвигах этого рода доброму странствующему рыцарю подражают лорды и эсквайры наших дней, хотя мы не слышали, чтобы кто-нибудь из них принял гостиницу за замок или обратил копье против ветряной мельницы. Мистер Олдбок не подражал безумной расточительности таких коллекционеров. Но находя удовольствие в том, чтобы собирать библиотеку своими силами, он оберегал кошелек, не щадя времени и труда. Он не одобрял хитроумных бродячих комиссионеров, которые, посредничая между невежественным владельцем книжной лавки и увлекающимся любителем, наживаются как на неосведомленности первого, так и на приобретенных дорогой ценой опыте и вкусе второго. Когда о таких хищниках заговаривали в его присутствии, он не упускал случая заметить, как важно приобретать интересующий вас предмет из первых рук, и приводил свой излюбленный рассказ про Снаффи Дэви и «Шахматную игру» Кекстона.

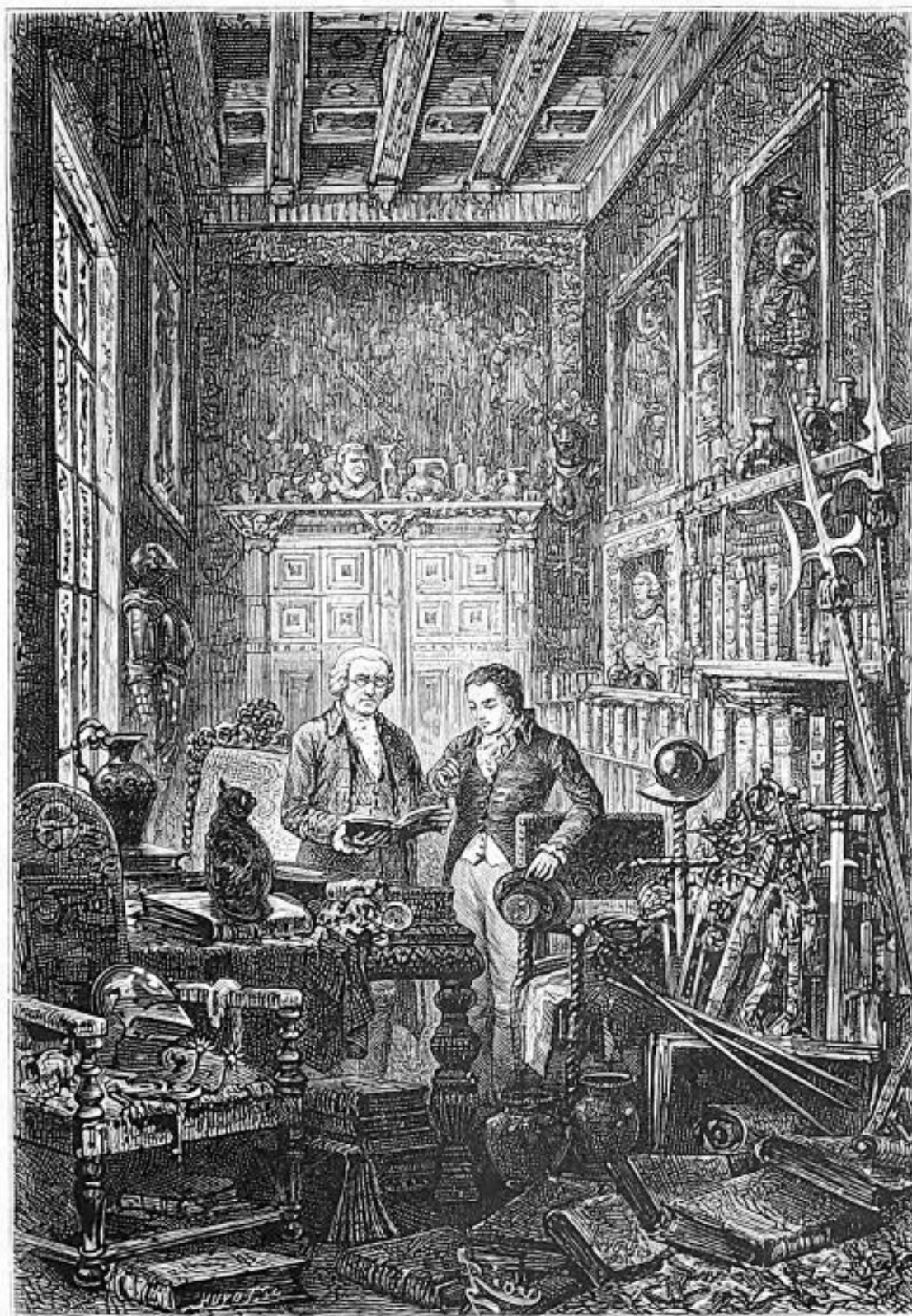
– Дэви Уилсон, – начал он свое повествование, – обычно называемый Снаффи³¹ Дэви за неизлечимое пристрастие к черному нюхательному табаку, был настоящим королем следопытов, рыщущих по всяким закоулкам, погребам и лавкам в поисках редких книг. У него было чутье ищейки и хватка бульдога. Он обнаружил напечатанную готическим шрифтом старинную балладу среди листов судебных актов и выискивал *editio princeps*³² под маской школьного издания Кордерия. Снаффи Дэви за два гроша, или два пенса на наши деньги, купил в Голландии, в какой-то лавке, книгу «Шахматная игра», вышедшую в свет в тысяча четыреста семьдесят четвертом году, первую книгу, вообще напечатанную в Англии. Он продал ее некоему Осборну за двадцать фунтов, получив еще в придачу книг на такую же сумму. Осборн перепродал этот несравненный клад доктору Эскью за шестьдесят гиней. На распродаже имущества доктора Эскью, – продолжал старый джентльмен, воспламеняясь от собственных слов, – цена этого сокровища взлетела до головокружительной высоты, и оно было приобретено самим

³¹ От *англ.* snuff – понюшка.

³² Первое издание (*лат.*).

королем за сто семьдесят фунтов стерлингов! Если бы теперь появился другой экземпляр этой книги, один бог знает, – воскликнул он, всплеснув руками и глубоко вздохнув, – один бог знает, какой выкуп пришлось бы за него дать. А между тем первоначально книга была приобретена благодаря умелым поискам за столь малую сумму, как два пенса³³. Счастливый, трижды счастливый Снаффи Дэви! И да будут благословенны те времена, когда твое упорство и усердие могли так вознаграждаться!

³³ Этот анекдот о мании собирать книги дословно соответствует истине. И Дэвид Уилсон, о чем едва ли стоит сообщать его собратьям по Роксбургскому и Бэннетайнскому клубам, – подлинное лицо. (Прим. автора.)

Коллекция у него была, в самом деле, достойная внимания

– Но и я, сэр, – продолжал Олдбок, – хотя и уступаю в настойчивости, проницательности и присутствию духа этому замечательному человеку, могу показать вам несколько – очень немного – вещей, которые я собрал не с помощью денег, что мог бы сделать всякий состоятельный человек, хотя, как говорит мой друг Лукиан, богач иногда, швыряя монеты, только являет этим свое невежество. Нет, я добыл их таким способом, который показывает, что и я

кое-что смыслю в этом деле. Взгляните на эту коллекцию баллад: здесь нет ни одной позднее тысяча семисотого года, а многие на сотню лет старше. Я выманил их у старухи, любившей их больше, чем свою псалтырь. Табак, сэр, нюхательный табак, и «Совершенная сирена» – вот за что она отдала их! Чтобы получить вот этот поврежденный экземпляр «Жалоб Шотландии», мне пришлось распить две дюжины крепкого эля с ученым владельцем, который в благодарность отказал мне ее в своем завещании. Эти маленькие эльзевиры – память и трофеи многих вечерних и утренних прогулок по Каугейту, Кэнонгейту, Боу, улице святой Марии, одним словом повсюду, где можно найти менял и продавцов всяких редких и любопытных предметов. Как часто стоял я и торговался из-за полупенни, чтобы поспешным согласием на первоначальную цену не дать продавцу заподозрить, как высоко я ценю покупаемую вещь! Сколько раз я дрожал от страха, как бы случайный прохожий не встал между мной и моей добычей. В каждом бедном студенте-богослове, остановившемся перед лавкой и перелистывавшем разложенные книги, я видел любителя-соперника или переодетого хищника-книготорговца! А потом, мистер Ловел, представьте себе это удовлетворение хитреца, когда платишь деньги и съешь покупку в карман, изображая холодное равнодушие, а у самого в это время руки трясутся от радости! А потом – ослеплять более богатых и ревнивых соперников, показывая им подобное сокровище (при этом он протянул гостю черную, с пожелтевшими листьями, книжонку размером с букварь), наслаждаться их удивлением и завистью, окутывая при этом дымкой таинственности свою осведомленность и ловкость, – вот, мой молодой друг, самые светлые минуты жизни, разом вознаграждающие за весь труд, и огорчения, и неослабное внимание, которых в особенно большой мере требует наша профессия!

Ловел немало потешался, слушая такие речи старого джентльмена, и, хотя не мог полностью оценить достоинства того, что было перед его глазами, все же восхищался, как и ожидалось от него, сокровищами, которые показывал ему Олдбок. Здесь были издания, почитаемые как первые, а тут стояли тома последующих и лучших изданий, ценимые едва ли меньше. Тут была книга, примечательная тем, что в нее были внесены окончательные авторские исправления, а подальше – другая, которая – странно сказать! – пользовалась спросом потому, что исправлений в ней не было. Одной дорожили потому, что она была издана ин-фолио, а другой – потому, что она была в двенадцатую долю листа; некоторыми – потому, что они были высокие, другими – потому, что они были низенькие. Достоинство одних заключалось в титульном листе, а других – в расположении букв слова «Finis»³⁴. Не было, по-видимому, такого отличия, хотя бы самого мелкого или ничтожного, которое не могло бы придать ценность книге, при одном непременно условии – что она редка или вовсе не встречается в продаже.

Не меньшее внимание привлекали к себе оригиналы печатных листков: «Предсмертная речь», «Кровавое убийство» или «Чудесное чудо из чудес», в том изрядно потрепанном виде, в каком их когда-то продавали вразнос на улицах за более чем скромную цену в одно пенни, хотя теперь за них давали вес этого же пенни в золоте. О них антикварий распространялся с увлечением, восторженным голосом читая замысловатые названия, так же соответствовавшие содержанию, как раскрашенная вывеска балаганщика соответствует животным, находящимся внутри. Например, мистер Олдбок особенно гордился «уникальным» листком под заглавием: «Странные и удивительные сообщения из Чиппинг-Нортон, в графстве Оксон, о некоторых ужасных явлениях, виденных в воздухе 26 июля 1610 года с половины десятого часа пополудни и до одиннадцати часов, в каковое время видно было явление нескольких пламенных мечей и странные движения высших сфер при необычайном сверкании звезд, с ужасными продолжениями: рассказом о разверзшихся небесах и об открывшихся в них непонятных явлениях, а также об иных удивительных обстоятельствах, не слыханных в веках, к великому изумлению созерцавших сие, как о том было сообщено в письме к некоему мистеру Колли, живущему в

³⁴ Конец (лат.).

Западном Смитфилде, и как засвидетельствовано Томасом Брауном, Элизабет Гринуэй и Энн Гатеридж, каковые созерцали означенные ужасные явления. И ежели кто пожелает убедиться в истине настоящего оповещения, пусть обратится к мистеру Найтингейлу, в гостиницу “Медведь” в Западном Смитфилде, где получит надлежащее подтверждение»³⁵.

– Вы смеетесь, – сказал владеец коллекции, – и я вас прощаю. Конечно, то, что так прельщает нас, не столь чарует глаза юности, как красота молодой леди. Но вы поумнеете и начнете судить справедливее, когда вам придет пора надеть очки. Впрочем, погодите, у меня тут есть одна древность, которую вы оцените больше.

Сказав это, мистер Олдбок отпер ящик и вынул оттуда связку ключей, потом откинул ковер, скрывавший дверцу маленького чулана, куда он спустился по четырем каменным ступенькам. Позвякав там какими-то бутылками или банками, он принес две рюмки в форме колокольцев на длинных ножках, какие можно видеть на полотнах Тенирса, небольшую бутылку, содержащую, как он сказал, превосходное старое Канарское, и кусок сухого кекса на маленьком серебряном подносе замечательной старинной работы.

– Не стану говорить о подносе, – заметил он, – хотя можно предполагать, что его чеканил этот безумный флорентинец Бенвенуто Челлини. Однако, мистер Ловел, наши предки пили сухие испанские вина, и вы как любитель театра должны знать, где об этом сказано³⁶. За успех ваших дел в Фейрпорте, сэр!

– За ваше здоровье, сэр, и за непрерывное приумножение ваших сокровищ! Пусть новые приобретения стоят вам лишь столько труда, сколько нужно, чтобы вы их ценили.

После возлияния, столь удачно заключившего приятное для обоих времяпровождение, Ловел встал, чтобы проститься, и мистер Олдбок решил немного проводить его, желая показать ему нечто достойное его любопытства на обратном пути в Фейрпорт.

³⁵ Автор владеет экземпляром этого исключительно редкого листка. (Прим. автора.)

³⁶ Об этом говорится в комедии Шекспира «Виндзорские проказницы», акт II, сц. 2.

Глава IV

*С полей притащился хитрый бродяга.
«Пошли вам Божье всякие блага!
Вы, сэр, такой добрый: наверняка
Накормите глупого старика!»*

«Нищий»

Наши два друга прошли через фруктовый садик, где старые яблони, отягченные плодами, показывали, как это обычно бывает по соседству с монастырскими строениями, что монахи не все дни проводили в праздности, но часто посвящали их огородничеству и садоводству. Мистер Олдобок не преминул обратить внимание Ловела на то, что садовники тех времен уже знали, как воспрепятствовать корням плодовых деревьев уходить вглубь и заставить их распространяться в стороны, для чего при посадке подкладывали под них большие плоские камни, создавая преграду между корнями и подпочвой.

— У этого старого дерева, — сказал он, — прошлым летом поваленного бурей и почти лежащего на земле, но все-таки покрытого плодами, была, как вы видите, такая преграда между корнями и тощим грунтом. А вон то дерево имеет свою особую историю. Его плоды называют «яблоками аббата». Супруга одного из соседних баронов так любила их, что часто посещала Монкбарнс ради удовольствия самой снимать плоды с веток. Муж, по-видимому человек ревнивый, подумал, что вкус, столь близко напоминающий вкус праматери Евы, предвещает такое же падение. Поскольку дело касается чести благородной семьи, я не скажу ничего больше и лишь добавлю, что земли Лохарда и Кринглката до сих пор еще ежегодно платят штраф в шесть мер ячменя, во искупление вины их владельца, нарушившего своими земными подозрениями уединение аббата и его исповедницы. Полюбуйтесь-ка колоколенкой, возвышающейся над увитым плющом порталом, — здесь некогда помещался *hospitium*, *hospitale* или *hospitamentum*³⁷ (в старинных грамотах и удостоверениях можно встретить все три способа написания), где монахи принимали благочестивых странников. Правда, наш пастор в своем «Статистическом отчете» утверждает, будто *hospitium* находился на землях либо Холтуэри, либо Хафстарвита, но это неверно, мистер Ловел! Вот ворота, все еще называемые Воротами Паломника, а мой садовник, роя грядку для посадки зимнего сельдерея, нашел много обтесанных камней; некоторые из них я разослал как образцы моим ученым друзьям и различным антикварным обще-

³⁷ Странноприимный дом (лат.).

ствам, коих недостойным членом я состою. Но сейчас я больше ничего не скажу. Надо оставить что-нибудь для следующего вашего посещения, а теперь нас ждет нечто поистине любопытное.

Говоря это, Олдбок быстро зашагал по цветущему лугу и вывел гостя на пустошь или общинный выгон, расположенный на вершине небольшого холма.

– Это, мистер Ловел, – сказал он, – поистине замечательное место.

– Отсюда открывается прекрасный вид, – промолвил его спутник, оглядываясь кругом.

– Это верно. Но не ради этого вида я привел вас сюда. Вы не замечаете больше ничего особенного на поверхности земли?

– В самом деле! Я вижу нечто вроде канавы, только не очень ясно.

– Неясно? Простите меня, сэр, но неясность, наверно, происходит от слабости вашего зрения. Здесь можно совершенно точно проследить настоящую *agger* или *vallum*³⁸ с соответствующим рвом, или *fossa*³⁹. Неясно? Помогите вам Небо! Ведь девчонка, моя племянница, пустоголовая гусыня, как все женщины, и та сразу разглядела следы рва! Неясно! Еще бы! Конечно, большой лагерь у Ардоха или у Бернсуорка в Эннендейле виден лучше, – так ведь там были постоянные укрепления, тогда как здесь лишь временный лагерь. Неясно! Неужели так трудно догадаться, что какие-то дураки, болваны и идиоты перепахали здесь всю землю и, словно дикие звери или невежественные дикари, уничтожили две стороны прямоугольника и сильно повредили третью. Но ведь вы сами видите, что четвертая сторона совершенно цела!

Ловел хотел извиниться и объяснить неудачное выражение, сославшись на свою неопытность. Но это удалось ему не сразу. Первоначальные слова вырвались у него так откровенно и непосредственно, что всполошили антиквария, который не мог сразу оправиться от потрясения.

– Дорогой сэр, – продолжал старший из собеседников, – ваши глаза не так уж неопытны: я полагаю, что вы способны отличить канаву от ровной земли. Неясно! Да ведь самые простые люди, последний подпасок, все называют это место Кем⁴⁰ оф Кинпрунз. Не знаю, что может яснее указывать на древний лагерь!

Ловел опять согласился, и наконец ему удалось усыпить подозрительность раздраженного и тщеславного антиквария, который теперь снова вошел в свою роль чичероне.

– Вам, должно быть, известно, – начал он, – что наши шотландские знатоки старины резко расходятся в вопросе о месте последнего столкновения между Агриколой и каледонцами. Одни высказываются за Ардох в Стрэтхаллене, другие – за Иннерпедфри, а третьи – за Редайкс в Мирнсе. Есть и такие, которые переносят театр военных действий далеко на север, к самому Блеру в Эсоле. А теперь, после всех этих объяснений, – продолжал старый джентльмен с самой лукавой и довольной улыбкой, – что бы вы сказали, мистер Ловел, да, я говорю, что бы вы сказали, если бы место достопамятного столкновения оказалось как раз в той точке земли, которая называется Кем оф Кинпрунз и лежит во владениях безвестного и скромного человека, сейчас беседующего с вами? – Немного помолчав, чтобы гость успел переварить такое важное известие, он возвысил голос и снова заговорил о своих изысканиях.

– Да, мой славный друг, я поистине грубо ошибаюсь, если эта местность не обладает всеми признаками знаменитого поля сражения. Оно находилось близ Грэмпианских гор. Взгляните, вон они. Видите, как тают, сливаясь с небом, их очертания на самом горизонте! Оно находилось *in conspectu classis*, – в виду римского флота. А мог ли какой-нибудь адмирал, римский или британский, пожелать для стоянки своего флота лучшей бухты, чем та, что видна справа от вас? Поразительно, до чего слепы бываем иногда мы, искушенные антикварии. Сэр Роберт Сибболд, Сондерс Гордон, генерал Рой, доктор Стюкли – никто из них этого не заме-

³⁸ Насыпь, вал (*лат.*).

³⁹ Канавой (*лат.*).

⁴⁰ Кем – искаженное произношение английского слова «лагерь» (*camp*).

тил. Я предпочитал молчать, пока не приобрел этот участок земли. Он принадлежал старому Джонни Хови, здешнему мелкому землевладельцу, и с ним пришлось немало поспорить, пока мы не пришли к соглашению! В конце концов – мне даже неловко об этом говорить – я решился отдать ему за эту пустошь отличную пахотную землю акр за акр. Ведь это было делом национального значения. И когда место такого знаменитого события стало моей собственностью, я был вознагражден с лихвой. В ком любовь к отечеству, как говорит старик Джонсон, не вспыхнет жарче на равнинах Марафона! Я начал раскапывать землю, чтобы посмотреть, что здесь можно обнаружить. И на третий день, сэр, мы нашли камень, который я перевез к себе, чтобы сделать гипсовый слепок сохранившегося на нем изображения. На камне высечены жертвенный сосуд и буквы A. D. L. L., которые без большой натяжки могут означать: *Agricola Dicavit Libens Lubens*⁴¹.

– Конечно, сэр! Ведь объявляют же голландские антикварию Калигулу основателем одного из маяков из-за букв C. C. P. F., которые они истолковывают как *Caius Caligula Pharum Fecit*⁴².

– Совершенно верно. И их объяснение всегда считалось разумным. Я вижу, из вас выйдет толк даже раньше, чем вы наденете очки, хотя вам показалось, что следы этого великолепного лагеря неясны, когда вы разглядывали их в первый раз.

– Со временем, сэр, и под хорошим руководством...

– ...вы станете лучше разбираться, не сомневаюсь. При следующем посещении Монк-барнса вы просмотрите мой довольно заурядный очерк о римских лагерях, с кое-какими замечаниями об остатках старинных укреплений, недавно открытых автором у Кем оф Кинпрунз. Мне кажется, что я привел неопровержимые доказательства древности сооружений. В связи с этим я предпосылаю несколько общих правил о том, какого рода свидетельствами следует в подобных случаях руководствоваться. Между прочим, прошу вас обратить внимание, например, на то, что я мог бы использовать и знаменитый стих Клавдиана «*Ille Caledoniis posuit qui castra pruinis*»⁴³, ибо *pruinis*, истолковываемое как заморозки, – которым, надо признать, мы несколько подвержены здесь, на северо-восточном берегу, – может означать также местность, а именно – Прунз. Поэтому *castra pruinis posita* согласуется с Кем оф Кинпрунз. Но я отбрасываю это свидетельство, понимая, что придиры могут ухватиться за него, чтобы отнестись к моему *castra* ко времени Феодосия, посланного Валентинианом в Британию лишь в триста шестьдесят седьмом году или около того. Нет, мой добрый друг, я взываю к очевидности: разве здесь не «декуманские ворота»? А разве вон там, не будь опустошений, произведенных ужасным (как выражается один из моих ученых друзей) плугом, не стояли бы «преторские ворота»? С левой стороны вы видите еще заметные остатки *porta sinistra*⁴⁴, а справа – почти полностью сохранившуюся часть *porta dextra*⁴⁵. Теперь станем на этом пригорке, где видны основания разрушенных зданий. Это, несомненно, центральная часть *praetorium*⁴⁶ лагеря. Мы можем предположить, что с этого места, теперь лишь едва различимого благодаря тому, что оно чуть выше и выделяется более зеленым дерном, Агрикола смотрел на бесчисленную армию каледонцев, занимавших скат вон того, противоположного холма. Пехота возвышалась ряд над рядом, причем из-за уклона почвы был прекрасно виден ее боевой порядок. Кавалерия и *convinctarii*, – под этим словом я разумею колесничих, тогдашнюю разновидность нынешних возниц с Бонд-стрит, правящих четверкой коней, – неслись по более ровному пространству внизу.

⁴¹ Агрикола посвятил от всей души (лат.).

⁴² Маяк построил Кай Калигула (лат.).

⁴³ Тот, кем был лагерь разбит в Каледонии с первым морозом (лат.).

⁴⁴ Левого входа в лагерь (лат.).

⁴⁵ Правого входа в лагерь (лат.).

⁴⁶ Главной площадки в римском лагере вокруг палатки полководца (лат.).

...Взгляни, взгляни же, Ловел!
Взгляни на бой, кипящий на горах!
Драконьей чешуей сверкают брони,
Летят бойцы, как вихрь! Гляди на них,
Тебе не видеть Рима!..

Да, мой дорогой друг, судя по этой строфе, вероятно – нет, почти достоверно, – что Юлий Агрикола видел картину, так превосходно описанную нашим Бомонтом! С этого самого praetorium...

Раздавшийся сзади голос прервал это восторженное описание:

– Преторий тут, преторий там, будет вам выдумывать!

Оба джентльмена разом обернулись, Ловел – с удивлением, а Олдбок – со смешанным чувством удивления и негодования по поводу столь невежливого вмешательства. Они не слышали, как к ним подкрался слушатель, помешавший восторженной декламации антиквария, которой учтиво внимал Ловел. По внешнему виду пришелец был нищим. Огромная мягкая шляпа, длинная белая борода, сливавшаяся с седыми волосами, старческие, но четкие и выразительные черты огрубелого лица, которому климат и жизнь на открытом воздухе придали цвет толченого кирпича, длинный голубой плащ с оловянной бляхой на правом рукаве, котомки или мешки, перекинутые через плечо и предназначенные для различных видов пищи, получаемой в виде милостыни от тех, кто сам был лишь немногим богаче, – все это изобличало в нем одного из тех привилегированных попрошаек, которых в Шотландии называют королевскими нищими или, в просторечии, Голубыми Плащами.

– Будет вам выдумывать!

– Что ты такое говоришь, Эди? – спросил Олдбок в надежде, что, может быть, ослышался. – О чем это ты?

– Вот об этом самом сарае, ваша милость, – отозвался неустрашимый Эди. – Будет вам выдумывать!

– Что за черт! Да ведь эти развалины были здесь, прежде чем ты родился, старый дурак, и останутся после того, как тебя повесят!

– Повесят меня или я утону, тут я или там, мертвый или живой, а я говорю: будет вам выдумывать!

– Ты... ты... ты... – начал, заикаясь, растерявшийся и обозленный антикварий, – что ты, старый бродяга, черт тебя побери, можешь знать об этих развалинах?

– Ну, знать-то я вот что знаю, Монкбарнс, и врать мне ни к чему, – знаю я вот что: годов двадцать назад, я и еще несколько таких же нищих, да еще каменщики, что длинную дамбу вдоль дороги мостили, да еще, может, два-три пастуха сложили ту штуку, что вы называете преторием. А понадобился этот сарай только на то, чтоб сыграть свадьбу Эйкена Драма. А после того там, бывало, в дождь укроешься! А что это так, можете убедиться сами, Монкбарнс. Коли начнете тут копать, – а вы, кажется, уже начали, – так вы найдете здоровенный камень.

Один из каменщиков потехи ради возьми да и высеки на этом камне ложку и четыре буквы: A. D. L. L. – Aiken Drum's Lang Ladle⁴⁷, потому как Эйкен всегда бывал на пирушках в Файфе.

«Какая замечательная параллель, – подумал Ловел, – к истории «Keir on this syde»⁴⁸. Он украдкой покосился на антиквария и поспешил отвести взгляд. Ибо, мягкосердечный читатель, если тебе довелось когда-либо видеть девицу шестнадцати лет, чья романтическая любовь была преждевременно обнаружена и разбита, или десятилетнего ребенка, чей карточный домик был сдут коварным товарищем по игре, могу смело заверить тебя, что Джонатан Олдбок не выглядел ни более умным, ни менее расстроенным.

– Тут какая-то ошибка, – сказал он и быстро отвернулся от нищего.

– Только, черт возьми, не моя, – ответил упрямый Эди. – Мне нельзя делать ошибки: «За ошибки бьют шибко». Теперь скажу вам, Монкбарнс: этот молодой джентльмен, что стоит тут с вашей милостью, поди не больно высоко судит о таком старике, как я. А вот бьюсь об заклад, я могу сказать ему, где он был вчера в сумерки! Только, может, он не хочет, чтобы я говорил об этом в обществе.

Щеки Ловела вспыхнули ярким румянцем двадцатидвухлетнего молодого человека.

– Не обращайтесь внимания на старого мошенника! – сказал Олдбок. – Не думайте, что я низкого мнения о вашей профессии. Его могут придерживаться только дураки, начиненные предрассудками, и чванные фаты. Вы помните, что говорит старый Туллий в своей речи pro Archia poeta⁴⁹, касаясь ваших собратьев: «Quis nostrum tam animo agresti ac duro fuit... ut... ut...»⁵⁰ Я забыл латинский текст, но смысл его такой: «Кто из нас был так груб и дик, чтобы его не тронула смерть великого Росция? Его преклонный возраст вовсе не подготовил нас к его кончине, и мы скорее надеялись, что человек, столь изысканный и преуспевший в своем искусстве, мог бы быть избавлен от общей участи смертных». Так король ораторов говорил о сцене и ее жрецах.

Слова старого джентльмена достигали ушей Ловела, но не вызывали никаких откликов в его уме, занятом вопросом о том, каким образом старик нищий, по-прежнему не спускавший с него лукавого и умного взгляда, мог проникнуть в его личные дела. Он опустил руку в карман, считая это простейшим способом заявить о своем желании сохранить тайну и обеспечить согласие на это лица, к которому обращался. Подавая нищему милостыню, размер которой определялся скорее страхом, чем щедростью, Ловел многозначительно посмотрел на него, и тот, физиономист в силу самой своей профессии, по-видимому прекрасно его понял.

– Будьте покойны, сэр, я не сорока-болтуня. Но, кроме моих глаз, на свете есть другие, – заметил старик, пряча деньги.

Он говорил тихо, чтобы его мог услышать только Ловел, и с таким выражением, которое отлично дополняло все, что было недосказано.

Затем, повернувшись к Олдбоку, он продолжал:

– Я иду в пасторский дом, ваша милость. Может, ваша милость хочет что передать туда или сэру Артуру? Я пойду мимо Нокуиннокского замка.

Олдбок вздрогнул, словно очнувшись от сна. Бросив лепту в засаленную, давно потерявшую подкладку, шляпу Эди, он торопливо заговорил с ним, и в его речи досада боролась с желанием ее скрыть.

– Ступай в Монкбарнс и скажи, чтобы тебя накормили. А если хочешь, оставайся и ночевать. А пойдешь в пасторский дом или Нокуиннок, смотри не вздумай повторять там свою дурацкую историю.

⁴⁷ Длинная ложка Эйкена Драма (*шотл.*).

⁴⁸ «Держись этой стороны» (*шотл.*).

⁴⁹ В защиту поэта Архия (*лат.*).

⁵⁰ Кто из нас был столь груб и жесток душою, чтобы... чтобы... (*лат.*)

– Кто? Я? – отозвался нищий. – Дай Бог здоровья вашей милости. Никто не услышит от меня ни слова, хоть стой тут этот сарай со времен потопа. Но мне говорили – прости господи! – что ваша милость отдали Джонни Хови за этот пустопорожний бугор хорошую землю, акр за акр! Так ежели он и вправду сбыл вам остатки сарая за древнюю крепость, я считаю, что такая сделка не имеет силы. Вам надо только не мешкать да подать в суд и сказать, что он вас надул.

– Вот негодяй! – пробормотал возмущенный антикварий. – Надо бы познакомить твою шкуру с кнутом! – И добавил громче: – Оставь, Эди, все это просто ошибка!

– Вот и я так считаю, – продолжал его мучитель, которому, по-видимому, доставляло удовольствие растравлять рану бедного джентльмена. – Я тоже так смотрю, только на днях я сказал тетке Джеммелз: «Ты не думай, что его милость Монкбарнс может сделать такую страшную глупость и отдать землю, ценой пятьдесят шиллингов акр, за такое дерьмо, которому красная цена – один шотландский фунт. Нет, нет, – сказал я ей, – так и знай, что этот хитрый бездельник Джонни Хови попросту втер лэрду очки». А она мне: «Все мы под Богом ходим, но как же это может быть, если лэрд прочел столько книг и такой ученый человек – другого такого во всей округе нет, а у Джонни Хови ума едва хватает, чтобы выгнать коров из капусты?» – «Погоди, погоди, – говорю я ей, – ты еще услышишь, что Джонни наплел ему всякие басни про древности». Ведь вы помните, лэрд, как вам раз продали какую-то бляшку за старинную монету?..

– Надо бы познакомить твою шкуру с кнутом!

– Пошел к черту! – загремел Олдобок, но сейчас же перешел на более мягкий тон, сознавая, что его репутация – в руках противника. – Замолчи и ступай в Монкбарнс. Когда вернусь, я пришлю тебе на кухню бутылку эля.

– Да вознаградит Небо вашу милость! – смиренно-плаксивым тоном заправского нищего протянул Эди; он оперся на свой посох и двинулся было в направлении Монкбарнса, но тут же обернулся и спросил: – А вы не получили назад денежки, что дали разносчику за эту бляшку?

– Будь ты проклят! Не суйся в чужие дела!

– Хорошо, хорошо, сэр! Благослови Господи вашу милость. Я надеюсь, что вы еще прижмете Джонни Хови и что я доживу до этого дня.

С этими словами старый нищий удалился, избавив мистера Олдбока от воспоминаний, которые были далеко не из приятных.

– Кто этот бесцеремонный старый джентльмен? – спросил Ловел, когда нищий уже не мог его слышать.

– Это сущий бич наших мест! Я всегда был против налогов в пользу неимущих и против работных домов, а теперь, кажется, буду голосовать за них, чтобы можно было упрятать туда этого негодяя. Да, такой гость-нищий, которого вы помните издавна, знает вас, как свою миску, и сближается с вами, как те привычные и преданные человеку животные, с которыми тому же нищему при его ремесле приходится иной раз воевать. Кто он такой? Кем только он не был! И солдатом, и певцом баллад, и бродячим лудильщиком, а теперь он нищий. Он избалован нашим глупым дворянством. Люди смеются его шуткам и повторяют удачные словечки Эди Охилтри, как если бы это был сам Джо Миллер⁵¹.

– Ну что ж, он явно пользуется свободой, а свобода – душа остроумия, – заметил Ловел.

– О да, свободой он пользуется в достаточной мере, – подтвердил антикварий. – Обычно он сочиняет какую-нибудь нелепую и неправдоподобную историю, чтобы вам досадить, вроде той чепухи, что он нес сейчас... Но, конечно, я не стану публиковать свой трактат, не расследовав этого дела до самого конца.

– В Англии, – сказал Ловел, – такому нищему не дали бы долго разгуливать на свободе.

– Да, ваши церковные старосты и констебли не оценили бы его юмористической жилки! Но здесь, черт бы его взял, он пользуется особой привилегией докучать вам, так как это один из последних образцов старинного шотландского нищего, который регулярно обходил определенную местность и был переносчиком новостей, менестрелем, а иногда даже историком своей округи. Этот плут знает больше старых баллад и преданий, чем кто-либо в нашем и в ближайших четырех приходах. И в конце концов, – продолжал Олдбок, смягчаясь по мере того, как описывал положительные качества Эди, – у этого пса добродушный нрав. Он всегда нес свой нелегкий крест, не теряя бодрости духа. Жестоко было бы отказывать ему в праве посмеяться на счет более удачливого ближнего. Радость, испытанная им от того, что он, как выразились бы вы, веселая молодежь, «поддел» меня, будет ему на несколько дней хлебом насущным. Но мне надо вернуться и присмотреть за ним, не то он разнесет эту свою дурацкую выдумку по всему графству.

На этом наши герои расстались, мистер Олдбок – чтобы возвратиться в свой *hospitium* в Монкбарнсе, а Ловел – чтобы продолжать путь в Фейрпорт, куда он и прибыл без дальнейших приключений.

⁵¹ Джозеф Миллер (1684–1738) – английский актер. В 1739 году была издана «Книга шуток Джо Миллера, или Карманный справочник остряка». Книга эта много раз переиздавалась и широко распространялась; вскоре всякую избитую шутку стали называть «Джо Миллер».

Глава V

Ланчелот Гоббо:

Следи за мной, как я добуду воду!

«Венецианский купец»

Театр в Фейрпорте открылся, но мистер Ловел не появлялся на подмостках, да и во всем поведении молодого джентльмена, носившего это имя, не было ничего такого, что подтверждало бы догадку мистера Олдбока, будто его бывший попутчик претендует на благосклонность публики. Антикварий много раз расспрашивал старомодного цирюльника, причесывавшего три еще сохранившиеся в приходе парика, каковые, несмотря на налоги и на веяния времени, все еще подвергались операциям припудривания и завивки, ввиду чего цирюльнику приходилось делить свое время между тремя клиентами, которых мода оставила ему, – много раз, как я уже сказал, расспрашивал антикварий этого брадобрея о делах маленького фейрпортского театра, каждый день ожидая услышать о дебюте мистера Ловела. Старый джентльмен решил ради такого случая не пожалеть расходов в честь своего молодого друга и не только явиться на спектакль самому, но и привезти с собой своих дам. Однако старый Джейкоб Кексон не доставлял сведений, которые оправдали бы такой крупный расход, как приобретение ложи в театре.

Напротив, он сообщил, что в Фейрпорте проживает один молодой человек, которого город (понимая под этим всех кумушек, за отсутствием собственных дел заполняющих свой досуг заботами о чужих делах) никак не может раскусить. Он не ищет общества и скорее даже уклоняется от приглашений, с которыми многие, побуждаемые несомненной приятностью его манер, а в некоторой степени и любопытством, обращаются к нему. Его образ жизни, чрезвычайно размеренный и никак не свидетельствующий о склонности к авантюрам, отличается простотой и так хорошо налажен, что все, кому случалось иметь с ним дело, громко восхваляют его.

«Это не те добродетели, что отличают героя, посвятившего себя сцене», – подумал про себя Олдбок. И как ни был он стоек в своих мнениях, ему пришлось бы отказаться от сделанной им в настоящем случае догадки, если бы не одно из сообщений Кексона. «Люди слышали, – сказал он, – как молодой человек иногда говорит сам с собой и мечется по комнате, словно он актер какой-то».

Таким образом, ничто, кроме этого одного обстоятельства, не подтверждало догадки мистера Олдбока, и вопрос о том, для чего бы такому молодому просвещенному человеку, без

друзей, связей или каких-либо занятий, жить в Фейрпорте, по-прежнему оставался нерешенным и продолжал занимать мысли мистера Олdboка. Ни портвейн, ни вист, по-видимому, не имели для молодого человека притягательной силы. Он отказывался от участия в общих обедах только что образовавшейся «когорты добровольцев», избегая также увеселений, устраиваемых теми двумя партиями, на которые разделялся тогда Фейрпорт, как и более значительные города. Он чувствовал себя слишком мало аристократом, чтобы вступить в «Клуб голубых верноподданных короля», и слишком мало – демократом, чтобы брататься с членами местного общества *soi-disant*⁵² «друзей народа», каковым Фейрпорт также имел счастье располагать. Он ненавидел кофейни, и я, к сожалению, должен отметить, что столь же мало нравилось ему сидеть и за чайным столом. Короче говоря, поскольку его имя нередко встречалось в романах, – и притом с довольно давних пор, – не существовало еще Ловела, о котором знали бы так мало и которого все описывали бы посредством одних лишь отрицаний.

Одно отрицание, впрочем, было очень важным: никто не знал о Ловеле ничего дурного. В самом деле, если бы что-либо дурное произошло, оно быстро стало бы известно, ибо естественное желание говорить дурно о ближнем в этом случае не сдерживалось бы чувствами симпатии к такому малообщительному существу. Только в одном отношении он казался несколько подозрительным. Зная, что во время своих одиноких прогулок он часто пользуется карандашом и уже нарисовал несколько видов гавани, изобразив и сигнальную башню и даже четырехпушечную батарею, некоторые ревнители общего блага пустили слухок, что таинственный незнакомец, несомненно, французский шпион. В связи с этим шериф нанес мистеру Ловелу визит, но затем во время беседы молодой человек, по-видимому, настолько рассеял подозрения служителя правосудия, что тот не только предоставил ему невозбранно предаваться уединению, но даже, по достоверным сведениям, дважды посылал ему приглашения на обед, которые были вежливо отклонены. Сущность объяснения шериф хранил, однако, в полном секрете не только от широкой публики, но и от своего заместителя, секретаря, жены и обеих дочерей, которые составляли тайный совет по всем его служебным делам.

Все эти подробности, усердно сообщаемые мистером Кексоном его патрону в Монкбарнсе, очень подняли Ловела в глазах его бывшего товарища по путешествию. «Порядочный и разумный юноша, – говорил он себе, – пренебрегающий глупыми забавами этих фейрпортских идиотов! Я должен для него что-нибудь сделать. Надо пригласить его к обеду!.. Напишуща я сэру Артуру, чтобы он приехал в Монкбарнс познакомиться с ним!.. Надо посоветоваться с женщинами».

После того как состоялось это совещание, специальному посланцу, коим был не кто иной, как сам Кексон, было приказано подготовиться к прогулке в замок Нокуиннок с письмом к «досточтимому сэру Артуру Уордору из Нокуиннока, баронету». Содержание письма было следующее:

«Дорогой сэр Артур, во вторник, 17 числа текущего месяца, stilo novo⁵³, я устраиваю трапезу в Монкбарннской обители и прошу вас пожаловать на таковую точно в четыре часа. Если мой прекрасный враг мисс Изабелла окажет нам честь и будет сопровождать вас, мои женищины будут чрезвычайно горды приобрести такую союзницу в борьбе против законной власти и привилегий мужчин. Если же нет, я отошлю женищин на весь день в пасторский дом. Я хочу представить вам одного молодого человека, который проникнут лучшим духом, чем тот, что властвует в наши головокружительные времена: он чтит старших, недурно знает классиков. А так как подобный юноша, естественно, должен презирать обитателей Фейрпорта, я хочу показать ему более разумное и более почтенное общество.

⁵² Так называемых (фр.).

⁵³ По новому стилю (лат.).

Остаюсь, дорогой сэр Артур, и так далее и так далее».

– Мчись с этим письмом, Кексон, – сказал антикварий, протягивая ему послание, *signatum atque sigillatum*⁵⁴, – мчись в Нокуиннок и принеси мне ответ. Спешь так, словно собрался городской совет и ждут мэра, а мэр ждет, чтобы ему принесли свеженапудренный парик!

– Ах, сэра, – с глубоким вздохом ответил посланец. – Эти дни давно миновали. Черт возьми, хоть бы раз со времен старого Джерви кто-нибудь из мэров Фейрпорта надел парик! Да и у того париком занималась служанка – золото-девка, а был-то у нее всего-навсего огарок свечи и мучное сито. Но видел я и такие времена, Монкбарнс, когда члены городского совета скорее обошлись бы без секретаря и без рюмки бренди после трески, чем без красивого, пышного, достойного парика на голове. Да, почтенные сэры, немудрено, что народ недоволен и восстает против закона, когда он видит членов магистрата, и олдерменов, и диаконов, и самого мэра с головой лысой и голой, как мои болванки.

– И так же устроенной внутри, Кексон. Но ступай скорей! Ты прекрасно разбираешься в общественных делах и, право же, так верно отметил причину народного недовольства, что самому мэру не сказать лучше. А все-таки убирайся скорее!

И Кексон отправился на свою трехмильную прогулку.

Он хром был, но не знал одышки
И мог шагать без передышки.

Пока Кексон проделывает оба конца, пожалуй будет уместно познакомить читателя с теми, в чью усадьбу направлялся он со своей миссией.

⁵⁴ Подписанное и скрепленное печатью (*лат.*).

Джейкоб Кексон, брадобрей

Мы уже говорили, что мистер Олдбок мало общался с окрестными джентльменами, за исключением одного из них. Это был сэр Артур Уордор, баронет старинного рода, обладатель крупного состояния, обремененного, правда, различными долговыми обязательствами. Отец его, сэр Энтони, был якобитом и с энтузиазмом поддерживал эту партию, пока мог ограничи-

ваться одними словами. Никто не выжимал апельсина с более многозначительным видом⁵⁵. Никто не умел так ловко провозгласить опасный тост, не приходя в столкновение с уложением о наказаниях. А главное, никто не пил за успех «дела» так усердно и с таким самозабвением. Однако в 1745 году при приближении армии горцев оказалось, что пыл достойного баронета стал чуточку более умеренным как раз в такое время, когда он был бы особенно нужен. Правда, он много разглагольствовал о том, что пора бы выступить в поход за права Шотландии и Карла Стюарта. Но его походное седло годилось только для одной из его лошадей, а эту лошадь никак не удавалось приучить к звукам выстрелов. Возможно, что любящий хозяин сочувствовал образу мыслей этого мудрого четвероногого и пришел к заключению, что то, чего так боялся конь, не могло быть полезным и для всадника. Так или иначе, пока сэр Энтони Уорддор говорил, и пил, и медлил, решительный мэр Фейрпорта (который, как мы упоминали, был отцом антиквария) выступил из своего древнего города во главе отряда горожан-вигов и немедленно, именем короля Георга II, захватил замок Нокуиннок, четырех выездных лошадей и самого владельца. Вскоре сэр Энтони по приказу министра был отправлен в лондонский Тауэр, и с ним поехал его сын, тогда еще юноша. Но так как не было установлено ничего похожего на открытый акт измены, отец и сын через некоторое время были освобождены и возвратились в свой Нокуиннок, где основательно пили и повествовали о своих страданиях за дело короля. У сэра Артура это настолько вошло в привычку, что и после смерти его отца неконформистский капеллан постоянно молился о восстановлении в правах законного монарха, о свержении узурпатора и об избавлении от жестоких и кровожадных врагов. И хотя всякая мысль о серьезном сопротивлении Ганноверскому дому давно была забыта, эти изменнические молебствия сохранялись более для формы, утратив свой внутренний смысл. Это видно хотя бы из того, что, когда, приблизительно в 1770 году, в графстве состоялись выборы, которые потом были кассированы, достойный баронет скороговоркой прочитал клятву о непризнании Претендента и преданности правящему монарху, чтобы поддержать интересовавшего его кандидата. Тем самым он отступился от наследника, о реставрации которого еженедельно молил Небо, и признал узурпатора, падения которого неизменно жаждал. В дополнение к этому печальному примеру человеческого непостоянства упомянем, что сэр Артур продолжал молиться за дом Стюартов даже тогда, когда их род угас; и хотя ему, при его теоретической преданности, нравилось воображать их живыми, он в то же время по своей фактической службе и практическим действиям был самым ревностным и верным подданным короля Георга III.

В остальном сэр Артур Уорддор жил как большинство сельских джентльменов в Шотландии: охотился и удил рыбу, давал обеды и сам ездил на обеды, посещал скачки и собрания местного дворянства, числился административным, должностным лицом графства и попечителем по дорожным сборам. Но в более преклонных летах, став слишком ленивым и неповоротливым для развлечений на открытом воздухе, он вознаграждал себя тем, что стал почитать книги по истории Шотландии. Приобретая постепенно вкус к памятникам старины – вкус не очень глубокий и не очень верный, – он стал приятелем своего соседа, мистера Олтбока из Монкбарнса, и его сотоварищем по антикварным изысканиям.

Однако между этими двумя чудаками существовали и расхождения во взглядах, иногда вызывавшие размолвки. Доверчивость сэра Артура как антиквария была безгранична, тогда как мистер Олтбок (несмотря на происшествие с преторием в Кем оф Кинпунз) был гораздо осторожнее в оценке разных преданий и не так спешил принимать их за чистую монету. Сэр Артур считал бы себя виновным в оскорблении величества, если бы усомнился в существовании хотя бы одного из властителей в колоссальном перечне ста четырех королей Шотландии, признаваемом Бойсом и ставшем классическим после Бьюкэнана, перечне, на который Иаков VI

⁵⁵ Сжимание апельсина (*orange*, *англ.*) было враждебным намеком на царствовавшего короля Вильгельма III Оранского и на его сторонников, так называемых оранжистов – противников якобитов (приверженцев династии Стюартов).

опирался в своих притязаниях на наследие древних королей, чьи портреты до сих пор хмуро взирают со стен галереи в Холируде. Олдобок же, человек искушенный и осторожный и не слишком уважавший божественные права наследования, был склонен находить неясности в этом священном списке и утверждал, что чередование потомства Фергюса на страницах шотландской истории так же необоснованно и недостоверно, как призрачное шествие потомков Банко по пещере Гекаты.

Сэр Артур Уорддор, баронет

Другим большим вопросом было доброе имя королевы Марии, которое баронет защищал самым рыцарственным образом, тогда как эсквайр порочил его, несмотря на красоту и бедствия этой дамы. Когда, к несчастью, разговор переходил на более поздние времена, поводы для разногласий возникали почти на каждой странице истории. Олдбок по своим убеждениям был ревностный пресвитерианин, церковный староста, сторонник принципов революции и протестантского престолонаследия, тогда как сэр Артур все это решительно отвергал. Правда, они сходились в должной любви и преданности монарху, в настоящее время занимающему трон⁵⁶, но это было единственным пунктом их единения. Поэтому часто случалось, что между ними возникали пререкания, во время которых Олдбок не всегда сдерживал свой едкий юмор, и баронету казалось, что потомок немецкого печатника, человек, чьи отцы «искали низменной дружбы ничтожных бюргеров», иной раз забывается и присваивает себе в спорах свободу, недопустимую при общественном положении и древности рода его противника. Временами все это, да еще старинная обида из-за того, что отец мистера Олдбока захватил некогда его выездных лошадей, а также усадьбу, оплот его могущества, вдруг вспоминалось баронету и воспламеняло как его щеки, так и его аргументы. И наконец, мистер Олдбок, считая своего почтенного друга и коллегу в некоторых отношениях порядочным дураком, был склонен яснее намекать ему на свое неблагоприятное мнение, чем это допускают современные правила вежливости. В таких случаях они часто расставались, проникнутые глубоким взаимным возмущением, и были близки к решению отказаться в дальнейшем от общества друг друга.

Но с утром просыпался здравый разум,

и так как каждый сознавал, что общество другого, в силу привычки, необходимо для его душевного равновесия, их разлад быстро устранялся. В таких случаях Олдбок, принимая в соображение детскую обидчивость баронета, обычно высказывал свое умственное превосходство тем, что снисходительно делал первый шаг к примирению. Но уже раз или два бывало, что аристократическая спесь слишком заносчивого высокородного сэра Артура задевала чувства потомка печатника. В таких случаях разрыв между обоими чудачками мог бы стать окончательным, если бы не деликатные усилия и посредничество дочери баронета, мисс Изабеллы Уорддор, которая вместе со своим братом, в то время находившимся за границей на военной службе, составляла все семейство баронета. Она хорошо понимала, как необходим мистер Олдбок для развлечения ее отца и поддержания его хорошего настроения, и когда насмешливость одного и высокомерие другого требовали ее вмешательства, оно редко не увенчивалось успехом. Под кротким влиянием Изабеллы ее отец забывал о несправедливостях, причиненных королеве Марии, а мистер Олдбок прощал кощунственные слова, оскорблявшие память короля Вильгельма. Обычно она при таких диспутах шутиливо брала сторону отца, что дало повод мистеру Олдбоку называть Изабеллу своим «прекрасным врагом», хотя, собственно говоря, этот джентльмен считался с ней больше, чем с какой-либо иной представительницей ее пола, поклонником которого он, как мы видели, не был.

Между обоими достойными джентльменами существовала еще особая связь, оказывавшая на их дружбу то отталкивающее, то притягательное действие. Сэр Артур всегда жаждал занять деньги, а мистер Олдбок не всегда стремился их одолжить. С другой стороны, мистер Олдбок желал, чтобы ему платили аккуратно, а сэр Артур не всегда – и даже не часто – готов был удовлетворить это разумное желание. И при попытках примирить столь противоположные стремления иногда возникали небольшие шероховатости. Впрочем, оба, в общем, были

⁵⁶ Читатель поймет, что это относится к правлению нашего покойного благословенного государя, Георга Третьего. (Прим. автора.)

проникнуты духом взаимной благожелательности и продвигались вперед, как собаки в парной упряжке, ссорясь и время от времени рыча, но не останавливаясь и не перегрызая друг другу глотку.

Оба дома – Нокуиннок и Монкбарнс – как раз были в неладах, возникших на почве деловых отношений или политики, когда монкбарнский эмиссар прибыл со своим поручением. Баронет сидел в старинной готической гостиной, окна которой выходили с одной стороны на неумолчный океан, а с другой – на длинную прямую аллею. Он то переворачивал листы какого-то старинного фолианта, то бросал унылый взгляд туда, где солнечные лучи трепетали на темно-зеленой листве и гладких стволах больших и раскидистых лип, посаженных вдоль аллеи. Наконец – о, радостное зрелище! – показалась движущаяся точка и дала повод к обычным вопросам: кто это может быть и по какому делу? Побелевший от старости серый сюртук, прихрамывающая походка, шляпа местами с обвислыми, местами с задранными полями указывали на скромного изготовителя париков и оставляли невыясненным лишь второй вопрос. Последний вскоре был разрешен вошедшим в гостиную слугой:

– Письмо из Монкбарнса, сэр Артур!

Сэр Артур взял в руки послание, напустив на себя подобающую в таком случае важность.

– Отведи старика на кухню и угости его там, – сказала молодая леди, чей сострадательный взгляд заметил жидкие седые волосы и усталую поступь посланца.

– Мистер Олдбок приглашает нас, моя милая, к обеду во вторник, семнадцатого, – промолвил баронет и помолчал. – Право, он, кажется, забыл, что недавно вел себя со мной не слишком вежливо!

– Дорогой сэр, у вас столько преимуществ перед бедным мистером Олдбоком, что не удивительно, если это немного выводит его из душевного равновесия. Но я знаю, что он питает к вам большое уважение и ценит вашу беседу. Ничто не огорчило бы его больше, чем подозрение в том, что он действительно был к вам невнимателен.

– Верно, верно, Изабелла! И потом надо принять во внимание его происхождение. Что-то от грубого немецкого мужика еще осталось в его крови, какая-то вигская извращенная нетерпимость к высокому общественному положению и привилегиям. Ты могла заметить, что ему никогда не удастся переспорить меня, кроме тех случаев, когда он пускает в ход особую казуистическую осведомленность в датах, именах и самых незначительных фактах, обладая нудной и поверхностной, хотя и точной памятью, которой он всецело обязан своим предкам-механикам.

– Наверно, такая память полезна при его исторических изысканиях, не правда ли, сэр? – сказала молодая леди.

Сэр Артур взял в руки послание

– Она приводит к невежливой и самоуверенной манере спорить. Как странно слушать его нелепые рассуждения, когда он нападает на редкий, выполненный Белленденом, перевод Гектора Бойса, которым я имею удовольствие обладать! Это старопечатный фолиант большой ценности, а он хочет опорочить перевод, ссылаясь на какой-то старый клочок пергамента, который он спас, когда этот пергамент собирались, как он того вполне заслуживал, разрезать на портновские мерки. Кроме того, такая привычка к мелочной и докучной точности порождает меркантильность в делах, недостойную солидного землевладельца, род которого как-никак насчитывает два или три поколения. Не знаю, найдется ли в Фейрпорте такой счетовод, который мог бы лучше подсчитать проценты, чем Монкбарнс.

– Но вы примете его приглашение, сэр?

– Гм, что ж... да. У нас, кажется, этот день свободен. Что это может быть за молодой человек, о котором он говорит? Монкбарнс редко заводит новые знакомства. А о каких-либо его родственниках я никогда не слыхал.

– Вероятно, какой-нибудь родственник его зятя, капитана Мак-Интайра.

– Весьма возможно. Да, мы примем приглашение. Мак-Интайры – очень старый шотландский род. Можешь ответить на письмо положительно, Изабелла. А мне недосуг строчить самому все эти любезности.

Так было улажено это важное дело. Мисс Уордор послала «свои и сэра Артура приветствия» и сообщила, что ее отец и она «будут иметь честь посетить мистера Олдбока. Мисс Уордор пользуется случаем возобновить свою вражду с мистером Олдбоком по поводу его долгого отсутствия в Нокуинноке, где его визиты доставляют так много удовольствия». Этим placebo⁵⁷ она закончила свою записку, с которой освежившийся и подкрепивший тело и дух Кексон отправился в обратный путь к усадьбе антиквария.

⁵⁷ Сладким лекарством (*лат.*).

Глава VI

М о т с:

*Клянусь тобою, Вотан, богом саксов,
Кто имя дал дню Вотана – среде,
Хранить я правду буду неизменно,
Пока мой не придет последний час
И в гроб не лягу.*

Картрайт. «Таверна»

Наш молодой друг Ловел, получив соответствующее приглашение и желая точно соблюсти назначенный час, прибыл в Монкбарнс семнадцатого июля за пять минут до четырех часов. День был необычайно душный, и время от времени падали крупные капли дождя, хотя угрожавший ливень пока прошел мимо. Мистер Олдбок встретил гостя у Ворот Паломника. Хозяин был в коричневом сюртуке и панталонах, серых шелковых чулках и парике, искусно напудренном ветераном Кексоном, который, почуяв запах обеда, поостерегся окончить работу прежде, чем приблизится час еды.

– Добро пожаловать на мой пир, мистер Ловел. А теперь позвольте познакомить вас с моими «клохтуньями», как их называет Том Оттер, моими бестолковыми и никчемными дамами, *malae bestiae*⁵⁸, мистер Ловел!

– Я уверен, сэр, что дамы вовсе не заслуживают ваших насмешек!

– Тилли-вэлли⁵⁹, мистер Ловел, – что, кстати, один из комментаторов производит от *tittivillitium*⁶⁰, а другой – от *talley-ho*⁶¹, так вот, тилли-вэлли, говорю я, и отбросьте вашу вежливость. Вы найдете в них самые заурядные образцы женского пола. А вот и они, мистер Ловел! Представляю вам, в должном порядке, мою чрезвычайно благоразумную сестру Гризельду, которая презирает простоту и терпение, связанные со скромным старинным именем Гризл⁶²; а также мою изящную племянницу Марию, чью мать называли Мэри, а иногда – Молли.

Пожилая леди шуршала шелками и атласами, а на голове носила сооружение, напоминавшее моды из женского альманаха за 1770 год, великолепный образец архитектуры, не уступавший современным готическим замкам: локоны ее изображали башенки, черные булавки – *chevaux de frise*⁶³, а ленты – знамена.

Лицо, над которым, как у древних статуй Весты, высились упомянутые башни, было большое и длинное, с острым носом и подбородком, а в остальном так смехотворно похожее на физиономию мистера Джонатана Олдбока, что Ловел, не появившись они вместе, как Себастьян и Виола в заключительной сцене «Двенадцатой ночи», мог бы подумать, что фигура, стоящая перед ним, и есть его старый друг, переодетый в женское платье. Одежда из старинного шелка в цветочках украшала эту удивительную фигуру с несравненной головой, о которой брат обычно говорил, что ей больше подошел бы тюрбан Магома или Термагана⁶⁴, чем голов-

⁵⁸ Скверными животными (*лат.*).

⁵⁹ Tilley-valley – вздор, чепуха (*англ.*).

⁶⁰ Tittivillitium (titivilicium) – пустяк (*лат.*).

⁶¹ Ату! (*англ.*)

⁶² Гризл (Гризельда) – героиня рассказа Боккаччо, заимствованного Чосером; имя это стало синонимом кроткой и приветливой женщины.

⁶³ Рогатки или утыканные гвоздями бревна, которыми загораживались бреши в стенах, чтобы помешать осаждающим проникнуть в замок (*фр.*).

⁶⁴ Термаган – имя, которое в средневековых романсах и народных драмах давалось богу мусульман-сарацин; в современ-

ной убор разумного существа или дамы христианской веры. Две длинные костлявые руки с тремя рядами кружев у локтей, сложенные крестообразно впереди этой особы и украшенные длинными перчатками светло-алого цвета, имели немалое сходство с парой гигантских раков. Башмаки на высоких каблуках и короткая шелковая пелерина, небрежно накинутая на плечи, довершали внешний вид Гризельды Олдбок.

Ее племянница, которую Ловел мельком видел во время своего первого посещения, была миловидная молодая девушка, изящно одетая по моде того времени. В ней можно было заметить налет *espièglerie*⁶⁵, который очень ей шел и, вероятно, происходил от едкого юмора, свойственного семье ее дяди, хотя и смягченного в следующем поколении.

Мистер Ловел засвидетельствовал свое почтение обеим дамам, на что старшая из них ответила продолжительным – по моде 1760 года – приседанием, заимствованным от тех добродетельных времен,

...когда пред трапезой, как издавна,
Молитву добрых полчаса читали
И в пятницу съедали каплуна,

а младшая – современным реверансом, который, как и предобеденная молитва современного духовного лица, был гораздо короче.

Пока шел этот обмен приветствиями, у садовой калитки показался, ведя под руку свою прелестную дочь, сэр Артур. Он отпустил коляску и теперь тоже по всем правилам поздоровался с обеими дамами.

– Сэр Артур и вы, мой прелестный враг, – сказал антикварий, – позвольте познакомить вас с моим молодым другом, мистером Ловелом, джентльменом, который во время эпидемии краснухи⁶⁶, охватившей теперь наш остров, настолько сохраняет свое достоинство и приличие, что явился в сюртуке обычного штатского цвета. Но вы видите, что тот модный цвет, которого мы не находим в его одежде, сосредоточился на его щеках. Сэр Артур, позвольте представить вам молодого человека, которого вы при ближайшем знакомстве найдете серьезным, разумным, обходительным и ученым, много выдавшим, очень начитанным и глубоко сведущим в тайнах кулис и сцены со времен от Дэви Линдсея до Дибдина... Вот он опять покраснел, а это признак скромности.

– У моего брата, – обратилась к Ловелу мисс Гризельда, – привычка, сэр, выражаться шутливо. На слова Монкбарнса никто не обижается, поэтому не смущайтесь глупостями, которые он говорит. Однако вам пришлось далеко идти под палящим солнцем. Не хотите ли чего-нибудь выпить? Стаканчик бальзаминовой настойки?

Прежде чем Ловел успел ответить, вмешался антикварий:

– Прочь, колдунья! Ты хочешь отравить своими дьявольскими декоктами моих гостей? Разве ты не помнишь, что было с пастором, которого ты соблазнила отведать этого предательского напитка?

ном английском языке – синоним шумной и сварливой женщины.

⁶⁵ Шаловливости (*фр.*).

⁶⁶ Намек на красный цвет мундиров английских солдат и на военный психоз в связи со слухами об угрозе высадки в Англии французского десанта.

Мэри Мак-Интайр и мисс Гризельда Олдбок

– Фу, братец!.. Слыхали ли вы, сэр Артур, что-либо подобное? Ему надо все делать по-своему, и чуть что – он выдумывает такие истории... Но вот Дженни идет звонить в старый колокол, чтобы сообщить, что обед готов.

Непреклонный в своей бережливости, мистер Олдбок не держал мужской прислуги. При этом он прикрывался утверждением, что мужской пол слишком благороден, чтобы использовать его для прислуживания, которое в древних государствах всегда возлагалось на женщин.

– Почему, – говорил он, – мальчишка Тэм Ринтерут, которого, по настоянию моей мудрой сестры, я с не меньшей мудростью взял на испытание, почему он воровал яблоки, грабил птичьи гнезда, бил стаканы и, наконец, украл мои очки, как не потому, что испытывал благородную жажду деятельности, которая наполняет грудь каждого представителя мужского пола,

которая привела его во Фландрию с мушкетом на плече и, несомненно, возвысит его до славного звания носителя алебарды или, быть может, до виселицы? И почему девушка, его родная сестра, Дженни Ринтерут, выполняя то же дело, ходит – обутая или босая – уверенным и бесшумным шагом, мягким, как шаг кошки, а сама послушна, как спаниель? Почему это так? Да именно потому, что она занята своим делом. Пусть они прислуживают нам, сэр Артур, – пусть, повторяю, прислуживают, – это единственное, на что они годны. Все древние законодатели, от Ликурга до Мохаммеда, неправильно называемого Магометом, единодушно говорят о подobaющей женщинам подчиненной роли, и только сумасбродные головы наших рыцарственных предков вознесли этих Дульсиной до положения самовластных принцесс.

Мисс Уордор громко запротестовала против подобной малоучливой доктрины, но в это время прозвонил обеденный колокол.

– Разрешите мне выполнить долг вежливости перед такой прекрасной противницей, – сказал старый джентльмен, предлагая госте руку. – Мне помнится, мисс Уордор, что Мохаммед (вульгарно – Магомет) не мог решить, как созывать мусульман на молитву. Он отверг колокола, ибо их употребляли христиане, трубы – потому что ими пользовались огнепоклонники, и, наконец, избрал человеческий голос. У меня были такие же сомнения относительно сигнала к обеду. Употребляемые в настоящее время гонги казались мне неприятной новомодной выдумкой, а женский голос я отверг, как нечто столь же резкое и неблагозвучное. Поэтому, в отличие от Мохаммеда, или Магомета, я вернулся к колоколу. Он особенно уместен здесь, так как служил обычным средством для созыва монахов в трапезную. Кроме того, он имеет то преимущество перед гортанью Дженни, премьер-министра моей сестры, что, менее громкий и пронзительный, он перестает звучать, как только вы отпустите веревку, тогда как мы по личному печальному опыту знаем, что всякая попытка утихомирить Дженни лишь пробуждает сочувственный аккомпанемент голосов мисс Олтбок и Мэри Мак-Интайр.

Разглагольствуя таким образом, он привел гостей в столовую, которой Ловел еще не видел. Она была отделана деревянными панелями и украшена несколькими любопытными картинами. За столом прислуживала Дженни, а у буфета стояла старая управительница, нечто вроде дворецкого женского пола, и терпеливо переносила упреки мистера Олтбока и намеки его сестры, менее заметные, но не менее язвительные.

Обед был такой, какой мог быть по нраву завязанному антикварию, и включал много вкусных изделий шотландской кухни, теперь не употребляемых в домах, претендующих на элегантность. Тут был чудесный белый баклан, который так сильно пахнет, что его никогда не готовят в закрытом помещении. На сей раз он был недожарен и сочился кровью, так что Олтбок полусхоту пригрозил запустить жирной морской птицей в голову небрежной экономке, которая выступала в роли жрицы, принесшей эту пахучую жертву. К счастью, ей чрезвычайно удалось овощное рагу, единодушно объявленное неподражаемым.

– Я знал, что тут мы будем иметь успех, – восторженно произнес Олтбок, – потому что Дэви Диббл, наш садовник (старый холостяк, как и я), следит за тем, чтобы негодницы не осыпали наших овощей. А вот рыба с соусом и фаршированные головы камбалы! Должен признаться, тут наши женщины особо отличаются: они имеют удовольствие по два раза в неделю не меньше часа воевать со старой Мегги Маклбеккит, нашей поставщицей рыбы. Пирог с курятиной, мистер Ловел, сделан по рецепту, завещанному мне блаженной памяти покойной бабушкой. А отведав стаканчик вина, вы найдете его достойным приверженца правил короля Альфонса Кастильского: жечь старые дрова, читать старые книги, пить старое вино и беседовать со старыми друзьями, сэр Артур, и... да, мистер Ловел... и новыми друзьями тоже!

– А какие новости вы привезли нам из Эдинбурга, Монкбарнс? – спросил сэр Артур. – Как дела в этой старой копилке?

– Все с ума сошли, сэр Артур, спятили так безнадежно, что не поможет ни купание в море, ни бритье головы, ни угощение настоем черемиды. Худший вид бешенства – военное неистовство – овладел и взрослыми и даже детьми.

– А мне кажется, давно пора, – сказала мисс Уордор, – если нам угрожает нашествие извне и восстание внутри страны!⁶⁷

– Ну, я не сомневался, что вы присоединитесь к алой орде против меня. На женщин, как на индюков, неотразимо действует красная тряпка. Но что говорит сэр Артур, которому снятся вражеские армии и засилье немцев?

– Я скажу вот что, мистер Олброк, – ответил баронет. – Насколько я способен судить, нам необходимо сопротивляться *cum toto corpore regni*⁶⁸, как говорится, если я еще не совсем забыл латынь, сопротивляться врагу, который хочет навязать нам вигский образ правления, республиканский строй и которого поддерживают и подстрекают фанатики самого вредного рода, сидящие у нас в печенках. Смею вас уверить, я уже принял меры, подобающие моему положению: я велел констеблям забрать этого отвратительного нищего старика Эди Охилтри, сеющего повсюду недовольство церковью и государством. Он открыто сказал старому Кексону, что под капюшоном Уилли Хови кроется больше здравого смысла, чем под всеми тремя париками в приходе. Мне кажется, этот намек понять не трудно. Но мы еще научим старого прохвоста лучшим манерам.

– Ну нет, дорогой сэр, – воскликнула мисс Уордор, – не трогайте старого Эди, которого мы так давно знаем! Я не похваляю того констебля, который выполнит подобный приказ.

– Нет, посмотрите, – вмешался антикварий. – Вы, заядлый тори, сэр Артур, взрастили такой чудесный вигский отпрыск на своей груди! Что ж, мисс Уордор способна одна возглавить квартальный съезд мировых судей... Нет, почему – квартальный? – годовой съезд, весь верховный гражданский суд! Это Боадицея, это амазонка, это Зеновия!

– И все же, при всей моей храбрости, мистер Олброк, я рада слышать, что наш народ берется за оружие.

– Берется за оружие, о боже! Читали ли вы когда-нибудь историю сестры Маргариты, вышедшую из головы, теперь уже старой и несколько поседелой, но таящей в себе больше ума и политической мудрости, чем в наши дни можно найти в целом синклите? Помните ли вы в этом превосходном произведении сон кормилицы, который она с таким ужасом рассказывает Габлу-Баблу? Ей снилось, что, как только она брала в руки кусок сукна, он – трах! – выпаливал, как огромная чугунная пушка, а когда она хотела взять катушку ниток, та подскакивала и нацеливалась ей в лицо, как пистолет. Картины, виденные мною самим в Эдинбурге, были такого же рода. Я зашел посоветоваться к своему адвокату, но застал его одетым в драгунскую форму с туго затянутым поясом и в каске; он готов был вскочить на коня, которого его писец (одетый стрелком) прохаживал перед дверью. Я пошел выругать моего ходатая по делам, пославшего меня за советом к сумасшедшему. И что же? Он воткнул перо в шляпу, вместо того чтобы водить им по бумаге, как в более разумное время, и изображал собой артиллерийского офицера. У моего галантерейщика оказался в руке тесак, словно он собирался отмеривать ткани им, а не положенным по закону ярдом. Счетовод банкира, получив распоряжение

⁶⁷ В конце XVIII в. в Англии и Шотландии начали распространяться слухи о предстоящем вторжении французов; повсюду стали формироваться полки добровольцев (в один из таких отрядов вступил и Вальтер Скотт); угроза высадки французов возникла несколько позднее, в 1803–1805 гг., когда Наполеон I сосредоточил на севере Франции значительные силы и средства для организации десанта. В конце XVIII в. демократические слои населения, сочувствуя идеям французской революции, вели борьбу за парламентскую реформу; повсюду происходили бурные демонстрации; росло рабочее движение в стране, создавались рабочие союзы (трэд-юнионы), происходили волнения в армии; в 1797 г. восстал почти весь находившийся в отечественных водах флот; в 1796 г. вспыхнуло и было жестоко подавлено восстание в Ирландии. В Англии складывалась революционная ситуация. Слова мисс Уордор отражают настроение имущих классов Англии в то время.

⁶⁸ Всеми силами государства (*лат.*).

вывести сальдо моего счета, три раза ошибался: его сбивал строевой расчет, который он производит во время утреннего воинского ученья. Захворав, я послал за хирургом...

Стук сабли возвестил его приход.
Глаза холодной доблестью блистали,
И я не знал, увидев столько стали,
Лечить меня он будет иль убьет.

Я обратился к другому врачу. Но он тоже готовился к убийствам в гораздо более широких масштабах, чем это когда-либо признавалось правом его профессии. А теперь, возвратившись сюда, я вижу, что и наши высокоумные фейрпортские соседи заразились тем же доблестным духом. Я ненавижу ружье, как раненая дикая утка, и не терплю барабана, как квакер. А тут на общинном выгоне гремят и грохочут, и каждый залп и раскат – это удар мне в сердце.

– Дорогой брат, не говори так о джентльменах-волонтерах. Смею сказать, у них очень красивая форма. А на прошлой неделе, я хорошо знаю, они два раза промокли до нитки. Я встретила их, когда они шагали такие пришибленные, и многие очень кашляли. Я думаю, они терпят столько, что мы должны быть им благодарны.

– А я смею сказать, – заметила мисс Мак-Интайр, – что дядя пожертвовал двенадцать гиней на их снаряжение.

– Я дал их на покупку лакрицы и леденцов, – объяснил циник, – чтобы поощрить местную торговлю и освежить глотки офицеров, докричавшихся до хрипоты на службе отечеству.

– Берегитесь, Монкбарнс! Мы скоро причислим вас к мятежникам!

– Нет, сэр Артур, я кроткий ворчун. Я только сохраняю за собой право квакать здесь, в своем углу, и не присоединяю своего голоса к хору великого болота. *Ni quito Rey, ni pongo Rey*. Я не прочу королей и не порочу королей, – как говорит Санчо, – но от всего сердца молюсь за нашего государя, несу общее бремя налогов и ворчу на акцизного чиновника. А вот, кстати, и овечий сыр! Он более содействует пищеварению, чем политика.

Когда обед кончился и на стол были поставлены графины, мистер Олдбок поднял бокал за здоровье короля. Этот тост охотно поддержали как Ловел, так и баронет. Якобитские симпатии последнего давно успели стать всего лишь неким отвлеченным представлением, тенью тени.

После того как дамы покинули столовую, лэрд и сэр Артур углубились в самые занимательные споры, в которых более молодой гость – из-за недостатка ли необходимой глубокой эрудиции или по иной причине – принимал очень мало участия, пока не был внезапно вырван из глубокой задумчивости неожиданной просьбой высказать свое мнение:

– Я приму то, что скажет мистер Ловел. Он родился на севере Англии и может знать точное место.

Сэр Артур высказал сомнение в том, чтобы столь молодой человек обращал внимание на подобные вещи.

– Я имею основания держаться противоположного мнения, – сказал Олдбок. – Как вы смотрите, мистер Ловел? Высказаться – для вас вопрос чести!

Ловел вынужден был признаться, что попал в смешное положение человека, не знающего предмета спора, который занимал собеседников уже около часа.

– Господи, да он витает в облаках! Что было бы, если бы мы впустили сюда женщин? Тогда мы еще шесть часов не услышали бы от этого молодца разумного слова. Так вот, юноша, жил некогда народ, который назывался пики...

– Правильнее – пикты, – перебил баронет.

– Или еще *picar, pihar, piochta, piaghter* или *peughtar*, – закричал Олдбок. – И говорили они на одном из готских диалектов...

- На чистейшем кельтском! – решительно возразил баронет.
- На готском, хоть убейте, на готском, – столь же решительно настаивал сквайр.
- Позвольте, джентльмены, – промолвил Ловел. – Насколько я понимаю, ваш спор легко могут разрешить филологи, если уцелели какие-нибудь остатки языка.
- Сохранилось одно лишь слово, – сказал баронет, – но оно, вопреки упрямству мистера Олдбока, решает вопрос.

– Я ненавижу ружье, как раненая дикая утка

- Да, в мою пользу, – заявил Олдбок. – Посудите сами, мистер Ловел. Кстати, и такой ученый, как Пинкертон, на моей стороне.
- А на моей – такой эрудит, как неутомимый Чалмерс.
- Мое мнение разделяет Гордон.
- А мое – сэр Роберт Сибболд.

- За меня Иннз! – выкрикнул Олдбок.
- У Ритсона нет никаких сомнений! – завопил баронет.
- Послушайте, джентльмены, – сказал Ловел, – прежде чем делать смотр своим силам и ошеломлять меня авторитетами, вы бы сообщили мне спорное слово.
- Benval, – в один голос объявили спорщики.
- Что означает caput valli, – пояснил сэр Артур.
- Верх вала, – как эхо, повторил Олдбок.
- Воцарилось глубокое молчание.
- Это довольно узкий фундамент, чтобы возводить на нем какую-либо гипотезу, – заметил арбитр.
- Ничуть, ничуть, – возразил Олдбок. – Люди лучше всего дерутся на тесной площадке. Чтобы нанести смертельный удар, не нужно миль: достаточно одного дюйма.
- Слово, безусловно, кельтское, – сказал баронет. – Название любого холма в горной Шотландии начинается на Ben.
- А что вы скажете насчет val, сэр Артур? Разве может быть сомнение в том, что это саксонское wall?⁶⁹
- Это римское vallum⁷⁰, – стоял на своем сэр Артур. – У пиктов эта часть слова заимствованная.
- Ничего подобного. Если они что-нибудь и позаимствовали, так именно ваше ben. Они могли перенять его у своих соседей бриттов в долине Стрэт Клайд.
- У пиков, или пиктов, – сказал Ловел, – был, по-видимому, исключительно бедный диалект, если в единственном дошедшем до нас слове, да притом всего двухсложном, им, как это признано, пришлось сделать заимствование из другого языка. И мне кажется, джентльмены, – при полном к вам уважении, – что ваш спор немного похож на спор двух рыцарей, сражавшихся из-за щита, белого с одной стороны и черного с другой. Каждый из вас держится за половинку слова и как будто отвергает другую. Но что меня поражает больше всего, так это бедность языка, оставившего после себя такие ничтожные следы.
- Вы ошибаетесь, – сказал сэр Артур. – Язык у пиктов был богатый, и они были могучим народом. Они построили две колокольни: одну в Брехине, другую – в Эбернети. Пиктских девиц королевской крови помещали в Эдинбургский замок, откуда его название Castrum Puellarum⁷¹.
- Детские сказки, – заметил Олдбок. – Все это придумано, чтобы польстить тщеславию женщин. Замок называли «девичьим», quasi lusus a non lucendo⁷², потому что он был неприступен, чего ни про одну женщину сказать нельзя.
- Существует достаточно достоверный перечень пиктских королей, – настаивал сэр Артур, – от Крентеминахкрайма (дата его правления точно не известна) и до Драстерстоуна, с чьей смертью окончилась династия. У половины из них имена, как у кельтов, образованы от имени отца. Приставка «Мак» id est filius⁷³. Что вы скажете на это, мистер Олдбок? Мы знаем Драста Мак-Морахина, Трайнела Мак-Лахлина (насколько можно судить – первого из этого древнего клана) и Гормаха Мак-Доналда, Элпина Мак-Метегуса, Драста Мак-Теллергема (тут баронету помешал приступ кашля), – кхе, кхе, кхе, Голарджа Мак-Хена... кхе, кхе... Мак-Хенена... кхе... Мак-Хененейла, Кеннета... кхе, кхе... Мак-Фередита, Эхена Мак-Фунгуса и

⁶⁹ Стена, вал (англ.).

⁷⁰ Вал (лат.).

⁷¹ Крепость дев (лат.).

⁷² Почти лес, который назван так, потому что темен, – фраза, ставшая синонимом ложной этимологии: lusus – лес, роща – по форме совпадает с lusus – свет, откуда глагол luscere – светить (лат.).

⁷³ Означает «сын» (лат.).

двадцать других, несомненно кельтских, имен, которые я мог бы перечислить, если бы не этот злосчастный кашель.

– Возьмите стакан вина, сэр Артур, и запейте все эти нанизанные, как четки, имена нехристей, которыми подавился бы сам дьявол. Кстати, тот малый, которого вы назвали напоследок, только один и носит вразумительное имя. Впрочем, все они как один из племени Мак-Фунгуса: никому не известные венценосцы, порожденные угаром самомнения, безумия и лжи-вости, высыпавшие, как грибы, в мозгу какого-нибудь сумасшедшего горного барда.

– Я удивлен, что вы так говорите, мистер Олдбок. Ведь вы знаете или должны бы знать, что перечень этих властителей выписан Генри Моулом оф Мелгам из хроник Лох Левена и Сент-Эндрю и опубликован им в краткой, но неплохой «Истории пиктов». Она была напечатана Робертом Фриберном в Эдинбурге и в тысяча семьсот пятом или шестом году от рождения Христова – я точно не помню – продавалась в его лавке у ограды парламента. У меня дома есть экземпляр; это моя самая ценная книга – после «Шотландских актов» в двенадцатую долю листа – и она отлично выглядит на полке рядом с той. Ну, что вы скажете на это, мистер Олдбок?

– Что я скажу? Да чихать я хотел на Гарри Моула и его «Историю», – ответил Олдбок, – и тем самым я удовлетворяю его просьбу оказать этому произведению прием в соответствии с его достоинствами.

– Не смейтесь над человеком, стоявшим выше вас! – неодобрительно заметил сэр Артур.

– Я не вижу, чтобы согрешил в этом, смеясь над ним и над его «Историей».

– Генри Моул оф Мелгам был джентльмен, мистер Олдбок!

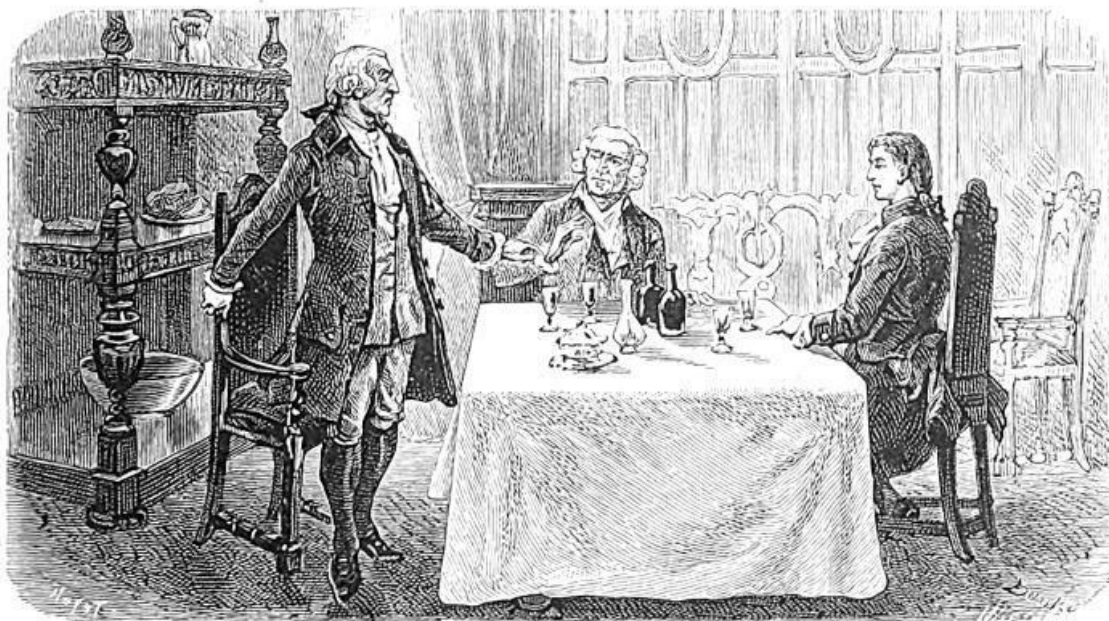
– Не нахожу, чтобы он имел и это преимущество предо мной! – довольно резко возразил антикварий.

– Простите, мистер Олдбок, но он был джентльмен из знатного, древнего рода, и поэтому...

– ...потомок вестфальского печатника должен говорить о нем с почтением? Вы можете придерживаться такого мнения, сэр Артур, но я его не разделяю. Мне кажется, что мое происхождение от трудолюбивого и предприимчивого типографа Вольфбранда Олденбока, который в декабре тысяча четыреста девяносто третьего года, под покровительством (как указано в конце книги) Себалда Шейтера и Себастьяна Каммермейстера, закончил печатание знаменитой «Нюрнбергской хроники», – мне кажется, повторяю, что мое происхождение от этого великого восстановителя учености делает мне, литератору, больше чести, чем если бы я числил в своей генеалогии всех буйных, меднолобых, железнобоких средневековых баронов со времен Крентеминахкрайма, ни один из которых, как я полагаю, не мог подписать своего имени.

– Если это замечание мыслится как насмешка над моими предками, – сказал баронет с осанкой, выражавшей сознание своего превосходства и самообладания, – то имею удовольствие осведомить вас, что имя моего предка, Гамелина де Гардова Майлза, четко написано его рукой под самым ранним экземпляром Рэгменского трактата.

– А это лишь показывает, что он одним из первых показал гнусный пример подчинения Эдуарду Первому. Можете ли вы говорить о незапятнанной верности вашей семьи, сэр Артур, после такого отступничества?

– Довольно, сэр!

– Довольно, сэр! – воскликнул сэр Артур, яростно вскакивая и отталкивая от себя стул. – После этого я не стану оказывать моим обществом честь человеку, который платит мне такой неблагодарностью за мое снисхождение.

– Тут вы можете поступить, как вам будет угодно, сэр Артур. Надеюсь, что меня, не знавшего размера той любезности, которую вы оказали мне посещением моего бедного жилища, можно простить, если я не довел свою благодарность до раболепия.

– Очень хорошо... очень хорошо, мистер Олдобок! Будьте здоровы! Мистер... э... Шовел, желаю доброго здоровья!

Негодующий сэр Артур кинулся из комнаты, как если бы дух всего Круглого Стола воспламенял его грудь, и большими шагами помчался по лабиринту переходов, ведущих в гостиную.

– Видали вы такого спесивого старого осла? – лаконично обратился Олдобок к Ловелу. – Но я не могу допустить, чтобы он ушел в таком разъяренном состоянии.

С этими словами он поспешил вслед удалявшемуся баронету, определяя его путь по хлоппанью многочисленных дверей, которые тот открывал в поисках комнаты, где пили чай, и с силой захлопывал за собой при каждом очередном разочаровании.

– Вы наделаете себе бед! – орал антикварий. – *Qui ambulat in tenebris, nescit quo vadit*⁷⁴. Вы свалитесь с черной лестницы!

Сэр Артур теперь заблудился в темноте, успокоительное действие которой известно нянькам и гувернанткам, имеющим дело с капризными детьми. Мрак если и не умиротворил его возмущения, то, во всяком случае, замедлил его шаги и дал возможность мистеру Олдобку, лучше знакомому с *locale*⁷⁵, догнать его, когда он уже взялся за ручку двери гостиной.

– Подождите минутку, сэр Артур, – сказал Олдобок, не давая ему слишком внезапно появиться перед дамами, – не торопитесь так, мой славный старый друг! Я был немного груб, говоря о сэре Гамелине... А ведь это мой давнишний знакомый и любимый персонаж... он же водил компанию с Брюсом и Уоллесом... И я клянусь на первопечатной Библии, что он поставил свое имя под Рэгменским трактатом лишь с законным и оправданным намерением обм-

⁷⁴ Кто ходит в темноте, не знает, куда идет (*лат.*).

⁷⁵ Местом (*лат.*).

нута предателей-южан. Это была настоящая шотландская хитрость, мой дорогой баронет, – сотни людей делали то же самое. Не надо, не надо сердиться! Забудьте и простите. Признайте, что мы с вами дали молодому гостю право считать нас двумя вспылчивыми старыми дураками.

– Говорите за себя, мистер Джонатан Олдбок, – весьма величественно произнес сэр Артур.

– Ну что ж, ну что ж, упрямый человек всегда поставит на своем!

Тут дверь наконец отворилась, и в гостиную шагнула высокая и тощая фигура сэра Артура, за которым следовали Ловел и мистер Олдбок. Вид у всех троих был несколько раскатынный.

– Я поджидая вас, сэр, – сказала мисс Уорддор. – Вечер, прекрасный, и я бы хотела предложить пройти пешком навстречу коляске.

Сэр Артур сейчас же согласился с этим предложением, которое вполне соответствовало его сердитому настроению. Отказавшись, как это уже вошло в обычай в случаях разлада, от чая и кофе, он забрал свою дочь и после церемонного прощания с дамами и очень сухого – с Олдбоком, вышел.

– Мне кажется, что сэр Артур опять с левой ноги встал, – заметила мисс Олдбок.

– С левой ноги? С чертовой ноги!.. Он рассуждает глупее женщин. Что вы скажете, Ловел? Ба, молодчик тоже исчез!

– Он откланялся, дядя, в то время, как мисс Уорддор собиралась в дорогу; но вы, кажется, не заметили, как он вышел.

– Черт вселился в людей! Вот все, что получаешь, когда суетишься, и хлопчешь, и нарушаешь заведенный порядок, чтобы накормить гостей обедом, не говоря уж о добавочных расходах!

– О Сегед, царь Эфиопский! – продолжал он, взяв в одну руку чашку чая, а в другую – том «Любителя всякой всячины», ибо у него была привычка читать за едой в присутствии сестры. Это, с одной стороны, выражало его презрение к обществу женщин, а с другой – его стремление не терять ни минуты, когда можно было чему-нибудь поучиться. – О Сегед, царь Эфиопский! Хорошо ты сказал: «Пусть никто не осмеливается утверждать, что сегодняшний день будет днем счастья!»

Олдбок почти час оставался углубленным в чтение, и дамы старались не мешать ему, в полном молчании занимаясь своими женскими делами. Наконец послышался тихий и скромный стук в дверь.

– Это ты, Кексон? Входи, входи, любезный!

Старик отворил дверь и, просунув в нее худое лицо, окаймленное жидкими седыми бровями, и один рукав белой куртки, начал приглушенно и таинственно:

– Я хотел поговорить с вами, сэр!

– Входи же, старый дурень, и говори, что тебе надо.

– Как бы мне не испугать леди, – произнес экс-парикмахер.

– Испугать! – повторил за ним антикварий. – Что это значит? При чем тут леди? Ты опять видел привидение на Хамлокском холме?

– Нет, сэр, на этот раз речь идет не о привидениях, но у меня тяжело на душе.

– А ты слыхивал о таких, у кого легко? – отозвался Олдбок. – Почему у такой старой, облезлой пуховки должно быть легко на душе, когда у всех на свете тяжело?

– Я не о себе, сэр. Но только ночь грозит страшная, а сэр Артур и мисс Уорддор, бедняжка...

– Да что ты! Они должны были где-нибудь в конце поля встретить экипаж и, наверно, уже дома.

– Нет, сэр. Они пошли не полем навстречу коляске, а вкруговую, через пески.

Эти слова действовали на Олдбока, как электрический разряд.

– Через пески? – воскликнул он. – Не может быть!

– Вот-вот, сэр! И я то же самое сказал садовнику. А он говорит, что видел, как они свернули возле утеса Масселкрейг, честное слово! А я ему: «Ну, раз так, Дэви, я побаиваюсь...»

– Календарь, календарь! – закричал Олдбок, вскакивая в большой тревоге. – Не эту чепуху! – отбросил он в сторону предложенный ему племянницей маленький карманный календарь. – Боже мой! Бедная мисс Изабелла! Сию минуту найдите мне фейрпортский справочник. – Календарь был принесен, и содержащиеся в нем сведения еще более усилили волнение мистера Олдбока. – Я пойду сам! Позови садовника и работника, Кексон. Пусть несут веревки и лестницы. Скажи обоим, чтоб на пути звали еще людей на помощь. Доберитесь до вершины утеса и кричите им оттуда вниз!

– В чем дело? – недоумевали мисс Олдбок и мисс Мак-Интайр.

– Прилив! Прилив! – ответил им крайне взволнованный антикварий.

– Не надо ли, чтобы Дженни?.. Впрочем, нет, я побегу сама, – сказала младшая из дам, заражаясь ужасом дяди. – Я побегу к Сондерсу Маклбеккиту и скажу, чтобы он выехал в лодке.

– Спасибо, дорогая! Это самое умное из всего, что здесь было сказано. Беги, беги! Подумать только – пойти через пески! – Олдбок схватил шляпу и палку. Слыхано ли такое безумие!

Глава VII

*...открылся вид приятный
Пустыни вод, могучей, необъятной,
Отходит море. Вдаль волна ползет,
И быстро берег ширится. Но вот
Помчались воды вспять. На берегу же
Сухая полоса, что миг, то уже.*

Крабб

Сообщение Дэви Диббла, посеявшее такую тревогу в Монкбарнсе, оказалось совершенно верным. Сэр Артур и его дочь, согласно своему первоначальному намерению, отправились в Нокуиннок полевой тропинкой. Но когда они достигли конца поля, где тропинка сливалась с более широким проселком, одним концом выходившим к дому Монкбарнса, они заметили несколько впереди Ловела, который, казалось, медлил, чтобы как бы невзначай присоединиться к ним. Мисс Уорддор тотчас же предложила отцу свернуть в сторону и, так как погода прекрасная, пойти домой по песчаному берегу, который тянулся вдоль подножия живописной гряды скал. Почти всегда это был более приятный путь между Нокуинноком и Монкбарнсом, чем верхняя дорога.

Сэр Артур охотно согласился.

— Я вовсе не хотел бы, чтобы с нами шел этот молодчик, которого мистер Олдбок позволил себе нам представить.

В старомодной вежливости баронета совсем не было непринужденности наших дней, допускающей, чтобы мы «перестали замечать» лицо, с которым общались всего неделю, как только решим, что в сложившейся ситуации нам неприятно узнавать его. Сэр Артур лишь нашел нужным нанять за вознаграждение в одно пенни оборванного мальчугана, чтобы тот побежал навстречу экипажу и велел кучеру возвращаться в Нокуиннок.

Когда это было сделано и посланец отправлен, баронет и его дочь покинули проезжую дорогу и по тропинке, выходящей меж песчаных холмов, местами поросших дроком и высокой травой, называемой полевицей, вскоре достигли берега моря. Отлив не отошел так далеко, как они рассчитывали. Но это не встревожило их. В редком году выпадало десять дней, когда бы прилив подходил к утесам настолько близко, чтобы не оставалось сухого прохода. Все же в периоды больших приливов, совпадавших с полнолуниями и новолуниями, и тогда, когда

обыкновенный прилив подхлестывался сильным ветром, море полностью заливало эту дорогу. Сохранились воспоминания о нескольких несчастных случаях, происшедших при таких условиях. Но такую опасность считали отдаленной и маловероятной. Она скорее служила, наряду с другими преданиями, темой для занимательных бесед у сельских очагов, чем предостережением людям, ходившим через пески из Нокуиннока в Монкбарнс или обратно.

Сэр Артур и мисс Уордор шли вперед, наслаждаясь ходьбой по прохладному, влажному и плотному песку, и девушка не могла не заметить, что последний прилив поднялся значительно выше обычной отметки. Сэр Артур сделал такое же наблюдение, но ни мисс Уордор, ни ее отца это обстоятельство не смутило. Огромный солнечный диск к этому времени коснулся края спокойного моря и позолотил нагроможденные облака, за которые солнце порою пряталось днем и которые теперь собирались со всех сторон, как беды и несчастья вокруг погибающей империи или пошатнувшегося трона. Все же пышный блеск умирающего солнца придавал мрачное величие гигантскому скоплению облаков, воздвигая из их угрюмых призрачных масс пирамиды и башни, здесь тронутые позолотой, там – пурпуром или густым и темным багрянцем. Отдаленное море, простертое под этим великолепным меняющимся пологом, покоилось в зловещей тишине, отражая ослепительные горизонтальные лучи заходящего светила и роскошную окраску облаков, в которые оно садилось. Ближе к береговым скалам сверкающие мелкие волны прилива неслышно, но быстро заливали песок.

Охваченная восхищением перед этой романтической картиной, а может быть, занятая какой-либо более волнующей темой, мисс Уордор молча шла рядом с отцом, чье недавно оскорбленное достоинство не позволяло ему начать разговор. Следуя за изгибами пляжа, они миновали один за другим несколько выступавших утесов или скалистых мысов и теперь находились под огромной и сплошной отвесной стеной, какими во многих местах защищен этот закованный в каменную броню берег. Длинные надводные рифы, продолжаясь под водой и обнаруживая свое существование лишь там и сям совершенно голым торчащим зубом или бурунами, пенящимися над не совсем покрытыми водой камнями, делали Нокуиннокскую бухту местом, которого страшились штурманы и судовладельцы. В расселинах утесов, возвышавшихся между пляжем и горной равниной на высоте двухсот или трехсот футов, находило пристанище несметное множество морских птиц, ютившихся на головокружительной высоте, где они были недоступны хищным вожделениям человека. Многие из этих диких стай в силу инстинкта, заставляющего их перед началом шторма лететь на сушу, теперь с резкими разноголосыми криками, свидетельствовавшими о беспокойстве и страхе, устремлялись к своим гнездам. Диск солнца затмился, прежде чем весь ушел за горизонт, и ранняя мертвенная мгла омрачила ясные сумерки летнего вечера. Затем поднялся ветер. Но его яростные и жалобные стоны были слышны, а удары – видны на поверхности моря несколько раньше, чем буря дала себя почувствовать на земле. Масса вод, теперь темная и грозная, заволновалась, поднимаясь все более высокими хребтами, опускаясь все более глубокими ложбинами и образуя валы, которые, пенясь, высоко взлетали над рифами или обрушивались на берег с шумом, напоминавшим отдаленный гром.

В испуге от этой внезапной перемены погоды мисс Уордор теснее прижалась к отцу и крепко ухватила за его руку.

– Я жалею, – наконец промолвила она почти шепотом, словно стыдясь высказать свои возраставшие опасения, – я жалею, что мы не пошли дальше по дороге, как хотели, или не дождались в Монкбарнсе коляски.

Сэр Артур огляделся, но не увидел признаков близкого шторма или не пожелал в том признаться. Они дойдут до Нокуиннока, сказал он, задолго до того, как разразится буря. Однако он пошел так быстро, что Изабелла едва поспевала за ним, и это показывало, что он считает необходимым приложить некоторые усилия, чтобы оправдать успокоительное предсказание.

Теперь они были у середины глубоко врезавшейся в сушу, но узкой бухты, образованной двумя высокими и неприступными скалистыми мысами, которые выдавались в море подобно рогам полумесяца. Отец и дочь молчали, не решаясь высказать зародившееся у обоих опасение, что при таком необычайно быстром наступлении прилива им не удастся ни обогнуть мыс, лежавший перед ними, ни возвратиться по дороге, приведшей их сюда.

В то время как они спешили вперед и, несомненно, предпочли бы плавной дуге, по которой заставлял их идти изгиб бухты, более прямой и короткий, хотя бы и менее живописный путь, сэр Артур заметил на берегу человеческую фигуру, двигавшуюся им навстречу.

– Слава богу! Мы успеем обогнуть Хелкит-хед. – Этот человек должен был там пройти, – воскликнул баронет, давая таким образом выход чувству надежды, хотя ему и удалось раньше подавить в себе чувство страха.

– Да, слава богу! – чуть слышно с искренней благодарностью повторила за ним дочь.

Двигавшаяся им навстречу фигура все время подавала какие-то знаки, но отец и дочь не могли хорошо разглядеть и понять их из-за окружавшей мглы и мелкого, подгоняемого ветром дождя. Еще до того, как они сошлись, сэр Артур узнал старого нищего Эди Охилтри в его обычном голубом плаще. Говорят, что даже существа животного мира перед лицом внезапной общей опасности временно забывают свою неприязнь и вражду. Берег под Хелкит-хедом, быстро сужавшийся под натиском большого прилива, который еще усиливался северо-западным ветром, был как бы нейтральной территорией, где даже мировой судья и бродяга-нищий могли встретиться на условиях обоюдной сдержанности.

– Поворачивайте назад! Назад! – закричал бродяга. – Почему вы не повернули, когда я махал вам?

– Мы думали, – в большом волнении ответил сэр Артур, – что успеем обогнуть Хелкит-хед.

– Хелкит-хед! Прилив сейчас хлынет на Хелкит-хед, как Файерский водопад! Я сам едва прошел там двадцать минут назад. Вода была в трех футах от меня. Может, мы еще доберемся назад мимо мыса Бэллибург. Помогите нам, Господи, это наше единственное спасение! Надо попытаться.

– О боже, дитя мое!

– Отец, дорогой отец! – одновременно воскликнули отец и дочь.

Страх придал им силы, и они быстро пошли обратно, стремясь обогнуть мыс, выступавший в море на южном конце бухты.

– Я узнал про вас от мальчишки, которого вы посылали встретить коляску, – сказал нищий, бодро шагая немного позади мисс Уордор, – и мне невольно было думать, что милая молодая леди в такой опасности. Она так добра ко всем беднякам. Поглядел я, как поднимается прилив, – ну, думаю, успею, пожалуй, их остеречь, и мы еще благополучно выберемся. Только навряд ли, навряд ли! Я ошибся. Видано ли, чтоб прилив так бешено мчался на берег? Поглядите туда вон, в сторону Рэттонского камня. Его всегда было видно, а теперь вода и его покрыла.

Сэр Артур взглянул туда, куда указывал старик. Огромная скала, похожая на киль крупного судна, теперь вся была под водой, и место, где она стояла, можно было угадать только по кипению и брызгам водоворотов там, где волны наталкивались на ее невидимое сопротивление.

– Торопись, торопись, красавица! – продолжал старик. – Торопись, может еще успеем! Держись за мою руку. Теперь это старая и слабая рука, но она не плошала ни в каких переделках. Держись за мою руку, милая барышня! Видишь вон там черное пятнышко среди ревущих волн? Еще утром этот утес был с мачту брига, а теперь вон какой махонький. Но пока от него видать хоть вот столько, хоть с донышко моей шляпы, я буду считать, что мы обогнем Бэллибург, хоть оно и трудновато.

Изабелла молча приняла от старика помощь, которую сэра Артур был менее способен ей оказать. Волны уже так далеко вторглись на пляж, что теперь путникам пришлось пробираться не по плотному и ровному песку, а по каменистой тропинке, которая шла у самого подножия скал, а кое-где даже поднималась на их нижние уступы. Ни сэру Артуру, ни его дочери ни в коем случае не удалось бы найти здесь дорогу среди этих уступов, если бы им не указывал ее и если бы их не подбадривал старый нищий, которому случалось и раньше бывать здесь при высокой воде, но только, по его признанию, «не в такой ужасный вечер».

– Поворачивайте назад! Назад!

А вечер был и в самом деле ужасный. Вой бури вместе с криками морских птиц звучал как панихида по трем обреченным созданиям, которым с двух сторон угрожали наиболее величественные и в то же время наиболее страшные проявления сил природы – бушующий прибой и непреодолимые скалы – и которые с трудом продвигались по трудному и опасному пути, где их часто захлестывали брызги огромных волн, все дальше и дальше бросавшихся на берег. С каждой минутой их враг заметно обгонял их! Все же, не желая отказаться от последней надежды на спасение, они устремляли взоры на черную скалу, указанную им Охилтри. Она все еще явственно выделялась среди бурунов и была видна, пока они на своем ненадежном пути не дошли до поворота, где выступ прибрежных утесов скрыл ее от глаз. Не видя больше

этого маяка, на который они полагались, путники теперь испытывали двойные муки ужаса и неизвестности. Тем не менее они шаг за шагом продвигались вперед, но когда достигли места, откуда должны были бы увидеть скалу, она уже исчезла. Символ их безопасности потерялся среди тысячи белых бурунов, которые, кидаясь на стрелку мыса, казались на его темном фоне гигантскими стенами белоснежной пены, по высоте не уступавшими мачтам первоклассного военного корабля.

Старик изменился в лице. Изабелла слегка вскрикнула.

– Смилуйся над нами, Господи! – торжественно произнес их проводник, и сэр Артур жалобно повторил за ним его слова.

– Дитя мое, дитя мое! Погибнуть такой смертью!

– Отец, дорогой мой отец! – воскликнула дочь, прижимаясь к нему. – И ты, Эди, тоже теряешь свою жизнь из-за того, что хотел спасти наши,

– Моя жизнь не в счет, – сказал старик. – Я так стар, что уже устал жить. А здесь или в канаве, в снежном сугробе или в утробе волны, не все ли равно, как умрет старый нищий?

– Добрый человек, – сказал сэр Артур, – не можешь ли ты что-нибудь придумать? Как-нибудь помочь? Я тебя озолочу... Я подарю тебе ферму... Я...

– Наши богатства скоро сравняются, – сказал нищий, глядя на бушующие волны. – Да они и так уже равны: у меня земли нет, а вы бы отдали свою, да и титул впридачу, за один квадратный ярд скалы, лишь бы в ближайшие двенадцать часов там было сухо.

В это время путники остановились на самом высоком уступе скалы, до какого только могли добраться, ибо казалось, что всякая дальнейшая попытка продвинуться вперед могла только ускорить их гибель. Здесь им и предстояло теперь ждать верного, хотя и медленного наступления разъяренной стихии. Их положение несколько напоминало положение мучеников ранней поры христианства, отданных языческими тиранами на растерзание диким зверям и вынужденных некоторое время созерцать нетерпение и ярость животных, ждущих, когда по сигналу откроют решетку и они ринутся на свои жертвы.

Но даже эта грозная передышка дала время Изабелле призвать на помощь весь свой ум, от природы сильный и смелый, и теперь воспрянувший в этот страшный миг.

– Неужели мы должны отдать жизнь без борьбы? – сказала она. – Нет ли тропинки, хотя бы самой опасной, по которой мы могли бы взобраться на скалы или по крайней мере подняться на такую высоту над приливом, где мы могли бы остаться до утра или пока не подоспеет помощь? О нашем положении, наверно, известно, и вся округа поднимется, чтобы нас спасти.

Сэр Артур, который расслышал, но едва ли понял вопрос дочери, все же инстинктивно и нетерпеливо повернулся к старику, словно их жизнь была в его руках. Охилтри помолчал.

– Когда-то я смело лазал по утесам, – сказал он, – и разорил немало гнезд чаек и кайр на здешних черных скалах. Но это было давным-давно, и ни одному человеку не взобраться наверх без веревки. Но даже будь у меня веревка, мои глаза, твердость шага и хватка уже не те, что прежде. А потом, как мне спасти вас? Правда, тут когда-то была тропа, но такая, что, увидев ее, вы, пожалуй, лучше бы остались на месте... Вот молодчина! – вдруг воскликнул он. – Кто-то спускается сюда с обрыва! – И тут в его уме воскрес весь его прошлый опыт, и он сразу вспомнил разные особенности этого места. Из всех сил напрягая голос, он начал криками давать указания смельчаку: – Хорошо! Хорошо! По седловине! По седловине! Закрепите веревку вокруг Коровьего Рога, это вон тот большой черный камень. Накиньте два оборота, вот так. Теперь подайтесь чуть к востоку, еще немного к тому камню – мы звали его Кошачье Ухо. Там еще был корень дуба. Так, так! А теперь полегче, друг! Полегче! Смотрите в оба и не спешите! Ради бога, не спешите! Очень хорошо. А теперь вам надо попасть на Передник Бесси – это широкий и плоский синий камень. Тогда я, пожалуй, с вашей помощью проберусь к вам, и мы потом вытянем туда молодую леди и сэра Артура.

Следуя указаниям старого Эди, смельчак сбросил ему конец веревки, который старик обвязал вокруг мисс Уорддор, предварительно закутав ее в свой голубой плащ, чтобы, по возможности, предохранить от ушибов. Потом, пользуясь сам той же веревкой, закрепленной другим концом, он начал карабкаться по поверхности скалы – сложнейшее и головокружительное предприятие, в результате которого, однако, раза два чуть не сорвавшись, он очутился в безопасности на широком плоском камне рядом с Ловелом. Соединенными усилиями им удалось поднять к себе и Изабеллу. Потом Ловел спустился, чтобы помочь сэру Артуру, и обвязал теперь веревкой его. Снова взобравшись в их убежище, он при содействии старого Охилтри и при той помощи, какую мог оказать сам сэр Артур, поднял и его на высоту, недостижимую для волн.

Чувство избавления от приближавшейся и, казалось, неотвратимой смерти повлекло за собой обычные последствия. Отец и дочь бросились друг другу в объятия, целовались и плакали от радости, хотя их спасение было связано с необходимостью провести бурную ночь на обрывистом уступе скалы, где едва хватало места для четырех дрожащих людей, которые, подобно множеству морских птиц, ютились здесь, прячась от хищной стихии, бесновавшейся внизу. Брызги волн, неуклонно набегавших на подножие скал и затоплявших берег, где наши друзья еще так недавно стояли, взлетали до самого их временного пристанища. Валы кидались внизу на скалы с таким оглушительным ревом, словно громовым голосом требовали возврата беглецов, своей законной добычи. И хотя стояла летняя ночь, было маловероятно, чтобы мисс Уорддор, существо столь хрупкое, насквозь промокнув от брызг, дожила до утра. Потоки ливня, разразившегося теперь с полной силой и сопровождавшегося долгими и сильными порывами ветра, еще усугубляли трудность и опасность положения.

– Барышня, бедная милая барышня! – сказал старик. – Много таких ночей пережил я и дома у себя и в чужих краях, но, Господи помоги, ей-то как выдержать?

Его опасения незаметно передались Ловелу, ибо с тем поистине масонским чутьем, с которым смелые и отзывчивые души общаются в минуты опасности и почти инстинктивно узнают друг друга, эти двое людей прониклись взаимным доверием.

– Я опять влезу на скалу, – сказал Ловел. – Еще достаточно светло, чтобы видеть, куда ступаешь. Я взберусь наверх и позову на помощь.

– Прощу вас! Ради бога! – взмолился сэр Артур.

– Вы что, спятили? – возразил нищий. Фрэнси О'Фаулсхью, а с ним никто не мог сравниться в лазании по скалам (в конце концов бедняга сломал себе шею на Данбай оф Слейнс), никогда не отважился бы лезть на Хелкит-хед после захода солнца. Только по божьей милости, и притом чудом, вы сейчас не в морской пучине. Ни за что бы не поверил, чтобы кто-нибудь мог спуститься с этих скал. Не знаю, удалось ли бы это мне самому в такой час и в такую погоду, когда я был молод, в расцвете сил. Но пытаться еще раз – значило бы просто искушать провидение.

– Я не боюсь, – ответил Ловел. – Спускаясь, я точно запомнил дорогу. Сейчас еще достаточно светло. Я уверен, что благополучно взберусь наверх. Оставайтесь здесь, мой добрый друг, с сэром Артуром и молодой леди.

– Черта с два я останусь! – воскликнул нищий. – Если вы пойдете, пойду и я. Нам хватит дела на двоих, чтобы вскарабкаться наверх!

– Нет, нет! Оставайтесь здесь и присмотрите за мисс Уорддор. Вы видите, сэр Артур совсем изнемог.

– Тогда оставайтесь вы, а пойду я, – сказал старик. – Пусть смерть пощадит зеленый колос и возьмет спелый!

– Оставайтесь оба, умоляю вас! – слабым голосом произнесла Изабелла. – Я чувствую себя хорошо и отлично продержусь здесь ночь. Я уже отдохнула.

После этих слов голос изменил ей, она зашаталась и упала бы со скалы, если бы Ловел и Охилтри не поддержали ее и не устроили полулежа рядом с отцом, измученным крайним напряжением телесных и душевных сил и уже сидевшим на камне в состоянии какого-то оцепенения.

– Их нельзя оставить одних, – сказал Ловел. – Что же делать?.. Слушайте! Слушайте! Мне кажется, нас зовут!

– Это кричит гагара, – ответил Охилтри. – Я хорошо знаю ее крик.

– Нет, клянусь Небом, – возразил Ловел, – это был человеческий голос.

На обрывистом уступе, где едва хватало места...

Отдаленный призывный крик повторился, и его вполне можно было различить среди рева стихий и гомона летавших вокруг чаек. Нищий и Ловел, напрягая голоса, громко закричали в ответ, и первый из них стал махать своим посохом, привязав к нему платок мисс Уор-

дор, чтобы их могли заметить со скалы. И хотя крики сверху повторились, прошло некоторое время, прежде чем они начали соответствовать крикам снизу, и бедные страдалцы из-за сгустившихся сумерек и усиливавшегося шторма не знали, стало ли их убежище известно людям, собравшимся над обрывом, чтобы им помочь.

Наконец на их призывы стали доноситься равномерные и четкие ответы, и они приободрились от сознания, что находятся в пределах слышимости – если не досягаемости – друзей, готовых прийти им на помощь.

Глава VIII

*Утес я знаю. Голову склонив,
Он с ужасом глядит в морскую бездну.
О, приведи меня на самый край,
И я тебя избавлю от несчастий!*

«Король Лир»

Крики людей наверху вскоре усилились, и мелькание факелов прибавилось к тем проблескам вечернего света, которые еще можно было увидеть среди мрака бури. Собравшиеся на вершине скалы пытались установить связь со страдальцами, все еще цеплявшимися за свою ненадежную и тесную площадку; однако рев шторма ограничивал это общение криками, такими же нечленораздельными, как крики пернатых обитателей утеса, которые галдели, встревоженные звуками человеческих голосов в таком необычном месте.

Группа взволнованных людей столпилась над пропастью. Олдобок был впереди всех, и вид у него был очень озабоченный. Он с такой отчаянной решимостью рвался к самому краю обрыва и все пытался заглянуть в головокружительную бездну, обвязав платком парик и шляпу, что его более робких помощников бросало в дрожь.

– Осторожнее, осторожнее, Монкбарнс! – кричал Кексон, вцепившись в фалды сюртука своего хозяина, чтобы в меру своих сил уберечь его от опасности. – Ради бога, осторожнее! Парик сэра Артура уже утонул, и если еще вы свалитесь с утеса, во всем приходе останется только один парик – пасторский.

– Сюда! На вершину! – кричал Маклбеккит, старый рыбак и контрабандист. – На вершину!.. Стини, Стини Уилкс, тащи снасти!.. Будьте покойны, мы их живо втянем на борт, Монкбарнс, только не стойте на дороге!

– Я их вижу, – волновался Олдобок, – я их вижу далеко внизу, на том плоском камне... Э-гей! Э-ге-гей!

– Я и сам хорошо их вижу, – возразил Маклбеккит. – Вон они сидят, как вороны в тумане. Но вы думаете, им поможет, если вы будете кричать отсюда, как баклан перед шквалом?.. Стини, тащи, парень, мачту! Ну вот! Мы поднимем их, как в старину поднимали бочонки с джином и бренди. Принеси топор и выруби гнездо для мачты. Привяжи покрепче кресло. Теперь затяни и закрепи!

Рыбаки принесли с собой мачту от лодки, а так как на помощь сбежалась – кто из усердия, а кто из любопытства – половина местных парней, эта мачта вскоре была врыта в грунт

и надежно закреплена в вертикальном положении. Поперечная доска и протянутая вдоль нее веревка, по концам пропущенная через блоки, составили самодельный подъемный кран, который дал возможность спустить крепко привязанное кресло на плоский уступ, где ютились пострадавшие. Радость, какую они испытывали, слыша наверху стук и шум подготовки к их спасению, значительно усилилась, когда они увидели своеобразное сооружение, при помощи которого их собирались переправить наверх. Кресло раскачивалось приблизительно в одном ярде от занимаемого ими места, повинувшись каждому порыву бури, и судьба людей, окруженных воздушной стихией, зависела от прочности веревки, которая в сгущавшейся темноте казалась лишь тонкой нитью. Помимо того, что само путешествие по воздуху при помощи такого хрупкого средства сообщения было рискованным, еще бóльшая опасность возникала оттого, что ветер или колебания веревки могли ударить кресло и сидящего в нем о твердую и неровную поверхность скалы. Но для того чтобы по возможности уменьшить эту опасность, опытные моряки опустили с креслом вторую веревку. Привязанная к креслу и удерживаемая кем-либо из находившихся внизу, она могла бы, как выразился Маклбеккит, служить «рулем» и делать подъем более спокойным и ровным. Все же, чтобы отважиться на такой подъем сквозь рев бури, ветер и дождь, когда над головой нависает утес, а внизу бушует бездна, нужна была такая смелость, какую порождает только отчаяние. Но как бы ни были велики опасности, так зримо и слышимо угрожавшие сверху, снизу и со всех сторон, и как ни был сомнителен представлявшийся способ спасения, Ловел и старый нищий, после краткого совещания и после того, как первый из них с большим для себя риском поймал и притянул веревку, решили, что лучше всего будет устроить в кресле мисс Уордор в надежде на то, что находящиеся наверху люди осторожно и заботливо поднимут ее целой и невредимой на вершину утеса.

– Пусть отец поднимется первым! – воскликнула Изабелла. – Ради бога, друзья мои, позаботьтесь прежде всего о нем!

– Невозможно, мисс Уордор, – возразил Ловел. – Вас необходимо спасти первой. – Кроме того, веревка, выдерживающая ваш вес, может...

– Я не стану и слушать этих эгоистических доводов!

– Но вы должны послушать, милая барышня, – сказал Охилтри. – Дело идет о жизни каждого из нас. И опять же: выбравшись наверх, вы там расскажете, как нам тут живется в ссылке. Сэр Артуру, мне кажется, этого никак не сделать.

Пораженная справедливостью этого довода, Изабелла воскликнула:

– Верно! Совершенно верно! Я готова рискнуть. Что же мне сказать нашим друзьям наверху?

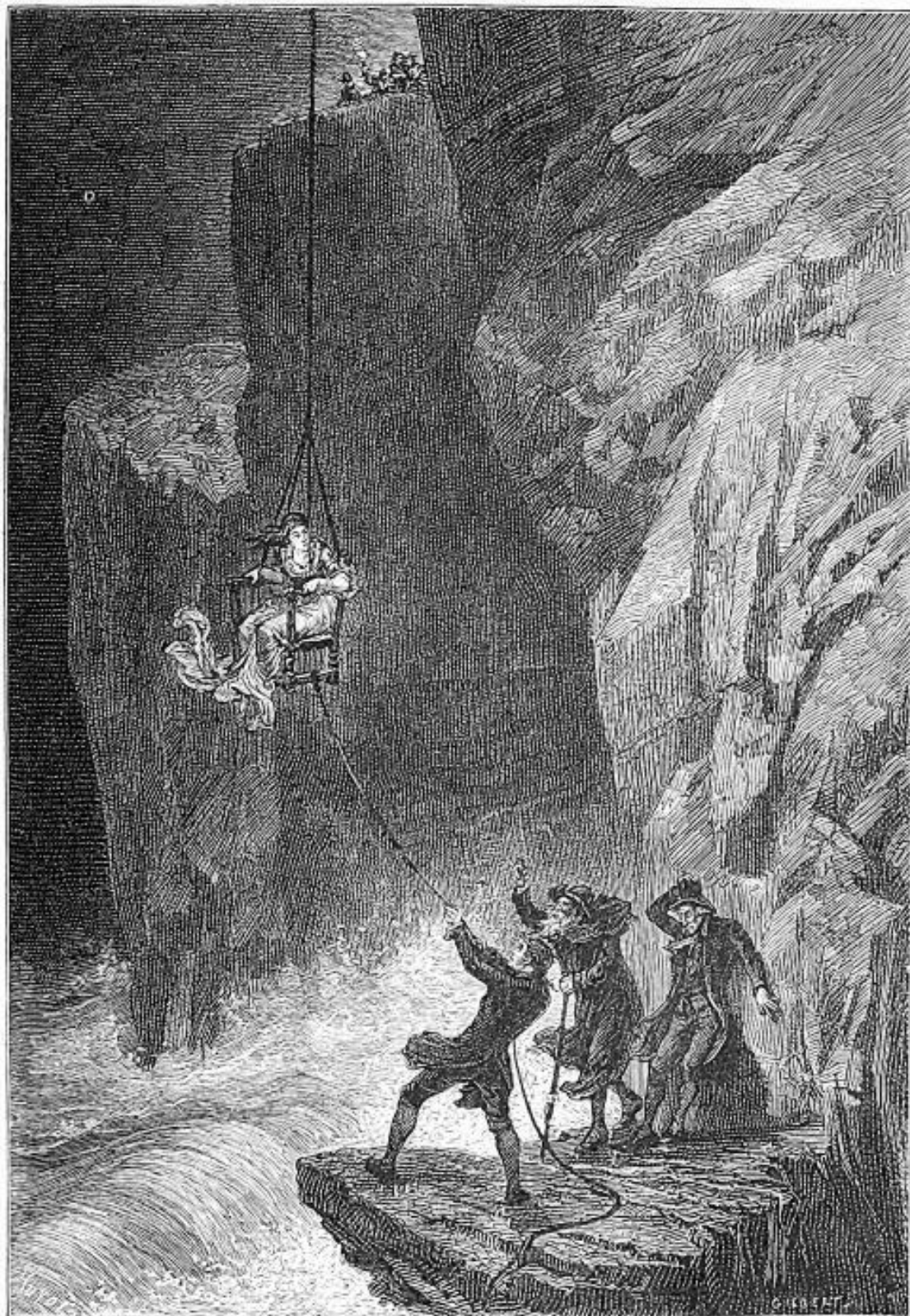
– Пусть только следят, чтобы веревка не терлась о скалу. И пусть опускают и поднимают кресло потихоньку и ровно. Мы крикнем, когда будем готовы.

Проявляя поистине материнскую заботливость и внимание, Ловел при помощи своего платка и шарфа, а также кожаного пояса нищего привязал мисс Уордор к спинке и подлокотникам кресла, тщательно проверяя надежность каждого узла, пока Охилтри успокаивал сэра Артура.

– Что вы делаете с моим ребенком? Что вы делаете? Не смейте разлучать ее со мной! Изабелла, ты слышишь? Оставайся со мной!

– Ради создателя, сэр Артур, попридержите язык и благодарите Бога, что за это дело взялись люди поумнее! – крикнул нищий, которого извели неразумные вопли бедного баронета.

– До свидания, отец! – прошептала Изабелла. – До свидания, друзья!

—До свидания, отец! До свидания, друзья!

И, закрыв глаза, как рекомендовал ей многоопытный Эди, она подала сигнал Ловелу, а он — тем, кто был наверху. Они начали поднимать, и веревка, которой управлял Ловел, не давала креслу раскачиваться. С бьющимся сердцем следил он за трепетанием белого платья, пока девушка не оказалась на уровне вершины скалы.

– Теперь легче, ребята! Легче! – крикнул старый Маклбеккит, взявший на себя обязанности начальника. – Малость подайте вбок поперечину! Так, ладно! Вот мисс наконец и на суше!

Громкий крик возвестил ее товарищам по несчастью об удачном завершении подъема, и они ответили громкими и восторженными криками. Монкбарнс, в порыве искренней радости, сорвал с себя плащ, чтобы укутать в него озябшую девушку, и готов был для той же цели снять сюртук и жилет, но его удержал благоразумный Кексон:

– Помилуйте, ваша милость, так вас до смерти замучит кашель, и вы две недели не вылезете из халата, а это ни вам, ни мне ни к чему. Нет, нет, внизу ждет коляска! Пусть двое снесут туда молодую леди!

– Ты прав, – сказал антикварий, оправляя рукава и воротник сюртука, – ты прав, Кексон. Такая ночь – не для купанья. Мисс Уордор, позвольте проводить вас к экипажу.

– Ни за что на свете, пока я не увижу отца в безопасности.

В кратких и ясных словах, показывавших, насколько ее решимость была сильнее пережитых потрясений, она объяснила, каково положение внизу, и передала наставления Ловела и Охилтри.

– Верно! Это тоже верно! Я сам буду рад увидеть отпрыска сэра Гамелина де Гардовера на сухой земле. Мне сдается, что теперь он готов будет подписать клятву отречения с трактатом Рэгмена впридачу и признает, что королева Мария не лучше, чем ее слава, лишь бы добраться до моего портвейна, от которого он убежал, когда бутылка была еще почти полна. Но он уже спасен... Да вот и он сам! – добавил антикварий, так как кресло уже раньше было спущено и сэр Артур привязан к нему, почти без сознательного участия с его стороны. – Вот он сам! А ну, тяни, ребята! Только осторожно – родословная в сто колен висит на веревке стоимостью в десять пенсов. Все баронетство Нокуиннок зависит от трех прядей пеньки – *respice finem*, *respice funem* – внимание до конца (до конца веревки!). Добро пожаловать, дорогой старый друг, на твердую землю, хотя я не могу сказать «на теплую землю» или «сухую землю». А веревка всегда лучше пятидесяти сажен воды, хотя и не в духе мерзкой пословицы (провались она совсем): лучше *sus per funem*, чем *sus per coll*!⁷⁶

Пока Олдбок ораторствовал таким образом, сэр Артур уже был в объятиях дочери, которая, присвоив себе власть, оправдываемую обстоятельствами, велела нескольким помощникам отвести отца к экипажу, обещая последовать за ними через несколько минут. Она медлила на утесе, опираясь на руку какого-то пожилого рыбака и, вероятно, желая лично убедиться в спасении тех, с кем разделяла опасность.

– Что же мы выловили на этот раз? – спросил Олдбок, когда кресло поднялось снова. – Что это за чучело, заплатанное и побитое непогодой? – Когда же факелы осветили обветренное лицо и седины Эди Охилтри, Олдбок воскликнул: – Как, это ты? Поди сюда, старый насмешник! Я волей-неволей должен считать тебя другом. Но какой черт еще ввязался в вашу компанию?

– С нами был человек, стоящий нас обоих, Монкбарнс: молодой приезжий, которого зовут Ловел. Вел он себя в эту дьявольскую ночь так, словно у него три жизни, а не одна, и готов был потерять все три, лишь бы избавить от опасности других. – Теперь поосторожней, друзья, с благословения старика! Помните, внизу больше никого нет, чтобы натягивать веревку! Осторожней у того угла, где Кошачье Ухо, и держитесь подальше от Коровьего Рога!

– Да, поосторожнее! – поддержал его Олдбок. – Что такое! Это моя *gara avis*⁷⁷, мой черный лебедь, мой спутник-феникс по почтовой карете! Осторожней с ним, Маклбеккит!

– Побережем его, словно он кувшин, полный бренди. И будь у него волосы, как у Джона Харлоу, я и тогда не мог бы сделать больше. Ну-ка, детки, навались!

⁷⁶ ...быть подвешенным за веревку... быть подвешенным за шею (сокр. *лат.*).

⁷⁷ Редкая птица (*лат.*).

И в самом деле, Ловел подвергался гораздо большей опасности, чем его предшественники. Его вес был недостаточен, чтобы обеспечить спокойный подъем в такую бурю, и он качался, как неосторожно задетый маятник, ежеминутно рискуя разбиться насмерть о скалы. Но он был молод, смел, подвижен и, пользуясь крепким остроконечным посохом нищего, который он оставил себе по совету владельца, успешно отталкивался от поверхности отвесной скалы и особенно от грозных выступов на ней. Швыряемый в пустоте, как ничтожное перышко, раскачиваясь так, что его одновременно охватывали и страх и головокружение, он все же владел своими телесными силами и сохранял присутствие духа. И только когда он благополучно очутился на вершине, ему на миг стало немного дурно. Оправившись от этого короткого полубытья, он сейчас же стал с живостью осматриваться вокруг себя. Но предмет, который его глаза увидели бы охотнее всего, в это время как раз исчезал из виду. Девушка двинулась по тропинке, по которой пошел сэр Артур, и ее белое платье лишь смутно виднелось вдали. Мисс Уорддор задержалась только до тех пор, пока не убедилась, что спасен последний из их компании, и пока хриплый голос Маклбеккита не заверил ее, что «молодчик унес целыми кости и сейчас у него просто вроде как обморок». Но Ловел не знал, что она проявила хотя бы такую степень участия к его судьбе. И хотя она лишь выполнила свой долг перед посторонним человеком, помогшим ей в час грозной опасности, он, чтобы стать достойным ее внимания, пошел бы и не на такой риск, как в этот вечер. Нищему она уже предложила прийти еще сегодня в Нокуиннок. В ответ на его возражение, она сказала: «В таком случае я хочу тебя видеть завтра».

Старик обещал. Олдбок сунул ему что-то в руку. Охилтри при свете факелов взглянул на подарок и возвратил его.

– Нет, нет! Я никогда не беру золота. А кроме того, Монкбарнс, завтра вам, может, станет жаль, что вы были так щедры! – И, повернувшись к кучке рыбаков и крестьян, он продолжал: – Ну, друзья, кто накормит меня и даст мне охапку свежего сена?

– Я – и я – и я! – ответило сразу несколько голосов.

– Ну хорошо, раз так, и раз я могу проспать одну ночь лишь в одном сарае, я пойду с Сондерсом Маклбеккитом. У него всегда найдется вкусная похлебка и теплый угол. И, пожалуй, дети мои, я еще поживу на свете и напомним всем вам, что вы предлагали мне ночлег и милостыню.

Сказав это, он ушел с рыбаками.

Олдбок с решительным видом положил руку на плечо Ловелу.

– Черта с два я отпущу вас нынче в Фейрпорт, молодой человек! Вы должны пойти со мной в Монкбарнс. А вы показали себя героем, настоящий сэр Уильям Уоллес! Пойдем, мой дорогой, возьмите меня под руку. Я не такая уж надежная опора при подобном ветре, но нам обоим поможет Кексон. Сюда, старый болван, подойди с другой стороны! Какой дьявол занес вас на этот проклятый Передник Бесси? Эта Бесси – черт бы ее взял – развернула свой дрянной бабий флаг или знамя, как и другие представительницы ее пола, чтобы заманивать поклонников и потом губить их.

– Мне, видите ли, много приходилось лазать по горам, и я не раз наблюдал, как птицеловы спускаются со скал.

– Но каким чудом узнали вы об опасном положении обидчивого баронета и его гораздо более достойной дочери?

– Я увидел их с обрыва.

– С обрыва, гм! А что это вам взбрело на ум *dumosa pendere procul de rupe*?⁷⁸ – хотя *dumosa* – неподходящий эпитет... – Какой черт занес вас, милый мой, на край утеса?

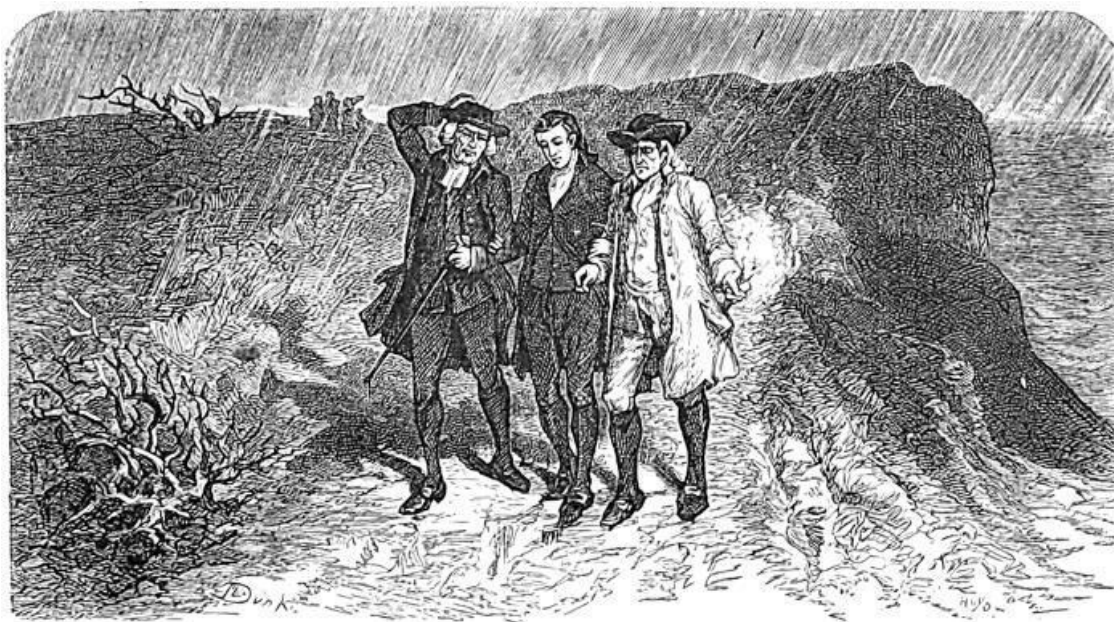
⁷⁸ Остатьсяверху, на поросшей кустарником скале (лат.).

– Просто я люблю смотреть, как надвигается и грохочет гроза, или – на вашем классическом языке, мистер Олдбок, – *suave mari magno*⁷⁹ – и так далее... Но мы уже дошли до поворота на Фейрпорт. Должен пожелать вам доброй ночи.

– Ни шага, ни полшага, ни дюйма, ни – я сказал бы – шезмонта⁸⁰. Значение этого слова ставило в тупик многих, считающих себя антиквариями. Я убежден, что нам следовало бы вместо *shathmont's-length*⁸¹ читать *salmon-length*⁸². Вам, вероятно, известно, что законом установлено для прохождения лосося сквозь дамбы, плотины и запруды такое пространство, чтобы в нем могла повернуться взрослая свинья. Вот я и полагаю, что если для подводных измерений прибегали к наземным предметам, то и обратно – обитателей вод можно брать за меру протяжения суши. Шезмонт – сэлмон, вы слышите, как похоже это звучит. Выбросьте два h и второе t, а первое t замените на l – и пропадет вся разница. Дай бог, чтобы антиквариям в их других выводах не приходилось делать больших натяжек!

– Но право, дорогой сэр, мне надо домой! Я насквозь промок.

– Вы получите мой ночной халат и туфли. При этом вы схватите антикварскую лихорадку, как люди заболевают чумой, поносив зараженное платье. Нет, я знаю, в чем дело: вы боитесь ввести старого холостяка в расходы! Но разве ничего не осталось от замечательного пирога с курятиной, который, *meo arbitrio*⁸³, холодный вкуснее горячего, и от той бутылки моего самого старого портвейна, которого слабоумный баронет (я не могу простить его, так как он не сломал себе шеи) выпил всего одну рюмку, когда его глупая голова начала выдумывать бредни про Гамелина де Гардоваера?

– *Я не такая уж надежная опора при подобном ветре*

Не переставая говорить, он тащил Ловела вперед, пока они не достигли Монкбарнса и Ворота Паломника не остались за ними. Может быть, никогда еще они не впускали двух пешеходов, более нуждавшихся в отдыхе. Ибо усталость Монкбарнса была в известной степени свя-

⁷⁹ Приятно, когда на бурное море (*лат.*).

⁸⁰ Shathmont или Shaftmont (*англ.*) – мера длины (пядь), составляющая около 16 см.

⁸¹ Shathmont's-length – длина, равная одному shathmont (*англ.*).

⁸² Salmon-length – длина лосося (*англ.*).

⁸³ По моему мнению (*англ.*).

зана с нарушением его привычек, а его более молодой и более крепкий товарищ пережил в этот вечер душевное волнение, которое измучило и утомило его даже больше, чем огромная затрата телесных сил.

Глава IX

*Вы смелы? Духа увидеть не прочь?
Так будьте нашим гостем в эту ночь.
Коль вас не испугает ни шуршанье
Оконной шторы, ни цепей бряцанье,
Коль призраку дерзнете вы сказать,
Когда начнет он обходить кровать:
«Зачем ты бродишь, бормоча заклятья?» —
Что ж... комнату для вас велю прибрать я.*

«Истинная история»

Антикварий и Ловел вошли в комнату, где обедали днем и где их теперь шумно приветствовала мисс Олдбок.

— Где же младшая представительница твоего пола? — спросил антикварий.

— Представь, братец, когда поднялась вся эта сумятица, Мария не пожелала меня слушать и отправилась на Хелкит-хед. Меня удивляет, что ты не видел ее на утесе.

— А?.. Как?.. Что ты говоришь, сестра? Девочка в такую ночь побежала на Хелкит-хед? Боже праведный! Значит, несчастья этой ночи еще не кончились!

— Да погоди, Монкбарнс! Нельзя же быть таким необузданным и упрямым!

— Чепуха, женщина! — нетерпеливо закричал взволнованный антикварий. — Где моя дорогая Мэри?

— Там, где и тебе следует быть: наверху, в теплой постели.

— Я мог бы поручиться, — промолвил Олдбок, рассмеявшись с явным облегчением, — я мог бы поручиться, что ленивой обезьянке было бы и горя мало, если бы мы все утонули. Почему же ты сказала, что она ушла?

— Но ведь ты не захотел дослушать меня, Монкбарнс! Она уходила и вернулась с садовником, как только убедилась, что никто из вас не свалился со скалы и что мисс Уорддор благополучно усажена в коляску. Мэри пришла домой четверть часа назад, ведь сейчас уже почти десять. Бедняжка вся промокла, и я влила ей в кашу рюмку хереса.

— Правильно, Гризл, правильно! Пусть женщины возятся друг с другом. Но послушай, моя почтенная сестра. Не пугайся слова «почтенная». Оно подразумевает много похвальных качеств, кроме возраста. Впрочем, и это качество почтенное, хотя женщинам меньше всего

нравится, если их почитают за него. Но оправдай мои слова: угости нас с Ловелом остатками куриного пирога и портвейна.

– Куриный пирог... портвейн... да что ты, братец! Ведь остались одни косточки и капля вина.

Лицо антиквария омрачилось. Он был слишком благовоспитан, чтобы в присутствии постороннего показать, как он удивлен и рассержен исчезновением кушанья и напитка, на которые он с полной уверенностью рассчитывал. Но сестра отлично поняла его гневные взгляды.

– Боже мой, стоит ли так горевать из-за пустяков?

– Я не горюю, как ты выражаешься, женщина!

– Но зачем так хмурить брови и печалиться из-за кучки костей? Если хочешь знать, приходил пастор. Этот достойный человек был крайне огорчен, узнав, в каком ты опасном положении. Он так и сказал. Ты ведь знаешь, какой у него дар слова! И он решил не уходить, пока не получит успокоительных сведений о всех вас. Он прекрасно говорил о том, как мы должны покоряться воле провидения. Достойный человек. Как он говорил!

Олдбок ответил ей в том же тоне:

– Этот достойный человек ждет не дождется, когда мое поместье отойдет к наследникам по женской линии. Все ясно! А пока он выполнял свой христианский долг, утешая тебя в этом грозящем бедствии, очевидно и исчезли пирог с курятиной и мой добрый портвейн?

– Дорогой брат, как ты можешь говорить так, едва спасшись от гибели на утесах!

– Да, я спасся удачнее, чем мой ужин – от пасторских зубов! Надеюсь, больше спорить не о чем?

– Оставь это, Монкбарнс! Ты говоришь, словно в доме нет другой еды. Разве ты не хотел бы, чтобы я предложила легкую закуску честному человеку, проделавшему пешком всю дорогу от пасторского дома?

Олдбок стал не то насвистывать, не то напевать конец старинной шотландской песенки:

Сперва белый пудинг сожрали,
Вот с черным покончили, ох!
И думал хозяин уныло:
«Хоть черт их пристукнул бы, ох!»

Сестра поспешила прервать его, предложив подать какие-то остатки от обеда. Олдбок заговорил было о другой бутылке вина, но потом стал расхваливать свой бренди, который действительно оказался великолепным. Но так как никакие настояния не могли побудить Ловела надеть бархатный ночной колпак и расшитый цветами халат хозяина, Олдбок, претендовавший на кое-какие познания в медицине, стал требовать, чтобы гость как можно скорее лег в постель, и предложил рано утром отправить в Фейрпорт посланца (все того же неутомимого Кексона), чтобы добыть гостю смену одежды.

Таким образом мисс Олдбок впервые узнала, что молодой приезжий будет на ночь их гостем. И ее изумление по поводу столь необычайного события было так велико, что, если бы не изрядный вес ее головного убора, уже нами описанного, седые локоны мисс Олдбок стали бы торчком и сдвинули его с места.

– Господи нас помилуй! – воскликнула пораженная дева.

– Что еще, Гризл?

– Мне нужно поговорить с тобой, Монкбарнс!

– Поговорить? О чем же это? Я хочу лечь, и для бедного молодого человека тоже пусть немедленно приготовят постель.

– Постель? Помилуй нас боже! – снова воскликнула Гризл.

– Ну, в чем опять дело? Разве в доме мало постелей и комнат? Разве в старину здесь не был *hospitium*, где, я ручаюсь, еженощно стлали постели для двух десятков странников?

– Ах, боже мой, Монкбарнс! Кто знает, что делали в старину! Но в наше время... постели... Конечно, у нас найдутся постели и комнаты тоже. Но ты же сам знаешь, что в этих постелях давным-давно никто не спал и эти комнаты никогда не проветривались. Если б я знала, мы с Марией могли бы уйти в пасторский дом – мисс Бекки всегда нам рада (и сам пастор, братец, тоже). А теперь... боже ты мой!

– А разве Зеленая комната не годится, Гризл?

– Зеленая? Да, конечно, Зеленая более или менее в порядке, но только в ней никто не спал после доктора Хевистерна, а он...

– Ну что?

– Ну что! Ты же отлично знаешь, какую он провел там ночь! Неужели ты хочешь, чтобы молодой человек испытал то же самое?

Услышав эти пререкания, Ловел вмешался и заявил, что лучше пойдет домой, чем причинит здесь малейшее неудобство, что прогулка будет ему только полезна, что дорогу в Фейрпорт он узнает днем и ночью, что буря уже стихает, и тому подобное. Он говорил все, что подсказывала ему вежливость, лишь бы ускользнуть от гостеприимства, которое оказалось для хозяина более затруднительным, чем можно было предвидеть. Однако ветер продолжал завывать, а дождь – барабанить по стеклам, и Олдбок, знавший, как утомителен был этот вечер для Ловела, к которому он питал искреннее уважение, не мог позволить ему уйти. Кроме того, была задета его честь, ибо гость мог подумать, что им верховодят женщины.

– Садитесь, садитесь! Садитесь, друг! – возразил он. – Если вы уйдете, я больше никогда не вытащу пробки из бутылки! А вот как раз нам открывают бутылку великолепного крепкого эля. Он сварен *anno domini*...⁸⁴ Это вам не какой-нибудь отвар кассии! Мой эль сварен из монкбарнесского ячменя – сам Джон Гернел не ставил на стол лучшего пива, чтобы угостить странствующего менестреля или паломника со свежими новостями из Палестины. А для того чтобы у вас пропало всякое желание уйти, знайте, что, если вы это сделаете, ваша репутация славного рыцаря погибнет навек! Да, молодой друг, поспать в Зеленой комнате Монкбарнса – это приключение!.. Сестра, распорядись, чтобы ее приготовили... И хотя храбрый искатель приключений Хевистерн пережил в этой заколдованной комнате томительные часы, это еще не причина, почему бы такому доблестному рыцарю, как вы, который ростом вдвое больше, а весом вдвое меньше, не испытать свои силы и не развеять чары.

– Как? Это комната, где водятся дүхи, если я верно понял?

– Вот именно! Вот именно! Каждая сколько-нибудь старинная усадьба в наших местах имеет своих духов и свою заколдованную комнату, и вы не должны думать, что мы отстаем от соседей. Правда, все это начинает выходить из моды. Я еще помню те дни, когда, стоило вам усомниться, что в старой усадьбе есть дух, как вы подвергались опасности «самому превратиться в духа», – как говорил Гамлет. – Да, если бы вы оспаривали существование Красного Капюшона в Гленстиримском замке, старый сэр Питер Пеппербрэнд вывел бы вас на свой двор, заставил бы вас взять в руки оружие и, если вы не владели шпагой искуснее его, проткнул бы вас, как лягушку, на своей собственной баронской навозной куче. Я сам однажды чуть не попал в такую переделку, но смирился и попросил извинения у Красного Капюшона: я и в молодые годы не был сторонником *monomachia*⁸⁵ или дуэли и предпочитал прогулки в обществе духовных, а не сановных особ. Я вовсе не стремлюсь доказывать, насколько я храбр; благодарение Богу, я теперь стар и могу иной раз посердиться без необходимости отстаивать свою правоту с холодным клинком в руках.

⁸⁴ В год Божьей милостью (*лат.*).

⁸⁵ Единоборства (*греч.*).

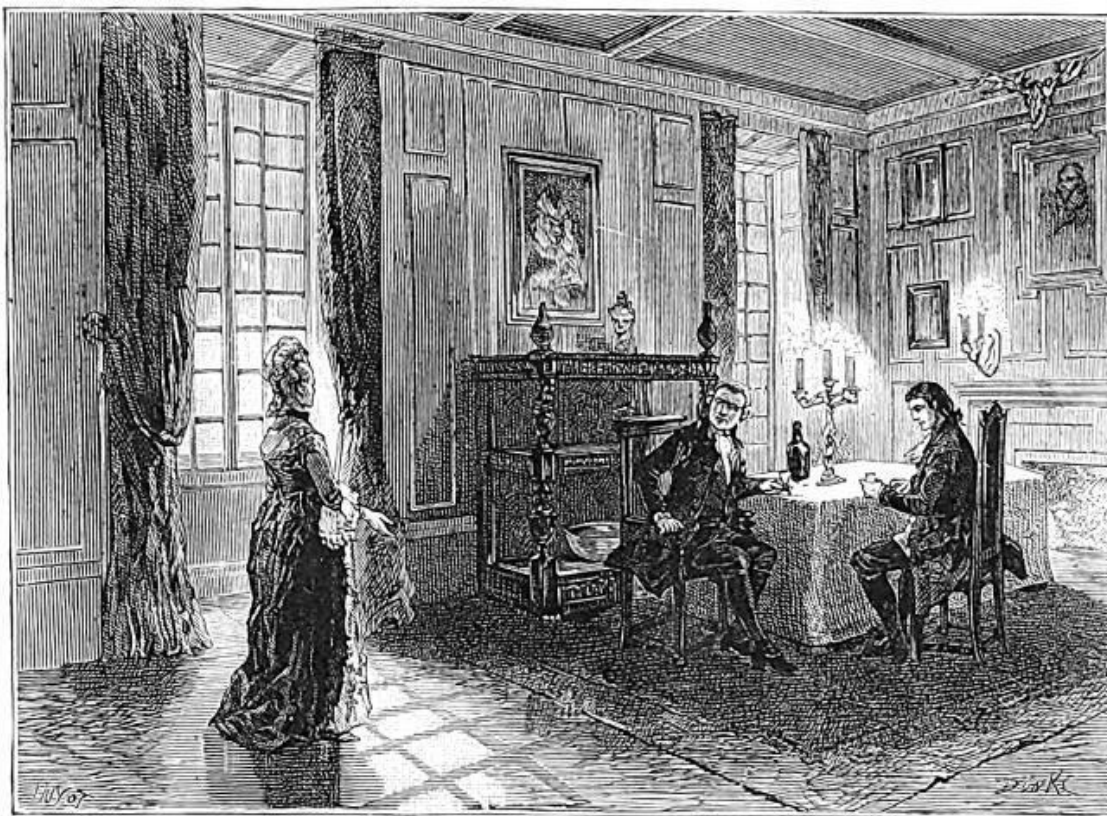
Тут вновь вошла мисс Олдбок с загадочным и многозначительным выражением лица.

– Постель для мистера Ловела готова, братец. Я достала чистые простыни, комната проветрена, в камине огонек. – Нет, нет, мистер Ловел, мне это не доставило никаких хлопот, и я надеюсь, что вы хорошо выспитесь, но...

– Ты решила, – перебил ее антикварий, – сделать все, что в твоих силах, чтобы этого не допускать?

– Я? Право, я ничего такого не сказала, Монкбарнс!

– Сударыня, – обратился к ней Ловел, – разрешите мне спросить, в чем причина вашего столь любезного беспокойства обо мне?

– Постель для мистера Ловела готова, братец

– Ах, Монкбарнс не любит, когда об этом говорят. Но он сам знает, что у этой комнаты худая слава. Все помнят, что там спал старый Реб Тулл, городской писец, когда получил удивительное сообщение насчет земельной тяжбы между нами и арендаторами Массел-крейга. Она стоила кучу денег, мистер Ловел, ибо в те времена по судебным делам приходилось платить не меньше, чем теперь. И тогдашний хозяин Монкбарнса, наш предок, мистер Ловел, как я уже сказала, должен был проиграть тяжбу из-за того, что не мог представить какую-то бумагу. Монкбарнс хорошо знает, что это была за бумага, но я уверена – он не поможет мне в моем рассказе. Это был документ, очень важный для дела, и без него мы бы проиграли. Так вот, наш иск поступил на рассмотрение – как это называется? – присутствия из пятнадцати заседателей. А старый Реб Тулл, городской писец, пришел к нам, чтобы в последний раз поискать недостающую бумагу, прежде чем наш предок поедет в Эдинбург хлопотать по своему делу. Так что времени было в обрез. Этот Реб, как я слыхала, был старый сморчок, весь в табачных крошках и не большого ума. Но все-таки он был городским писцом в Фейрпорте, и хозяева Монкбарнса пользовались его услугами. Вы понимаете – ведь у них были дела с магистратом...

– Сестрица Гризл, это невыносимо! – прервал ее Олдбок. – Клянусь Небом, ты успела бы вызвать духов всех аббатов Троткозийских со времен Валдимира, пока у тебя идет вступление к рассказу об одном-единственном призраке. Научись быть краткой в своих речах. Подражай сжато стилю старого Обри, опытного духовидца, который делал записи о таких предметах строгим деловым языком. *Exempli gratia*⁸⁶: «В Сайренсестере пятого марта тысяча шестьсот семидесятого года было явление призрака. Будучи спрошен, добрый он дух или злой, ответа не дал, но мгновенно исчез, оставив своеобразный запах и издав мелодичный звук натянутой струны». – *Vide*⁸⁷ «Разное» у этого автора, насколько я помню – страница восемнадцать, почти в середине.

– Бог с тобой, Монкбарнс! Неужели ты думаешь, что все так начитаны, как ты? Я знаю, ты любишь выставлять других дураками. Ты позволяешь себе подобное с сэром Артуром и даже с пастором.

– Природа опередила меня, Гризл, в обоих этих случаях и еще в одном, который я не хочу называть. Но выпей стакан эля, Гризл, и продолжай свою историю, ибо становится поздно.

– Дженни сейчас готовит грелки для твоей постели, Монкбарнс, и тебе все равно придется подождать, пока она не справится. Значит, я рассказывала, как наш предок, тогдашний хозяин Монкбарнса, искал вместе с Ребом Туллом нужную бумагу. Но сколько они ни бились, ничего не находили. Много переворошили они кожаных портфелей с документами, а потом писец опрокинул стаканчик пунша, чтобы выполоскать из горла пыль. У нас в доме, мистер Ловел, никогда не водилось пьянства, но старичок так привык пропускать рюмочку, встречаясь и совещаясь с судьями и цеховыми старшинами, – а совещались они, в заботах о благоденствии города, почти каждый день, – что без пунша не мог уснуть. И вот выпил он свою порцию и улегся в постель, а посреди ночи проснулся и тут узнал, что такое страх! Он с тех пор был сам не свой, и ровно через четыре года после той ночи его разбил паралич. Ему показалось, мистер Ловел, что раздвинулись занавески над его кроватью. Выглянул бедный человек, думая, что это кошка, и увидел... Господи нас помилуй, у меня мурашки бегают, хотя я рассказывала эту историю двадцать раз!.. Увидел он перед собой в лунном свете благообразного старого джентльмена. Одежда на нем диковинная, везде пуговицы и тесьма, а та часть одежды, о которой леди не подобает говорить, – широченная и вся в складках, как у гамбургских шкиперов. Сам он такой бородатый, а усы длинные, как у кота, и торчат вверх. Много чего еще рассказывал Реб Тулл, только теперь это уже забыто – история старая. Так вот этот Реб Тулл, хоть и писец, а был человек добродетельный, поэтому он не так испугался, как можно бы ожидать, и спросил, во имя Божие, что призраку нужно. А дух ответил ему на незнакомом языке. Тогда, рассказывает Реб, он попытался заговорить с ним на старом языке горцев, потому что в юности жил на холмах Гленливета, но это тоже не помогло. Он уж совсем не знал, как быть, да вдруг вспомнил несколько латинских слов, которыми пользовался при составлении городских актов. И не успел он произнести их, как дух залопотал по-латыни, да так, что бедный Реб Тулл – не очень-то большой ученый – совсем растерялся. Но он был смелый человек и вспомнил латинское название той бумаги, что они искали. Кажется речь шла о какой-то карте, потому что дух стал повторять *carter, carter*...⁸⁸

– *Carta*, ты, извратительница языков! – воскликнул Олдбок. – Если мой предок не изучил на том свете других языков, он, по крайней мере, едва ли забыл латынь, которой славился при жизни.

– Хорошо, хорошо, пусть будет *carta*, хотя тот, кто рассказывал мне все это, говорил *carter*. Так вот, он все повторял *carta*, если ты уж так хочешь, а потом сделал Ребу знак идти

⁸⁶ Например (*лат.*).

⁸⁷ Смотри (*лат.*).

⁸⁸ Возчик, возница (*англ.*).

за ним. Реб Тулл, как настоящий горец, не сробел, слез с кровати, набросил на себя кое-что из одежды и в самом деле поспешил за духом, который повел его по лестницам вверх и вниз, пока они не пришли в маленькую угловую башню – ту, что мы зовем голубятней. В ней был свален всякий ненужный хлам – ящики, сундуки. Тут дух дал Ребу пинка сперва одной ногой, потом другой и таким способом подтолкнул его к старому-престарому шкафу, привезенному из восточных стран, что стоит теперь у брата в кабинете возле письменного стола. А сам исчез, как клуб табачного дыма, оставив Реба в очень неприятном положении.

– «*Tenuis secessit in auras*»⁸⁹, – процитировал Олдобок. – Вот видите, сэр! И *mansit odor*⁹⁰. Так или иначе, но акт был найден в ящике забытого вместилища, содержавшего много других любопытных старых бумаг, теперь снабженных ярлыками и расположенных в порядке. Повидимому, они принадлежали моему предку, первому владельцу Монкбарнса. Так странно возвращенный документ представлял собой подлинную грамоту о переименовании аббатства Троктозийского и его земель, включая Монкбарнс и другие, в королевское поместье, пожалованное графу Гленджибберу, фавориту Иакова Шестого. Она подписана королем в Уэстминстере семнадцатого января тысяча шестьсот двенадцатого или тринадцатого года. Имена свидетелей припоминать не стоит.

– Я хотел бы, – с пробудившимся любопытством сказал Ловел, – я хотел бы услышать ваше мнение по поводу того, каким образом был обнаружен этот документ.

– Ну что ж, если б я хотел подкрепить достоверность этой легенды, я мог бы сослаться на такой авторитет, как блаженный Августин, который рассказывает, как некое умершее лицо явилось своему сыну, когда с того хотели взыскать уже уплаченный долг, и указало, где найти расписку. Но я скорее разделяю взгляд лорда Бэкона, который говорит, что воображение весьма родственно вере, творящей чудеса. Издавна ходила басня о том, что эту комнату посещает дух Альдобранда Олденбока, моего прапрапрадеда. Позор для нашего языка, что он не может менее неуклюже обозначать степень родства, о которой нам часто приходится думать или упоминать. Этот предок был иностранец и носил свой национальный костюм, точное описание которого сохранено преданием. Есть даже гравюра, по предположениям исполненная Реджиналдом Элстрекком, где Альдобранд изображен собственноручно печатающим на прессе листы редкого теперь издания «Аугсбургского исповедания». Он был химик и в то же время хороший механик, а любой из этих специальностей в то время было достаточно, чтобы тебя заподозрили по меньшей мере в белой магии. Суеверный старый писец все это слышал и, вероятно, считал полной истиной. Во сне образ моего предка напомнил ему о шкафе, который, как это принято, с признательным уважением к старине и к памяти прошлых поколений был отправлен на голубятню. Прибавьте сюда еще *quantum sufficit*⁹¹ преувеличения, и вы получите ключ ко всей этой таинственной истории.

– Ах, брат, брат! А как же с доктором Хевистерном, чей сон был так ужасно нарушен? Разве не сказал доктор, что, если бы ему подарили весь Монкбарнс, он и тогда не согласился бы еще раз переночевать в Зеленой комнате? Ведь Мэри и мне пришлось тогда уступить ему нашу...

– Оставь, Гризл! Доктор – добрейший и честнейший тупоголовый немец. У него свои достоинства, но он, как многие его земляки, любит всякую мистику. Вы с ним весь вечер вели меновую торговлю: ты получала от него рассказы о Месмере, Шропфере, Калиостро и других современных претендентах на искусство вызывать духов, находить скрытые сокровища и так далее, а он от тебя – легенду Зеленой комнаты. И если еще принять во внимание, что

⁸⁹ Улетучился, удаляясь (лат.).

⁹⁰ Остался запах (лат.).

⁹¹ Сколько угодно (лат.).

illustrissimus⁹² уплел за ужином полтора фунта шотландских битков, выкурил шесть трубок и выпил соответствующее количество эля и бренди, то нет ничего удивительного в том, что его ночью душил кошмар. Однако теперь все готово. Разрешите мне, мистер Ловел, посветить вам и показать дорогу. Вы, несомненно, нуждаетесь в отдыхе. Мой предок, я уверен, настолько сознает обязанности гостеприимства, что не станет нарушать покой, который вы так заслужили смелым и мужественным поведением.

С этими словами антикварий взял массивный старинный подсвечник, который, как он отметил, был выкован из серебра, добываемого в рудниках Гарца, и принадлежал той самой особе, что дала им тему для разговора. После этих пояснений он направился по множеству сумрачных, извилистых переходов, то поднимаясь, то вновь спускаясь, пока не привел гостя в предназначенную для него комнату.

⁹² Славнейший, знаменитейший (лат.).

Глава X

*Когда в полуночное время
Мрак землю саваном прикрыл,
Когда все спят, но встало племя
Бескровных выходцев могил,
За мной в тиши не ходят тени,
Не жду я призрачных гостей,
Печальнее мои виденья —
Виденья счастья прежних дней.*

У.Р. Спенсер

Когда мистер Олдбок и его гость вошли в так называемую Зеленую комнату, Олдбок поставил свечу на туалетный столик перед огромным зеркалом в черной лакированной раме, окруженным такими же ящичками, и огляделся с несколько встревоженным выражением лица.

— Я редко бываю в этой комнате, — сказал он, — и всегда невольно поддаюсь печальному чувству — конечно, не из-за тех детских сказок, которыми вас угощала Гризл, но из-за воспоминаний о ранней и несчастливой привязанности. В такие минуты, мистер Ловел, мы особенно ощущаем перемены, произведенные временем. Перед нами те же предметы, те же неодушевленные вещи, на которые мы глядели в своенравном детстве, и в пылкой юности, и в обремененной заботами, расчетливой зрелости. Они неизменны и всё те же. Но когда мы смотрим на них в холодной, бесстрастной старости, можем ли мы, наделенные теперь иным нравом, иными стремлениями, иными чувствами, мы, чей облик, тело и физическая сила так изменились, — можем ли мы сами быть названы теми же? И не оглядываемся ли мы с некоторым удивлением на себя в прошлом, как на каких-то других людей, отличных от тех, кем мы стали? Философ, жаловавшийся на Филиппа, разгоряченного вином, Филиппу в часы его трезвости, не избирал судью столь непохожего, как если бы пожаловался на юного Филиппа Филиппу состарившемуся. Меня всегда трогает чувство, так прекрасно выраженное в неоднократно слышанном мною стихотворении⁹³:

Я слезы детские пролил,
И было сердце сжато:

⁹³ «Лирические баллады» Вордсворта, вероятно, тогда еще не были напечатаны. (Прим. автора.)

Я снова голос уловил,
Мне дорогой когда-то.

Да, увяданье – это зло,
Но умным кто зовется,
Не то жалеет, что прошло,
А то, что остается.

Да, время залечивает всякую рану, и хотя остается рубец, который иногда ноет, первоначальной острой боли уже не ощущаешь.

Сказав это, он сердечно пожал Ловелу руку, пожелал ему доброй ночи и откланялся.

Шаг за шагом Ловел мог проследить, как удалялся хозяин дома по разным переходам, и каждая дверь, которую он за собой закрывал, давала все более глухой и мертвый звук. Отделенный, таким образом, от мира живых, гость взял свечу и осмотрел помещение. Огонь ярко пылал. Заботливая мисс Гризл оставила несколько запасных поленьев, на случай если бы гость пожелал их подбросить в камин. Комната имела вполне уютный, хотя и не особенно веселый вид. Она была увешана коврами, изготовленными на ткацких станках Арраса в шестнадцатом столетии. Ученый типограф, о котором так часто упоминалось, привез их с собой как образцы искусства континента. Рисунок изображал охотничьи сцены. И оттого, что раскидистые ветви и листва лесных деревьев задавали на коврах основной тон, комната и получила название Зеленой. Суровые фигуры в старинной фламандской одежде – прорезных камзолах с лентами, коротких плащах и широких, до колен, штанах, держали на сворках борзых и гончих или травили ими дичь. Другие – с пиками, мечами и старинными ружьями – добивали загнанных оленей и вепрей. На ветвях вытканного леса сидело множество птиц, и каждая была изображена в соответствующем оперении. Казалось, богатая, плодovitая фантазия старого Чосера вдохновила фламандского художника. Поэтому Олдбок велел выткать готическими буквами на подшитой к коврам кайме следующие стихи этого прекрасного поэта былых времен:

Взгляни на эти мощные дубы!
А как свежа трава густая тут!
На восемь футов стебли здесь растут.
Деревья встали стройною толпой.
Покрыты ветви сочною листвою.
Ее ласкает солнца теплый свет,
И спорит с багрецом зеленый цвет.

Гость взял свечу и осмотрел помещение

А в другом месте была такая схожая надпись:

И, мчась глухой лесной тропой,
Я ланей видел пред собой.
И то олень, то лось мелькал,
То заяц в чашу убегал.
Сидели белки на ветвях,
Рядком, с орешками в зубах.

Покрывало на постели было темного, но поблекшего зеленого цвета, расшитое в тон коврам, но более современной и менее искусной рукой. Большие и тяжелые стулья со штофными сиденьями и спинками черного дерева украшал такой же узор, а высокое зеркало над древним камином было оправлено в такую же раму, как и старомодное зеркало туалета.

«Я слышал, — сказал про себя Ловел, бегло осмотрев комнату и мебель, — что духи часто выбирают лучшую комнату в доме, чтобы обосноваться в ней, и я не могу не похвалить вкус расставшегося с телесной оболочкой типографа „Аугсбургского исповедания“». Но молодому человеку трудно было сосредоточиться на слышанных им рассказах об этой комнате, хотя они вполне соответствовали тому, что он здесь видел. Он даже пожалел, что не испытывает того возбуждения, слагающегося из страха и любопытства, которое порождают милые нам старинные сказки и предания. Ему мешала печальная действительность — захватившая его безнадежная страсть, ибо сейчас им владели только чувства, выраженные в строках:

Меня ты, дева, изменила:
Лишила доброты!
Моя душа навек остыла,

Жесток я стал, как ты.

Он попытался вызвать в себе подобие тех чувств, которые в другое время соответствовали бы обстановке, но в его сердце не было места для таких причуд воображения. Воспоминание о мисс Уордор, решившей не узнавать его, когда ей пришлось терпеть его общество, и выказавшей свое намерение уклоняться от встреч, уже одно могло бы целиком заполнить его ум. Но с этим сочетались воспоминания менее мучительные, но более волнующие – о том, как она еле-еле спаслась от гибели, о выпавшей ему удаче – вовремя прийти ей на помощь... И какова же была его награда? Девушка ушла с обрыва, когда его судьба была еще под сомнением, когда еще не было известно, не лишился ли ее спаситель жизни, так великодушно поставленной на карту ради нее. Право же, простая благодарность требовала некоторого участия к его судьбе... Но нет, она не могла быть такой себялюбивой или несправедливой, это было не в ее натуре! Она лишь хотела закрыть дверь перед надеждой и, хотя бы из сострадания к нему, погасить ту страсть, на которую никогда не могла бы ответить.

Эти рассуждения влюбленного едва ли могли примирить его с судьбой, и чем более желанной представлялась его воображению мисс Уордор, тем безутешнее он становился от крушения своих надежд. Он знал, что в его власти развеять некоторые ее предубеждения. Но даже в крайности он сохранял твердую решимость: убедиться, что она желает объяснения, а не навязывать его. И с какой бы стороны он ни смотрел на их отношения, он не мог считать свои мечты о браке неосуществимыми. В ее взгляде было замешательство и крайнее удивление, когда Олдбок представил его, и, подумав, Ловел пришел к выводу, что первое из них – напускное и должно лишь, прикрыть второе. Он не станет отказываться от поставленной им перед собой цели, уже перенеся ради нее столько страданий. Замыслы, отвечавшие романтическому складу создававшего их ума, проносились один за другим в голове Ловела, хаотично толпясь, как пылинки в солнечном луче, и еще долго после того, как он улегся, мешали ему обрести покой, в котором он так нуждался. Потом, утомленный неопределенностью и трудностями, с которыми, казалось ему, были связаны все его планы, он склонился к тому, что придется стряхнуть с себя путы любви, как «росинок бисер с гривы льва», и возобновить те занятия науками и тот образ жизни, от которых он из-за своего безответного чувства так долго и бесплодно отказывался. Эту свою решимость он пытался подкрепить всеми аргументами, какие ему подсказывали гордость и разум.

«Она не должна думать, – сказал он себе, – что, опираясь на случайную услугу, оказанную ей или ее отцу, я хочу завладеть ее вниманием! на что я лично, по ее мнению, не имею права. Я больше не увижу ее. Я возвращусь в страну, где, хотя и нет никого прекраснее, чем она, все же найдутся девушки столь же прекрасные и менее высокомерные, чем мисс Уордор. Завтра я распрощаюсь с этими северными берегами и с нею, холодной и безжалостной, как здешний климат».

Он еще некоторое время размышлял над этим мужественным решением, но усталость наконец взяла свое, и, несмотря на гнев, сомнение и тревогу, Ловел погрузился в забытие.

После такого сильного возбуждения сон редко бывает здоровым и освежающим. Ловела тревожили сотни необъяснимых и бессвязных видений. Он был то птицей, то рыбой, он летал и плавал – качества, которые были бы весьма полезны для его спасения несколько часов назад. А мисс Уордор была какой-то сиреной или райской птицей, ее отец – тритоном или чайкой, Олдбок же – поочередно дельфином и бакланом. Подобные картины причудливо сменяли одна другую, как это часто бывает при лихорадочных снах. Воздух отказывался его поддерживать, вода, казалось, жгла его, скалы, о которые он с размаху ударялся, были мягки, как пуховые подушки. Все, за что бы он ни брался, кончалось неудачей по какой-либо странной и неожиданной причине... Все, что привлекало его внимание, при попытке рассмотреть это ближе претерпевало необычайные, удивительные превращения. Его ум при этом все время в известной

мере сознавал свое заблуждение и тщетно силился от него избавиться, сбросив оковы сна. Все это – признаки лихорадки, слишком хорошо известные тем, кого преследуют дурные сны или – по-ученому – кошмары. Но вот эти беспорядочные фантасмагории начали располагаться в более правильную систему, если только не сам Ловел в своем воображении (а оно отнюдь не было последним из качеств, которыми блистал его ум) начал, проснувшись, постепенно и бес-сознательно для себя располагать в лучшем порядке сцену, во сне, может быть, представлявшуюся ему в менее четких очертаниях. Возможно и то, что его лихорадочное волнение способствовало образованию картины, которая перед ним возникала.

Предоставив спорить об этом ученым, скажем только, что после ряда нелепых видений, вроде описанных выше, наш герой, – ибо мы должны признать его таковым, – настолько вернулся к сознанию окружающего, что вспомнил, где он находится, и вся обстановка Зеленой комнаты предстала перед его дремлющими глазами. И тут позвольте мне еще раз заявить, что, если у нашего просвещенного и скептического поколения осталось немного старомодного легковерия, позволяющего утверждать, будто описанное ниже было воспринято глазами, а не явилось плодом воображения, я не стану оспаривать такую теорию. Итак, Ловел очнулся – или вообразил это – в Зеленой комнате и глядел на неверное, колеблющееся пламя догоравших головней. Одна за другой они падали в красную золу, которая образовалась, когда рассыпались в огне большие поленья. Незаметно в уме молодого человека ожило предание об Альдобранде Олденбоке и его таинственных появлениях пред обитателями комнаты, а одновременно, как часто бывает во сне, зародилось тревожное и боязливое ожидание, которое почти всегда тотчас же вызывает перед умственным взором предмет нашего страха. В камине заплясали языки пламени, настолько яркие, что наполнили своим светом всю комнату. Ковры бурно заколыхались на стене, и казалось, что смутные фигуры на них вдруг ожили. Охотники трубили в рога, олень как будто спасался бегством, кабан отражал нападение, а собаки то преследовали беглеца, то насакивали на клыкастого противника. Вокруг Ловела все вдруг наполнилось звуками: он слышал крики оленя, в которого вцепились свирепые псы, возгласы людей, стук конских копыт. И каждая группа, охваченная яростью охоты, продолжала то дело, за которым изобразил ее художник. Ловел взирал на эту странную сцену без удивления (которое редко вторгается в фантастику снов), но с тревожным ощущением неопределенного страха. Наконец, когда он попристальнее вгляделся, одна из вытканых фигур как будто вышла из ковра и начала приближаться к постели спящего, на ходу преображаясь. Призывный рог в ее руках превратился в книгу с медными застежками. Охотничья шляпа приняла вид отороченного мехом головного убора, какие украшают бургомистров Рембрандта. Фламандская одежда осталась, но лицо, уже не возбужденное пылом охоты, приняло сосредоточенное и суровое выражение, лучше подходившее первому владельцу Монкбарнса, судя по тому описанию, которое дали ему его потомки в предшествовавший вечер. Когда произошло это превращение, шум и гам стих в воображении спящего, которое теперь все сосредоточилось на стоявшей перед ним фигуре. Ловел хотел обратиться к этому жуткому персонажу с вопросом и подбирал для этого приличное случаю заклинание. Но язык его, как обычно при страшных снах, отказался ему служить и, парализованный, прилип к гортани. Альдобранд поднял палец, будто требуя молчания от гостя, вторгшегося в его жилище, и начал осторожно откидывать застежки с почтенного тома, который держал в левой руке. Раскрыв книгу, он некоторое время быстро перелистывал ее, а затем, выпрямившись и высоко подняв книгу левой рукой, указал какое-то место на открытой им странице. Хотя язык книги был спящему незнаком, его глаза и внимание как бы притягивались к той строке, которую приглашал прочесть потусторонний пришелец. Слова этой строки, казалось, пылали сверхъестественным светом и остались запечатленными в памяти Ловела. Когда призрак закрыл книгу, волна чудесной музыки наполнила комнату, и Ловел, вздрогнув, окончательно проснулся. Но музыка все еще звучала у него в ушах и не смолкала, пока он отчетливо не уловил ритма старинной шотландской мелодии.

Он указал какое-то место на открытой им странице

Он сел в кровати и попытался освободить свой мозг от видений, тревоживших его в тягостные часы этой ночи. Лучи утреннего солнца врываются сквозь полузакрытые ставни и наполняли комнату довольно ярким светом. Ловел оглядел укрепленные на крюках драпировки, но различные группы шелковых и шерстяных охотников на стенах были неподвижны и только слегка трепетали, когда ранний ветерок, пробираясь сквозь щелку в окне, скользил по поверхности ковров. Ловел соскочил с кровати и, закутавшись в халат, заботливо положенный у его ложа, подошел к окну, откуда открывался вид на море. Рев волн свидетельствовал о том, что оно все еще не успокоилось после вчерашнего шторма, хотя утро было тихое и ясное. В башенке, выступавшей из стены и благодаря этому расположенной близко к комнате Ловела, было полуоткрыто окно, и оттуда доносилась та музыка, которая, вероятно, прервала его сны. Потеряв призрачность, она в значительной мере утратила свое очарование. Теперь это была всего лишь мелодия, неплохо воспроизводимая на клавикордах. Как много значат капризы воображения для восприятия произведений искусства. Женский голос исполнял – не без вкуса и с большой простотой – нечто среднее между песней и гимном:

«Что ты сидишь здесь на руинах,
Седой, почтенный человек?
Не о красе ли дней старинных
Ты мыслишь, что ушли навек?»

И прозвучал ответ суровый;
«Ужель меня ты не узнал,
Кого не раз в причуде новой
То забывал, то упрекал?

Подвластны люди мне и звери,
Дохну – и смерть несу всему.
Великих вижу я империй
Восход, расцвет, уход во тьму.

Спеши же, близок миг разлуки.
Течет в часах моих песок.
До вечной радости иль муки
Твой отмеряет Время срок!»

Не дослушав стихов, Ловел вернулся в постель. Цепь мыслей, пробужденных ими, была романтична и приятна. Его душа находила в них отраду, и, отложив до более позднего часа трудную задачу определить будущую линию своего поведения, он предался нежной истоме, навеянной музыкой, и впал в здоровый, освежающий сон, от которого его довольно поздно пробудил старый Кексон, тихонько вошедший в комнату, чтобы предложить свои услуги в качестве камердинера.

– Я почистил ваш сюртук, сэр, – сообщил старик, увидев, что Ловел уже не спит. – Мальчишка принес его утром из Фейрпорта: ваш вчерашний никак не высушить, хотя он всю ночь провисел в кухне перед огнем. Башмаки ваши я тоже почистил, но сомневаюсь, чтобы вы позволили мне завить вам волосы, ибо, – продолжал он с легким вздохом, – нынешние молодые люди ходят стриженные. Но я все же приготовил щипцы – малость подвить вам хохолок, если пожелаете, прежде чем вы сойдете к дамам,

Ловел, который к этому времени был уже на ногах, отклонил услуги этого рода, но облек отказ в такую любезную форму, что вполне утешил огорченного Кексона.

– Как жаль, что он не дает завить и напудрить ему волосы, – сказал старый парикмахер, снова очутившись на кухне, где под тем или иным предлогом проводил почти все свободное время, точнее все время. – Да, очень жаль, потому что молодой джентльмен так хорош собой!

– Ври больше, старый дурень! – отозвалась Дженни Ринтерут. – Ты рад бы испакостить его чудесные каштановые волосы своим дрянным маслом, а потом обсыпать мукой, как парик старого пастора! Но ты, верно, явился завтракать? Вот тебе миска каши. Лучше займись ею и кислым молоком, чем пачкать голову мистеру Ловелу. Ты бы только испортил самые красивые волосы в Фейрпорте, да и во всей округе!

Бедный цирюльник вздохнул по поводу того неуважения, какое теперь везде встречало его искусство, но Дженни была слишком важной особой, чтобы ей противоречить. Поэтому, смиренно усевшись, он стал глотать свое унижение вместе с содержимым миски, куда была положена добрая шотландская пинта густой овсянки.

Глава XI

*Ужель ему послали небеса
Все им увиденные чудеса,
Иль ожили в его воображенье
Забывшие дневные впечатленья?*

Теперь мы должны попросить наших читателей перейти в комнату, где завтракает мистер Олдбок, который, презирая современные «помои» в виде чая и кофе, основательно подкрепляется *more majorem*⁹⁴ холодным ростбифом и неким напитком, называемым мум, – разновидностью эля, который варят из пшеницы и горьких трав. Нашему поколению он знаком только по названию, упоминаемому в парламентских актах наряду с яблочным и грушевым сидром и другими подлежащими акцизу предметами торговли. Ловел, которого соблазнило предложение отведать этого напитка, чуть не назвал его отвратительным, но воздержался, видя, что очень оскорбил бы хозяина, ибо мистеру Олдбоку ежегодно с особой тщательностью готовили этот настой по испытанному рецепту, завещанному ему столь часто упоминавшимся нами Альдобрандом Олденбоком. Гостеприимные дамы предложили Ловелу завтрак, более отвечавший современному вкусу, и, пока он ел, его осаждали косвенными расспросами о том, как он провел ночь.

– Ну, брат, мистера Ловела нельзя похвалить за его сегодняшний вид! Но он не хочет признаться, что его ночью что-то беспокоило. Нынче он очень бледен, а когда пришел к нам, в Монкбарнс, был свеж, как роза.

– Что ты, сестра! Подумай только – ведь вчера море да буря весь вечер трепали и швыряли эту розу, словно пук водорослей. Какого же черта мог сохраниться тут цвет лица?

– Я, в самом деле, все еще чувствую себя немного разбитым, – сказал Ловел, – несмотря на замечательно удобный ночлег, который вы так гостеприимно мне устроили.

– Ах, сэр, – воскликнула мисс Олдбок, поглядывая на него с многозначительной улыбкой, – вы из вежливости не хотите сказать, что вам было неудобно!

– Право, сударыня, – возразил Ловел, – я не испытал ничего неприятного, ибо не могу же я так отозваться о концерте, которым почтила меня какая-то фея.

⁹⁴ По обычаю предков (лат.).

– Я так и думала, что Мэри разбудит вас своим визгом! Она не знала, что я оставила ваше окно приоткрытым. А между тем, не говоря уж о духе, в Зеленой комнате в ветреную погоду бывает плохой воздух. Впрочем, смею думать, вы слышали не только пение Мэри. Ну что ж, мужчины – крепкий народ, они могут многое вынести. Случись мне пережить что-либо подобное – хотя бы естественное, а уж про сверхъестественное и говорить нечего, – я бы сразу закричала и подняла весь дом, а там будь что будет. И смею сказать, точь-в-точь так же поступил бы и пастор – я так ему и сказала. Я не знаю никого, кроме моего брата Монкбарнса, кто решился бы на такое, да вот разве еще вы, мистер Ловел!

– Человек учености мистера Олдбока, сударыня, не испытал бы таких неприятностей, как джентльмен из горной Шотландии, о котором вы вчера говорили.

– Да, да! Вы теперь понимаете, в чем главная трудность – в языке! Брат сумел бы загнать такое страшилище в самую дальнюю часть Лидии (вероятно, она подразумевала Мидию), как говорит мистер Блеттергаул. Да только он не хочет быть невежлив с предком, хотя бы тот был дух. Право, братец, я испробую тот рецепт, что ты показал мне в книге, если кому-нибудь снова придется спать в Зеленой комнате. Но только, думается мне, по-христиански милосерднее было бы привести в порядок ту комнату, где на полу циновки. Она малость сыровата и темна, но ведь у нас редко когда требуется лишняя кровать.

– Ну нет, сестра! Сырость и темнота хуже привидений. Наши призраки – духи света, и я предпочел бы, чтобы ты испытала тот волшебный рецепт.

– Я с радостью, Монкбарнс, будь у меня эти... ингредиенты, как их зовет моя поваренная книга. Там, помнится, были вербена и укроп, Дэви Диббл их знает, хотя, может, даст им латинские имена. Потом сельдерей, у нас его много, потому что...

– Не сельдерей, а зверобой, глупая женщина! – загремел Олдбок. – Ты, кажется, собралась рагу стряпать? Или ты думаешь, что духа, хотя он состоит из воздуха, можно изгнать рецептом против одышки? Моя умница Гризл, мистер Ловел, вспоминает (с какой точностью – вы сами можете судить) заклятие, о котором я как-то упомянул при ней и которое так поразило ее суеверную голову, что засело в ней крепче, чем все полезное, о чем мне случалось говорить за десять лет. Но мало ли старух, у которых...

– Старух! – воскликнула мисс Олдбок, от возбуждения забыв свой обычно покорный тон. – Право, Монкбарнс, ты не очень-то учтив со мной!

– Зато очень справедлив, Гризл. Впрочем, я отношу к глупцам этой же категории много звучных имен, от Ямблиха до Обри, – людей, тративших свое время на изобретение воображаемых средств против несуществующих болезней. – Но я надеюсь, мой молодой друг, что, замороженный или не замороженный, защищенный могуществом зверобоя

...с вербеной и укропом,
Чтоб ведьм изгнать всех скопом,

или безоружный и беззащитный перед вторжением невидимого мира, вы отдадите еще одну ночь ужасам заколдованной комнаты и еще один день вашим искренним и верным друзьям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.